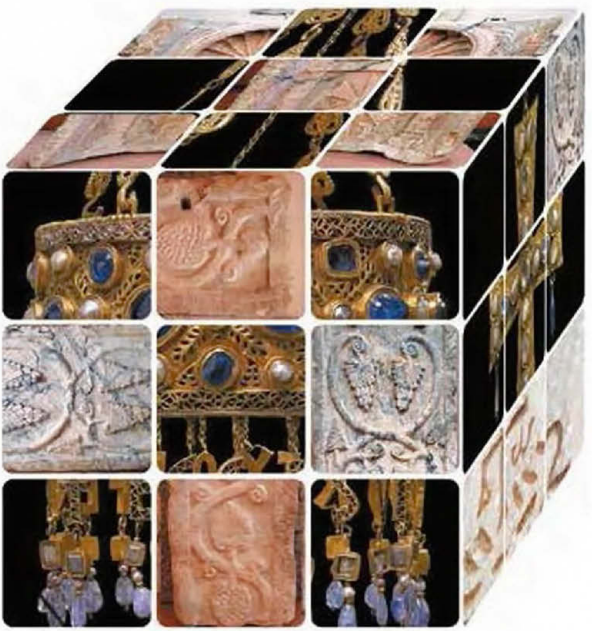
О. В. Ауров

parvus libellus

ИСПАНИЯ
В ЭПОХУ ВЕСТГОТОВ



в в р а з и я

ЕВРАЗИЯ

О. В. Ауров

ИСПАНИЯ В ЭПОХУ ВЕСТГОТОВ

Краткая история

2-е издание, электронное

ЕВРАЗИЯ

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(460).013
ББК 63.3(0)4
А93

Ауров, Олег Валентинович.
А93 Испания в эпоху вестготов. Краткая история / О. В. Ауров. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 226 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0671-1

В монографии, в основу которой положены материалы лекционного курса, в течение ряда лет читавшегося студентам-испанистам, будущим историкам и филологам, в кратком изложении представлены основные периоды истории страны в вестготскую эпоху (начало V — начало VIII вв.), начавшуюся расселением варварских народов на землях Пиренейского полуострова и завершившуюся мусульманским завоеванием. Именно в этот период испанские земли были впервые объединены в границах единого государства, образ которого, сохраненный в Средние века, оказал самое непосредственное влияние на становление основ современной испанской государственности.

Для специалистов — историков, филологов и историков права, студентов соответствующих специальностей, а также всех, интересующихся историей народов Пиренейского полуострова.

УДК 94(460).013
ББК 63.3(0)4

Электронное издание на основе печатного издания: Испания в эпоху вестготов. Краткая история / О. В. Ауров. — Санкт-Петербург : Евразия, 2019. — 226 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0428-1. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0671-1

© Ауров О. В., текст, 2019
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2019
© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2019

В стране Исидора Севильского (вместо предисловия)

«Ты, о Испания (*Spania*), священная земля и счастливая мать правителей и народов, самая прекрасная среди всех земель, которые простираются с Запада и до Индии! Ты ныне по праву являешься царицей всех провинций, на которые простирает свой свет не только сторона заката, но и Восток. Ты — цвет и украшение мира, славнейшая часть земли, на которой от души радуется и счастливо процветает великий и плодоносный народ готов. По достоинству обогатила тебя и снизошла к тебе Природа обилием всякой твари; ты богата плодами земли, обильна виноградом, счастлива урожаями; ты покрыта злаками, на тебя бросают тень оливы, тебя венчают виноградные лозы. От тебя исходит аромат полей, покрыты свежей зеленью твои пустоши, рыба изобилует у твоих берегов. Ты расположена в самом благоприятном регионе мира: тебя не иссушает жар южного солнца, не сковывает тебя суровый холод, но, опоясанная умеренной зоной небес, насыщаешься ты счастливым и мягким дуновением Зефира...» — так в начале VII в. с восторгом писал о своей земле выдающийся церковный писатель Исидор Севильский.

Составленная им «Похвала Испании», фрагмент которой приведен выше и которая является прологом исидоровой «Истории королей готов, вандалов и свевов», представляет собой документ воистину уникальный. Не потому, что это было первое описание испанских земель, — задолго до Исидора Севильского это сделали римские географы (Плиний Старший, уроженец Испании Помпоний Мела, Страбон и др.). Однако никто из них не воспринимал далекую Иберию как отдельную самостоятельную страну; для римских писателей Испания, отделенная от других римских провинций Пиренейскими горами на севере и Гибралтарским проливом на юге (который греки и римляне называли Геркулесовыми столбами), была лишь одним из многих регионов Римской державы.

Действительно, ничего не объединяло Иберию римских и доримских времен, кроме естественных границ. В разные времена ее населяли разные народы с несоотносимыми историческими судьбами — иберы, кельты, кельтиберы, финикийцы, греки и др. И если римские писатели изредка использовали для их обозначения общее наименование «испанцы», то означало оно отнюдь не единый народ, но разнородное население, объединенное лишь принадлежностью к определенной территории: точно также в нашем современном языке мы используем слова типа «европейцы» (для обозначения всего населения Европы), «американцы» (распространяя его на жителей как Северной, так и Южной Америки) и т. п.

Разнообразие природных условий делало области исторической Испании непохожими друг на друга; их переход под юрисдикцию Рима растянулся более чем на 300 лет — от конца III в. до н. э. до начала I в. н. э. включительно, когда римлянам покорились северные области Пиренейского полуострова, населенные астурами, кантабрами, галайками и другими племенами. Совсем не случайно все эти области оказались в составе разных римских провинций, которых сначала насчитывалось две, потом — три, потом — еще больше, пока на рубеже III–IV вв. н. э. их число не достигло шести. Каждая из этих провинций отличалась собственной спецификой. Не случайно слово «Испания» неизменно использовалось римскими писателями и законодателями исключительно во множественном числе — *Hispani(a)e*: столь высокая степень гетерогенности отличала созданную силой римского оружия совокупность испанских провинций.

Ситуация изменилась лишь во времена Исидора Севильского, при жизни которого в конце VI столетия иберийские земли были объединены под властью правителей варварского народа вестготов, неразрывность исторической судьбы которых с испанскими землями подчеркивал в своей «Похвале Испании» великий севилец. И пусть современные историки давно уже отказались от представления о том, что Римская империя пала под напором жестоких и кровожадных германцев-варваров (одними из которых будто бы и были вестготы) и что наступившее вместе с этими варварами «мрачное Средневековье» стало «германской эпохой»,

пришедшей на смену «эпохе римлян», мысль Исидора о поворотном значении расселения вестготов в Иберии для дальнейшего хода испанской истории отнюдь не утратила своей актуальности. Ныне мы уже многое знаем о вестготской эпохе, периоде, продолжавшемся с начала V в., когда испанские земли формально еще находились под властью Рима, и до начала VIII столетия, когда мусульманское завоевание положило конец истории созданного вестготскими королями Толедского королевства. И хотя за многие столетия до возникновения последнего на иберийской земле были представлены созданные древними народами самые разные государства (включая римское), нет никакого сомнения в том, что именно к этому королевству следует возводить истоки государственности современной Испании.

Кто такие вестготы? Как и почему они появились на Пиренейском полуострове, за тысячи километров от Скандинавии, района р. Вислы и причерноморских степей, с которыми связано начало известного нам периода их истории? Как отразилось их присутствие на исторических судьбах народов Испании? Можно ли говорить о «германизации» полуострова в вестготскую эпоху? Какой след оставила готская Испания в истории Европы? Ответы на эти и другие вопросы я постараюсь дать в монографии, в основу которой положены материалы лекционного курса, в течение многих лет читавшегося студентам-испанистам, будущим историкам и филологам Института филологии и истории РГГУ.

* * *

Публикация этого текста была бы невозможна без А. Ю. Карачинского, одного из руководителей издательства «Евразия», которому принадлежит и сама идея создания книги. Хочу также выразить признательность чл.-корр. РАН Н. П. Гринцеру, директору Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы, сотрудником которой я являюсь, за неизменную поддержку моих научных проектов.

В процессе работы для меня были крайне важны как результаты исследований, так и высказанные в устной форме советы моих российских и испанских коллег. В их числе следует в первую очередь назвать ныне покойных Александра Рафаиловича Корсунского (1914–1980), быть знакомым с которым мне, к сожалению, не довелось, а также о. Гонсало Мартинеса Диеса, S.I. (1924–2015), которого я имел счастье знать лично и советы которого были для меня крайне важны в процессе работы над проектом по комментированному переводу «Книги приговоров» («Вестготской правды»), судебника вестготских королей.

В числе моих испанских коллег, без косвенного участия которых эта книга никогда не была бы написана, я с удовольствием называю имена выдающегося специалиста по истории позднеримской и готской Испании Луиса Агустина Гарсия Морено и блестящего филолога-классика Исабель Веласкес-Сориано.

В работе со своими учениками разных лет А. В. Мареем, Л. В. Черниной, Е. С. Марей (Криницыной) и М. Ю. Биркиным я в полной мере осознал суть латинского выражения *docendi discimus* («обучая — учимся»), поскольку полагаю, что в сфере истории и культуры вестготской Испании они, все вместе и каждый в отдельности, научили меня намного большему, чем сумел научить их я сам. Наконец, хочется назвать имя молодого современного философа С. А. Воронцова, благодаря общению с которым я сумел глубже понять содержание некоторых важных богословских идей Исидора Севильского. Неизменно доброжелательные, но и критичные отзывы всех этих молодых людей являются для меня самыми главными.

Глава 1
Накануне: римская предыстория вестготской Испании

Несмотря на то, что эта книга посвящена вестготской эпохе в истории Испании, было бы неверным игнорировать роль римского наследия в этой истории. Уже давно ушли в прошлое идеи испанских историков-германистов (Э. Перес Пужоль (1830–1894), Э. де Инохоса-и-Наверос (1852–1919), частично — К. Санчес-Альборнос (1893–1984) и др.), сторонников идеи преобладающей роли германских начал в становлении основ испанской средневековой цивилизации. К настоящему времени достоянием истории медиевистики стали даже умеренно-германистские взгляды историков-марксистов, уделявших особое внимание роли древнегерманской сельской общины-марки в формировании основ «феодального строя» в его марксистском понимании. Ныне в значительной мере возобладали взгляды сторонников преобладающей роли римских, романских начал в становлении феномена готской Испании (Р. Коллинза, Х. Арсе, Ю. Б. Циркина и др.).

И действительно, хотя история испанского государственного единства берет свое начало в вестготское время, но оно никогда не могло бы

осуществиться в своем нынешнем виде вне своей римской предыстории. В конце концов, само наименование «Испания» (*Hispania, Spania*) возникло задолго до Средневековья. По всей видимости, оно восходит к финикийскому *span* (кроличий берег); другое древнее наименование полуострова — «Иберия» (*(H)iberia*) — обязано своим происхождением одному из народов древней Испании (иберам) и связанному с ними названию Эбро (античному Иберу — *(H)iberus*).

В римский период испанской истории, хронологически простирающийся от Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.) до начала V в. н. э., сложились не только политико-административные, но и культурно-лингвистические основы единства Испании. Языки доримского населения (за исключением, вероятно, баскского) — иберийские, кельтские, кельтиберские, финикийский, греческий — были утрачены, оставив после себя лишь диалектные слова и некоторые фонетические особенности, свойственные разговорной иберийской латыни. В процессе романизации прочные корни на полуострове пустили римский образ жизни — от типа освоения пространства до форм бытовой культуры (пища, одежда, жилище и т. п.), а также римская система учреждений.

В итоге испанские провинции (отсюда — множественное число латинского наименования полуострова в римскую эпоху — *Hispaniae*) оказались в числе наиболее романизированных, а выходцы из них, начиная с конца I в. н. э., заняли видное место в жизни Римской державы, как культурной

(писатель Л. Анней Сенека Старший (55 г. до н. э. — ок. 40 г. н. э.) (отец философа Сенеки), поэт М. Анней Лукан (39–65), писатель, экономист, агроном и поэт Ю. Л. Модерат Колумела (I в. н. э.), выдающийся римский оратор и теоретик ораторского искусства, страстный поклонник и пропагандист творчества Цицерона М. Фабий Квинтиллиан (35–100), поэт и сатирик Марк Валерий Марциал (40–102) и мн. др.), так и политической (первый консул из провинциалов Л. Корнелий Бальб (40 г. до н. э.), императоры Траян (53–117), Адриан (76–138), Феодосий I Великий (379–395)), а позднее — и церковной (выдающийся церковный деятель римский папа Дамас (или Дамасий) (366–384)).

Территориально-административная организация римской Испании. Однако римские истоки вестготской Испании связаны не только со сферами латинского языка и культуры. Созданная Римом организация власти на местах уцелела после падения Западной Римской империи и стала отправным пунктом формирования территориально-административной организации вестготской эпохи.

Задолго до того, как испанские земли были объединены в составе королевств вестготов, в самом конце III в. земли полуострова оказались в составе единого региона Империи — созданного при императоре Диоклетиане (284–305) диоцеза «Испании» (*diocesis Hispaniarum*); впервые его наместник (*comes Hispaniarum*) упоминается в 297 г. Диоцез входил в состав префектуры Галлии и включал 7 провинций: Бетика, Лузитания, Карфагенская провинция (с центром в Картахене), Галлеция, Тарраконская

провинция, Балеарские острова и так называемая «Тингинская Мавретания» (на территории современного Марокко).

Как и прежде, базис провинциальной системы составляли муниципальные учреждения на местах. Как известно, античное общество было обществом городским — в некоторых регионах горожане составляли до половины населения и более. Римская Испания была настоящей страной городов, реорганизованных в процессе романизации полуострова согласно римским представлениям о формах городской жизни. Так, в провинции Бетика в эпоху ранней Империи насчитывалось не менее 175 городов, в Лузитании — 46, а в Тарраконской провинции — 186. В период Поздней империи и в вестготское время большинство из этих городов никуда не исчезли. В III в. они обзавелись укреплениями; к настоящему времени в наибольшей мере свой римский облик сохранили стены Таррагоны, Леона, Луго, башни городской стены римского времени сохранились в Барселоне и т. д. Длительное время продолжала существовать и обширная городская инфраструктура римского времени: акведуки, канализационные системы, театры, амфитеатры, цирки, стадионы, общественные здания (курии (места заседания местных сенатов — курий), капитолии) и др. В христианскую эпоху, начиная с V в., к ним добавились храмы-базилики, вскоре превратившиеся в новую доминанту городской топографии. Впрочем, в полной мере эта тенденция реализовалась уже в вестготский период,

ставший временем завершения христианизации римского города.

Полисная по своим ключевым принципам организация власти античного типа выдвигала город с прилегающей к нему сельской округой (*territorium*) в качестве центра административной жизни. С изданием в 212 г. так называемого «Эдикта Каракаллы» (или «Конституции Антонина»), предоставившего римское гражданство всем свободным людям Империи, прежнее деление на колонии римских граждан, латинские муниципии и общины перегринов утратило смысл. Теперь все горожане Испании (как, впрочем, и других частей Империи) в полной мере осознавали себя римлянами — гражданами «круга земель», противопоставившего себя окружающей варварской периферии. Впрочем, наряду с общеимперским, сохраняло свое значение и местное, муниципальное, гражданство.

Как и прежде, основой муниципальной власти оставался городской сенат — курия. При этом сословие местных сенаторов — декурионов — претерпело определенные изменения. Во-первых, был существенно расширен круг кандидатов путем изменения возрастных рамок: теперь они включали лиц от 18-ти до 70-ти летнего возраста. Во-вторых, существенно «демократизировался» их состав: потомки доримской племенной знати растворились в среде разбогатевших плебеев. В-третьих, сословие куриалов стало менее однородным: оформилась городская олигархия (так называемые *principales*). Именно им принадлежали обширные виллы в пригородной зоне, хорошо известные

археологически и значительно превышающие по масштабам сельские поместья предшествующего периода. Вероятно, именно принципалы сосредоточили в своих руках повседневное управление городом, что объясняет отсутствие упоминаний о городских магистратах предшествующего времени (дуовиры, эдилы и др.). Наконец, в отношениях между городами Испании и императорской властью с начала V в. важную роль приобрел институт городских комитов (от лат. *comes* — спутник). Изначально эти *comites civitatum* представляли интересы императоров на местах, но ни в коей мере не подменяли муниципальную администрацию.

Христианство и Империя к началу V в. Хотя, как уже говорилось выше, завершающий этап христианизации Испании пришелся на вестготское время, однако начальная фаза этого процесса связана еще с римской эпохой. Важные изменения принесло с собой появление на полуострове первых христианских общин, которые возникли не позднее последней трети II в., когда об испанских христианах впервые упоминает Ириней Лионский. После 313 г., с принятием Медиоланского эдикта («Эдикта о веротерпимости») Константина-Лициния, христиане полуострова получили свободу вероисповедания. На активную религиозную жизнь в испанских христианских общинах IV в. указывают как сохранившиеся постановления провинциальных соборов (так называемого «Собора в Эльвире» (Иллиберис, современная Гранада, около 325 г.), Сарагосского и I Толедского соборов), так и сам факт распространения ересей («ересь» — греч.

«отпадение»). После издания Миланского эдикта позиция по отношению к еретикам ужесточилась. Одной из наиболее распространенных ересей в первой трети IV в. стало арианство, осужденное специально для этого созванным императором Константином (306–337) I Вселенским собором в городе Никея Вифинская (325 г.).

Но эпоха арианства вовсе не закончилась постановлениями. Уже вскоре ариане получили неожиданную поддержку со стороны императора Константина I, и до своего окончательного осуждения II Вселенским собором в Константинополе (381 г.) арианство оставалось доминирующим толком христианства в Империи. Впрочем, и после этого оно не исчезло до конца и всецело, а обрело второе дыхание с приходом на территорию Империи варварских народов, принявших христианство именно в этой форме. К середине V в. н. э. этот процесс затронул и Испанию.

В завершение этих кратких замечаний об истории раннего испанского христианства необходимо хотя бы вкратце остановиться на характеристике общих принципов организации христианских общин этого периода, поскольку в своих основных чертах они сохранялись во второй половине V — середине VII вв., а частично — и позднее. Уже в первой половине IV в. в составе христианских общин фигурируют представители всех слоев городского населения — бедных и богатых, свободных и рабов, земледельцев, ремесленников, торговцев, в совокупности составлявшие паству — «народ» (*populus*). За пределами городских стен

христианство еще долго чувствовало себя неуверенно: хора оставалась чуждой территорией, населенной по преимуществу язычниками (не случайно наименование жителей сельских округов (пагов) уже в IV в. трансформировалось в название язычников (*pagani*)). И этот факт следует признать вполне закономерным: христианская церковь складывалась в условиях античной, городской по своей сути, цивилизации и не могла не испытывать ее влияния.

«Городской» характер испанской позднеантичной церковной организации проявлялся и в положении клира — епископа (главы общины), пресвитеров, диаконов и чтецов, — воспринявшем важные элементы статуса куриалов. Так, поощрялось вступление в состав клира детей клириков. Епископы, пресвитеры и дьяконы должны были являться известными в городе лицами, с незапятнанной репутацией и прочным имущественным положением. Им запрещалось извлекать из своего положения материальную выгоду — заниматься ростовщичеством и взимать плату за требы. Особенно же показательным в этом смысле является требование соблюдение целибата (отказа от брака), содержащееся в 27 и 33 канонах собора в Эльвире (Иллиберис, современная Гранада). Этой норме еще не суждено было утвердиться (последующие соборы не подтверждают ее). Однако само по себе ее появление является симптоматичным: имущество клириков должно было оставаться Церкви, а не уходить к наследникам так же, как имущество куриалов не должно было выходить за пределы муниципия.

Центральное место в общине принадлежало епископу. Именно ему надлежало управлять общиной и совершать таинства — крещение, евхаристию, елеосвящение (соборование) и др. Клирики имели право выполнять эти функции лишь по прямому указанию епископа (например, причащение больных), либо в его отсутствие. Лишь епископ мог налагать епитимью или отлучать от причастия; никто, кроме него, не мог освободить наказанного от отлучения. Важнейшие вопросы церковной жизни должны были решаться в собрании всех епископов провинции; там же происходило и рукоположение в епископский сан (другие категории клириков рукополагались епископами, каждым в своем городе). Председателем на таких собраниях являлся епископ главного города провинции (*митрополит*).

На уровне выше уровня провинции стабильные связи не поддерживались и никакой сложившейся церковно-административной иерархии не существовало. Папа, епископ города «апостола Петра», воспринимался как авторитет, но не как вышестоящий архиерей. Более того, не существовало даже единого круга литургических текстов. До конца XI — начала XII вв. в Испании сохранялась собственная литургическая традиция (так называемая «готская» или «мосарабская» литургия). Даже псалтырь имел распространение не в переводе Иеронима, а в собственной латинской версии (так называемый «Готский псалтырь»).

Все отмеченные особенности церковной организации просуществовали по меньшей мере до конца VII в. Сложившаяся в римском обществе

христианская Церковь не могла не испытать влияния того сложного социального и культурного опыта, который был накоплен этим обществом за многие века его истории. В конечном итоге именно этот факт предопределил историческую роль Церкви как хранителя культурного наследия античности, как посредника между старым, римским, и новым, средневековым, мирами.

Римская Испания накануне расселения варваров. Высшим благом, принесенным римлянами на земли, вошедшие в состав их мировой державы, стало благо римского мира — *pax Romana*. Именно мир и стабильность, обеспеченные всей мощью римской администрации и военной системы, стали основой для экономического процветания провинций и заставили провинциалов мириться как с самим фактом подчинения Риму, так и тяготами римского налогообложения, значительно усилившегося в период Поздней империи и принявшего форму *iugatio-capitatio* (поземельно-подушного). Однако уже бурные политические события III в. принесли сомнения в вечности римских порядков. На фоне общего ослабления Империи в ходе «кризиса III века» полуостров впервые за несколько столетий столкнулся с гражданскими войнами и вторжениями варваров. Так, Бетика и восточная часть Тарраконской Испании в 190-е гг. выступили на стороне узурпатора Кандида против императора Септимия Севера. Около 260 г. в Испанию вторглись германцы (франки и аламаны), воспользовавшиеся новой гражданской войной и прорвавшие римскую границу на Рейне. Разрушению

и разграблению подверглись города и сельские поместья-виллы, оказавшиеся в зоне вторжения. В 280-х гг. Испания испытала новые потрясения, скорее всего, также связанные с вторжением варваров (возможно — берберов (мавров), вторгшихся через южные границы).

Как известно, в период правления Диоклетиана Империя сумела восстановить внутренний мир и отразить внешние вторжения. Однако гражданские конфликты и вторжения варваров III в. не прошли бесследно. К концу этого столетия в Галлии началось движение багаудов. Уверенно характеризовавшееся в советской историографии как форма классовой войны и «народное движение», в настоящее время это явление, крайне гетерогенное по своей природе, рассматривается скорее как свидетельство определенной слабости позднеримской системы обеспечения внутреннего мира. Группы беглых рабов и колонов, шайки разбойников, объединения сельских жителей, отказывавшиеся платить налоги и подчиняться римским властям, сторонники сохранения языческих культов в противовес навязывавшейся властями христианизации — движение багаудов, то шедшее на спад, то вспыхивавшее вновь, вобрало в себя все возможные формы протеста.

До начала V в. включительно движение ограничивалось лишь отдельными районами Галлии. Однако на фоне вторжения на полуостров вандалов, аланов и свевов, прорвавших римскую границу на Рейне в новогоднюю ночь 405/406 гг. и достигших пределов Испании в 409 г. (см. об этом ниже),

ближе к середине V столетия багауды появились и в Тарраконской Испании. Последствия оказались настолько серьезными, что император Запада Валентиниан III (424–455) был вынужден направить в эти области войска во главе с полководцем Астурием (судя по его имени, испанцем по происхождению). В 441 г. он нанес повстанцам тяжелое поражение, но уже в 443 г. военную силу пришлось использовать вновь и зятю Астурия, Меробауду, удалось вновь разгромить багаудов.

Тем не менее движение так и не было полностью подавлено. Более того, к 449 г. багаудам удалось объединить свои силы; их лидером стал некий Басилий, под контролем которого оказалась значительная часть Тарраконской провинции, включая всю долину Эбро. В 449 г. багауды захватили охраняемый германцами-федератами Империи город Тириассон и убили местного епископа Льва, в 453–454 гг. в союзе со свевским королем Рекиарием подвергли разорению окрестности Цезаравгусты (Сарагосы). Лишь в 454 г., когда на подавление багаудов и их союзников были направлены войска находившихся на римской службе федератов-вестготов во главе с их королем Теодорихом I, и эта мера оказалась достаточно эффективной.

Кризис и крушение системы «римского мира» в Испании (как, впрочем, и в других провинциях Западной империи) имели колоссальные последствия. Испанские города и испано-римские землевладельцы-латинфундисты (которых также принято называть магнатами от лат. *magnus* — великий,

могущественный) осознали, что в сложившейся ситуации им следует рассчитывать только на себя. Уже в III в. города обзавелись внешними стенами и стали использовать для своей охраны отряды воинов-наемников, нередко состоявшие из варваров-федератов. Аналогичным образом поступали и латифундисты. Центры их владений — господские поместья с роскошными жилыми помещениями, с мозаичными полами и фресками, сельскими храмами-капеллами, банями, складскими помещениями, ремесленными мастерскими — также обзавелись укреплениями. На службе у римских магнатов появились отряды наемников и военных клиентов-букцелляриев, получавших от патронов не только оружие, но и земельные участки, на доходы от которых существовала семья клиента. Таким образом, сельская вилла обрела определенную автономию, причем не только военную, но и административную. Осознавая, что им не следует особенно рассчитывать на помощь не только императора, префекта претория Галлии и викария Испании, но и (что, вероятно, было даже более важным) властей ближайших городов, латифундисты надеялись лишь на самих себя в деле обеспечения безопасности собственных семей, слуг, да и всех территорий вилл с расположенными на них сельскими поселениями-виками, населенными рабами и прикрепленными к земле арендаторами-колонами (постепенно превращавшимися в крепостных).

Дистанцирование знати от городской жизни, наметившееся на рубеже III–IV вв., в этих условиях ощутимо усилилось. Изначально генетически

связанные с родным городом, своей *patria*, испано-римские магнаты, оторванные христианством от мира отцовских богов, культы которого освещали местный патриотизм, и в практических вопросах все меньше зависели от городских властей и все более тяготились их опекой, которая казалась все менее эффективной и все более дорогостоящей. Эта тенденция ощущается и в том восприятии облика города, который отразился в поздней латинской литературе, у Авсония, Сидония Апполинария и других поэтов и писателей. В их сочинениях упоение городом как воплощением торжества культуры и цивилизации все более уступало место недовольству скученностью городской жизни (прямым следствием появления городских стен, резко ограничивших городскую территорию), шумом и теснотой, грязью улиц и площадей; в противовес им сельская жизнь с ее близостью к природе воплощалась как идеальная форма существования человека.

Наращивая собственные силы, магнаты охотно принимали под свою власть простых свободных людей, обращавшихся к ним с просьбой о материальной помощи и покровительстве: люди являлись главным экономическим и военным ресурсом, пренебрегать которым было бы нелепо. Активно распространявшиеся отношения патроната не являлись чем-либо новым для испано-римского общества, в котором клановые отношения всегда играли заметную роль, однако бурный рост числа клиентов (колонов, букцелляриев и др.) неизбежно рано или поздно должен был привести

и к изменениям качественного характера. Во второй половине IV в. римский историк Аммиан Марцеллин возмущался, что свойственное клиенту пренебрежение собственным достоинством распространилось настолько широко, что проявляется даже в поведении магнатов, униженно склоняющихся перед влиятельными персонами, касающихся их колен и целующих им руку — как будто эти являются клиентами, а те патронами. Конечно, в этом образе было немало художественного преувеличения, но, вне всякого сомнения, он возник не на пустом месте. Следует также добавить, что обладание частными военными отрядами порождало у римской знати соблазн использовать силы в отношениях с другими магнатами в ходе поземельных и иных споров: в отличие от долгого и дорогого римского суда суд меча казался скорым и эффективным.

По мере развития этих тенденций императорская власть Западного Рима (персонифицированная императором, проживавшим в Равенне и префетом претория, резиденцией которого являлся Арелат (современный Арль)) все более воспринималась на местах как излишняя обуза, чрезмерно дорогая и малоэффективная. Правление Валентиниана III в Западной империи привело к такому ослаблению римской государственности, компенсировать которое его преемники оказались уже неспособны. В третьей четверти бурного V столетия падение императорской власти стало лишь вопросом времени. Возникший вакуум власти неизбежно должен был заполниться новыми силами,

каковыми и стали римские воины-федераты варварского происхождения, ведомые своими полководцами в ранге *reges* («королями»). В испанских провинциях Империи эту функцию выполнили свевы, вандалы, аланы, но в первую очередь —вестготы.

О них и пойдет речь ниже.

Глава 2
Расселение варваров в испанских провинциях Западной Римской империи в V — начале VI в.

Вестготы, свевы, вандалы и аланы к началу Великого переселения народов. Расселение варварских народов на территории испанских провинций стало естественным следствием и одновременно одним из важных эпизодов Великого переселения народов — комплекса глобальных по своим масштабам миграций, обусловленных спецификой хозяйственной и политической жизни варваров, населявших периферию империи, а также изменениями климата (сильное похолодание), который привел в движение кочевые народы евразийских степей и захватил Испанию в начале V в.

Варвары-германцы (вестготы, свевы и вандалы), а также негерманский по происхождению (ираноязычный) народ аланов, в дальнейшем оказавшиеся на территории испанских провинций, упоминаются римскими авторами уже на рубеже н. э. Народ готов («гутонов») (западной ветвью которого позднее стали вестготы, расселившиеся за Пиренеями) происходит из Южной Скандинавии (территория этногенеза германцев); древнейшие следы их пребывания в регионе отразились в ряде топонипов, в числе которых — шведские

Вестерегланд и Эстерегланд. Около IV в. до н. э. готы расселились на континенте, в междуречье Одера и Вислы: именно здесь в I в. н. э. фиксируют их местоположение Плиний Старший и Тацит. В это время свевы располагались много западнее, у р. Эльбы. С царем свевов Ариовистом, попытавшимся обосноваться за Рейном, сражался Г. Юлий Цезарь (поэтому именно свевам посвящена значительная часть «германских» экскурсов в его «Записках о галльской войне»). Вандалы на рубеже н. э. жили к востоку от свевов. Наконец, Плиний Старший одним из первых упоминает и об аланах.

Во второй половине II в. н. э. варварский мир пришел в движение. Готы от междуречья Вислы и Одера выдвинулись на территорию Русской равнины в общем направлении на юг и восток. К концу III в. они достигли Северного Причерноморья и заняли огромную территорию от Дуная на западе до Дона и Кубани на востоке, где образовалась так называемая «держава Германариха». Именно здесь произошло окончательное выделение двух ветвей готского этноса, к этому времени вобравшего в себя самые разнородные элементы (праславянские, скифо-сарматские и некоторые другие): тервингов (позднее — вестготов (везеготов), «западных готов») к западу от р. Днестр и гревтунгов (позднее — остготов (аустроготов), «восточных готов») к востоку от нее. Впрочем, хотя впервые эти этнонимы упоминаются уже в конце III в., окончательно они утвердились лишь в V–VI вв., причем наименования «тервинги»

и «гревтунги» уже в начале V в. сохранялись лишь в героическом эпосе.

В последней трети IV в. на готов неожиданно обрушился пришедший с востока воинственный кочевой народ — гунны (их точная этническая принадлежность до сих пор остается предметом научных дискуссий), быстро подчинившие остготов, а вскоре достигшие и вестготских владений. В 376 г. предводители вестготов-христиан Фритигерн и Алавив обратились с просьбой к императору Востока Валенту (364–378). Они просили разрешить их народу перейти Дунай и поселиться в римских границах. Ранее подобные просьбы удовлетворялись крайне редко, но к 376 г. ситуация изменилась: значительная часть вестготов уже исповедовала христианство (главным образом, арианство в его умеренной форме, так называемое *омийство*). Начало распространения христианства в готской среде следует датировать III в., однако полная победа новой веры связана лишь со временем Ульфилы (Вульфилы), которому, среди прочего, принадлежит и значительная часть перевода Библии на готский язык (для этой цели предварительно был создан готский алфавит на основе греческого). Помимо ариан, составлявших большинство христианизированных готов, известно и о немногочисленных готах-кафоликах, сохранявших верность никейскому вероисповеданию (свв. Савва, Инна, Пина и Рима и др.). Следует также заметить, что и к началу V в. христианство приняли еще далеко не все готы. Так, язычником являлся вторгнувшийся в Италию на рубеже 405–406 гг.

предводитель (ост)готов Радагайс, окружение которого, если верить Павлу Орозию, не брезговало даже человеческими жертвоприношениями.

Будучи ревностным арианином, император Валент дал разрешение своим единоверцам поселиться за Дунаем, надеясь в будущем использовать их военную силу. В 376 г. он заключил с готами договор (лат. *foedus*; отсюда — статус «федератов», который получили воины-поселенцы), согласно которому германцы получили право обосноваться в римской провинции Мезия и получать содержание от римских властей. Со своей стороны, готы обязались нести военную службу по охране римских границ.

Расселение большого числа варваров в пределах Империи вызвало существенные трудности, к тому же сыграли свою роль и злоупотребления со стороны римских военачальников во Фракии Лупицина и Максима. В итоге готы испытывали острый недостаток продовольствия и фуража и дело дошло до открытого вооруженного конфликта. Вестготы восстали. После неудачных попыток подавления мятежа против них выступил сам Валент. В 378 г. в битве при Адрианополе его войска были разбиты. Погиб и сам император. Лишь его преемнику Феодосию I удалось вернуть германцев к повиновению. В 382 г. был заключен новый договор, который в основном восстановил условия прежнего. После этого вестготов, ведомых новым предводителем — Аларихом (ок. 394–411), мы видим на римской военной службе до самой смерти Феодосия I (395 г.). Но уже через месяц после

нее последовали новые конфликты с римскими властями и новые мятежи. Пройдя Балканский полуостров, в 401 г. готы вторглись в Италию; императору Запада Гонорию в 402 г. даже пришлось перенести столицу Империи из осажденного Аларихом Милана в Равенну. Энергичному командующему войсками Запада Стилихону (и фактически второму первому лицу в Равенне) удалось в 402 г. нанести готам тяжелые поражения при Полленции и Вероне и добиться преимущества. Аларих признал власть Рима, за что в 405 г. получил военное командование в Иллирике: готский предводитель был нужен Стилихону для давно замышлявшейся им войны с Восточной империей, но этим планам не суждено было сбыться. После смещения Стилихона, ставшего результатом заговора, и его казни (408 г.) стало ясно, что готский король не получит тех средств, которые причитались бы ему в случае похода на Константинополь. Желая получить хотя бы частичную компенсацию, Аларих сосредоточил значительные силы, приняв в ряды своего войска и часть уцелевших от разгрома воинов Радайса, и вступил в переговоры с западным императором Гонорием, которые вел с позиции силы. Однако последний отверг его претензии, и тогда готский король вступил в Италию и в октябре 408 г. подошел к Риму. Город был осажден, и римская знать была вынуждена вступить в переговоры с Аларихом, который согласился уйти лишь в обмен на щедрые отступные — 5000 либр золота, 30 000 либр серебра, 4000 шелковых одежд, 3000 окрашенных пурпуром покровов, 3000 либр перца.

Однако император упорно отказывался от заключения мира на условиях готов и напряженность сохранялась. Прервав переговоры, Аларих в 409 г. вновь подошел к Риму и добился от римского сената провозглашения императором своего ставленника Аттала, но затем отношения между ними ухудшились, и в начале 410 г. он был низложен в готском лагере у стен Аримина (Римини). Прямые переговоры с Гонорием возобновились, но вскоре вновь были прерваны, и в августе Аларих снова появился у стен Вечного города. 24 августа 410 г., вероятно, воспользовавшись помощью предателей, готы практически без боя вступили в Рим и три дня подвергали его жестокому грабежу. Им достались не только несметные богатства, но и дочь императора Галла Плацидия, которая была вывезена из Рима как трофей и в 414 г. была выдана замуж за Атаульфа, родственника и преемника Алариха.

В 411 г. Алариха не стало. Правившие вслед за ним Атаульф (411–415), Сигерих (бывший королем лишь неделю) и Валия (415–419) то конфликтовали с Империей, то выступали на ее стороне. Наконец, в 418 г. вестготы окончательно обосновались на землях юго-западной Галлии, где сложилось первое романо-варварское королевство — так называемое Тулузское королевство вестготов (418–506).

Гуннский фактор, пусть и несколько позднее, отразился и в истории трех других варварских народов — свевов, вандалов (подразделявшихся на две ветви — силингов и асдингов) и аланов. Теснимые гуннами, в новогоднюю ночь 406 г. по льду

замерзшего Рейна они перешли на римскую территорию. Далее между 406 и 409 гг. они прошли путь от района современного Майнца (в среднем течении Рейна) до границ юго-западной Галлии. В сентябре или октябре 409 г. они вступили в пределы испанских провинций.

Основные этапы расселения варваров. Расселяясь по территории Империи, варвары изначально вовсе не стремились к ее завоеванию. Наоборот, их целью была интеграция в позднеримское общество, в котором они претендовали на место и статус наследственного военного сословия. В этом смысле конфликты с римскими властями и даже военные мятежи являлись не более чем стремлением к упрочению своего статуса и расширению связанных с ним привилегий. Эта тенденция прослеживается применительно как к готам (последний федеративный договор с Империей был заключен в 442 г.), так и к свевам, вандалам и аланам.

К 411 г. они обосновались на испанских землях: свевы и вандалы-асдинги — в Галлеции, на северо-западе полуострова, а вандалы-силинги и аланы — на юге, в Бетике, оставив этому району в наследство название Андалусия (ранее — Вандалия). Не имея сил противостоять им, в 416 г. римские власти направили в Испанию федератов-вестготов, ведомых Валией. В конце череды схваток и перемирий вождь вандалов-силингов Фретибальд попал в плен и был под конвоем направлен в Рим. После этого вестготы были отозваны в Галлию императором Констанцием II.

С уходом вестготов столкновения возобновились. Теперь друг с другом сражались вандалы-асдинги и свевы. Последние потерпели поражение, однако победители вскоре переселились в более благодатные для жизни районы юга. Затем они — первые из варваров, создавшие собственный флот, — подчинили себе Балеарские острова. Вандалы и аланы показали себя отважными и умелыми воинами. Направленное против них римско-вестготское войско во главе с магистром армии Кастином потерпело поражение. И лишь уход вандалов и аланов, ведомых королем Гейзерихом, в римскую Африку (где в 429 г. они основали собственное романо-варварское королевство) положил конец их присутствию в испанских провинциях, в которых они оставили единственный след — название Андалусия, производное от *Wandalia*.

После ухода вандалов и аланов в 446 г. римские власти решились подчинить свевов, вероятно, нарушивших условия договора, заключенного с римлянами в 431 г. (о нем сохранились лишь косвенные данные). На полуостров были введены римские войска, действовавшие совместно с отрядами федератов-вестготов во главе с королем Теодорихом I (419–451). Свевский король Рехила потерпел поражение, но вестготские федераты неожиданно объединились со вчерашними врагами. Испания вновь вышла из-под контроля римских властей. Но и тогда связи вестготов с Римом не были разорваны окончательно: уже в 451 г. мы видим вестготские отряды в войске Аэция,

в знаменитой «битве народов» против гуннов Атиллы на Каталаунских полях. В сражении пал предводитель готов Теодорих I. Его преемником стал Торисмунд (451–453).

Несмотря на победу над войсками Аттилы, дни Западной империи были уже сочтены. Именно поэтому, пользуясь слабостью императорской власти, в середине — второй половине V в. римские военачальники варварского происхождения один за другим стали устанавливать свою власть над теми районами, в которых были расквартированы войска их соплеменников-федератов. Эта тенденция четко прослеживается и на примере королей вестготов. В 456 г. войска Теодориха II (453–467), преемника Торисмунда, на стороне Рима вели войны с повстанцами-багаудами на землях Испании. Однако одновременно они фактически узурпировали власть на этой территории. Брат Теодориха II Эврих (467–485) захватил королевскую власть в условиях, когда с императорами можно было уже не считаться. Начиная с 468 г., он овладел почти всей Испанией, кроме Балеарских островов. Кроме того, после 468 г. был нанесен ряд тяжелых поражений свевам, после чего до 558 г. о них не известно ничего, кроме самого факта их присутствия в Испании.

Стремясь к большему, Эврих к 470 г. подчинил значительную часть Галлии и достиг р. Роны. По договору 475 г. Западная империя признала полную зависимость от вестготов. В следующем году, после свержения последнего императора Запада Ромула-Августа (475–476) Эврих занял все южные

галльские земли (будущий Прованс). Лишь владения бургундов и северные галльские территории не были подчинены им. К моменту смерти короля Тулузское королевство вестготов находилось на вершине могущества, а его правитель являлся самым влиятельным из варварских правителей Запада.

Однако новый король вестготов Аларих II не сумел закрепить этот успех. На северо-востоке Галлии появился новый серьезный противник — франки, которые овладели северо-востоком и севером этой области, а затем обрушились на вестготов. Череда столкновений завершилась битвой при Вуйе (507 г.), близ Пуатье, в которой франки одержали вверх, причем Аларих II пал в сражении (по преданию, его убил сам франкский король Хлодвиг). Эта битва положила предел галльским притязаниям вестготов: они оставили за собой лишь юго-запад римского диоцеза. С другой стороны, это привело к росту значения испанских провинций — если раньше они были лишь второстепенной частью огромных владений Эвриха, то теперь в них стал постепенно смещаться центр вестготского королевства.

Общие итоги расселения варваров в испанских провинциях. В начале VI в. ситуация на полуострове стабилизировалась. Его северо-западные земли оказались в составе Свевского королевства, тогда как в остальных испанских провинциях, по меньшей мере номинально, утвердилась власть вестготов. Поражение при Пуатье нанесло глубокую рану Вестготскому королевству. Завершился

тулузский период его истории. Королевство вступило в полосу острого внутреннего кризиса, продолжавшегося несколько десятилетий. Тем не менее в исторической перспективе отказ от претензий на территории Галлии имел и позитивные последствия, поскольку способствовал консолидации власти в естественных границах полуострова — в пределах исторической Испании.

Глава 3
Романо-варварские королевства на территории Испании до конца VI в.

К концу V — началу VI в. общая политическая ситуация на полуострове по сравнению с римскими временами коренным образом изменилась. Императорская власть на Западе исчезла. Период хаоса, связанный с разделом «римского наследства» новыми фактическими хозяевами положения — варварскими полководцами-*reges*, — в основном закончился. Тем не менее черты нового назревали медленно и подспудно. В полной мере они проявились не ранее конца VI столетия.

Особенности и результаты процесса расселения варваров. Имеющиеся у нас весьма ограниченные данные тем не менее позволяют утверждать, что удельный вес новых хозяев Испании — вестготов и свевов — в общей массе населения был относительно невелик: в любом случае, он не превышал 1/10. Поэтому расселение варваров не нанесло сокрушительного удара по сложившейся системе земельной собственности. В большей части испанских провинций сколь-нибудь массового присутствия варваров не ощущалось.

В частности, археологические свидетельства (прежде всего — расположение некрополей) говорят о том, что подавляющая часть свевов осела в области между Брагой и Порту (северная Португалия). При этом разделов земель с местным населением, по всей видимости, не производилось. Что же касается вестготов, то большинство их некрополей располагается в ограниченном пространстве к северу от р. Дуэро, на территории современной провинции Сеговия: до конца VI в. неподалеку отсюда проходила граница Свевского королевства, а потому на постоянной основе здесь были расквартированы вестготские войска. Что же касается остальной территории, то там следы присутствия германцев минимальны.

Расселение варваров не было хаотичным процессом, сопровождавшимся массовыми самозахватами земель. Вестготы, о которых мы знаем больше, чем о свевах, изначально расселялись на территориях Южной Галлии и Испании в рамках римского института «гостеприимства» (*hospitalitas*). Окончательно сложившийся во второй половине IV в., он предполагал размещение войск (напомним: вестготы получили право на поселение как воины-федераты) на территории муниципальных общин. При этом на их содержание должна была идти 1/3 муниципальных доходов (так называемая *tertia*). Ко второй половине V в., когда вестготы уже прочно утвердились в Испании, эта треть превратилась в земельные владения, доходы с которых были, по всей видимости, эквивалентны

тем суммам, которые ранее германцы получали в денежной и натуральной форме.

Это нововведение освободило романское население от непосредственных выплат на содержание союзников-федератов, хотя налоги по-прежнему взимались исключительно с испано-римлян. В 70-х годах V в. король Эврих своим эдиктом окончательно утвердил результаты происшедшего изменения отношений собственности. Отныне пересмотр границ владений, не оспаривавшихся на протяжении не менее 50 лет, разрешался лишь по взаимному согласию между землевладельцами. При этом вестготам, за редкими исключениями, отошли не частные, а общественные — муниципальные и императорские (фискальные) — владения. В силу относительной немногочисленности германцев не только варварская знать, но и просто видные воины превратились в крупных землевладельцев, составили новую военно-политическую элиту. До конца VI — начала VII в. они последовательно противопоставляли себя коренному (испано-римскому) населению.

Основные этапы политической истории Вестготского королевства до конца VI в. До конца VI в. на полуострове сосуществовали два романо-варварских королевства — вестготское и свевское (причем сведения о политической истории последнего весьма ограничены). Поражение, которое вестготы понесли от усилившегося при Хлодвиге франкского королевства, помимо иных причин, частично объяснялось и той поддержкой, которую романское население оказывало франкам,

исповедовавшим кафолическое (ортодоксальное) христианство, тогда как вестготы оставались арианами. И хотя, в противовес Эвриху, Аларих II прекратил активное преследование кафолических епископов, эта акция, видимо, оказалась запоздалой.

Ослабевшее Вестготское королевство было вынуждено признать гегемонию более могущественных соплеменников — остготов. Остготское войско вытеснило союзников франков — бургундов — из Нарбоннской Галлии. Незаконный сын Алариха II Гезалих (507–511) погиб, а на престол был возведен его сводный брат Амаларих, внук остготского короля Теодориха Великого. От его имени король остготов правил Вестготским королевством с 511 по 526 г. Лишь после его смерти Амаларих был провозглашен королем, но правил совсем недолго (526–531). Он сумел породниться с королями франков, взяв в жены дочь Хлодвига Хлодехильду. Однако это не спасло ему жизнь: в битве под Барселоной его шурин, король франков Теодерих, разгромил вестготское войско, а вскоре после этого воины, возложившие вину за поражение на Амалариха, убили его во время военной сходки у стен Нарбонны.

После его смерти династия Балтов, правившая вестготами с конца IV в., прервалась. Некоторое время королевством правил назначенный из Италии, но добившийся фактической независимости Теода (531–548). Однако он пал жертвой покушения, и все его ближайшие преемники, вплоть до Леовигильда, всецело и полностью зависели от

армии, были своеобразными «солдатскими королями» (Тевдигизил (548–549), Агила (549–555), Атанагильд (555–567)). Постепенно вектор военно-политических интересов вестготских королей смещался к югу. Утратив надежду на покорение Галлии, они обратили свое внимание на испанские земли. Атанагильд окончательно перенес королевскую резиденцию в Толедо — город, ставший политическим центром (или, точнее, символом политического единства) королевства.

Около 552 г. под предлогом вмешательства в междоусобную войну между Атанагильдом и его противниками на юго-востоке Испании высадилось византийское войско. Оно заняло средиземноморское побережье от Картахены до Малаги, а также прилегающие к нему районы. Однако Вестготское королевство не было завоевано подобно государствам остготов и вандалов: сказалось не только сопротивление испанцев, но и ограниченность ресурсов юстиниановой Византии, и без того измотанной войнами с вандалами, остготами и сасанидским Ираном. Тем не менее ромейское присутствие на полуострове сохранялось приблизительно до 625 г., когда остатки византийских владений были завоеваны королем Свинтилой.

После смерти Атанагильда ему наследовал Лиува I (567–571), правивший Нарбоннской Галлией и передавший власть над остальной частью королевства своему брату Леовигильду (568–586), которому суждено было вдохнуть новые силы в соплеменников. Последний король-арианин, он первым из вестготских правителей сумел подчинить себе

всю территорию Испании, за исключением византийских владений, территории которых, впрочем, существенно сократились. Кроме того, именно с именем Леовигильда связано превращение Толедо в официальную королевскую резиденцию; это произошло около 580 г.

Подавляя мятежи и подчиняя себе непокорных магнатов, в 571 г. Леовигильд овладел районом Медина-Сидонии, в 572 г. — Кордовой, а к 575 г. подчинил себе север и северо-запад. Последними, в 577 г., были покорены верховья Гвадалквивира. В 578 г. в ознаменование своих побед он основал новый город, названный в честь его второго сына Реккополисом («городом Реккареда»). К 581 г. были покорены баски, и в память об этом основан «город победы» — Викториак (ныне — Витория). К концу 70-х годов VI в. Вестготское королевство находилось на вершине могущества. И лишь мятеж Герменегильда показал всю иллюзорность мощи Толедской монархии.

Свевское королевство. В силу ограниченности наших знаний об этом политическом образовании картина получается весьма отрывочной. Основателем королевства стал вождь Хермерик, который в 430-х гг. достиг соглашения с римскими властями, узаконившего расселение свевов на севере испанской провинции Лузитании и в южных районах Галеции. Королю Рехиле (441–448), видимо, сыну Хермерика, в 446 г. удалось нанести поражение римско-вестготским войскам и отстоять независимость своих владений. Он стал последним королем-язычником: при его преемнике

Рекиарии (448–456) в 448 г. свевы приняли христианство в кафолической форме. Но в 456 г. Рехила потерпел поражение от вестготского короля Теодориха II и попал в плен, после чего самостоятельная история свевского королевства временно прервалась.

После восстановления королевской власти новый правитель Ремисмунд, под влиянием проповеди некоего арианина по имени Ахилла (герула по происхождению) отрекся от Никейского символа и принял арианское вероучение (466 г.). В силу недостатка данных этот парадокс не имеет однозначного научного объяснения. Можно лишь предположить, что переход к арианству был мотивирован стремлением слабой королевской власти воспрепятствовать быстрому сближению между германцами, получившими значительные земельные владения и утратившими основной стимул к подчинению своим королям-полководцам, и романским населением. Возможно, сыграл роль и тот факт, что арианство гораздо в большей степени, чем кафолическое христианство, соотносилось с мировоззрением вчерашних язычников. Наконец, определенное значение мог иметь и факт тяжелейшего поражения от войск ариан-вестготов: объяснение полной победы врагов помощью свыше вполне соответствовало стереотипам мышления воинов-германцев.

Проверить обоснованность выдвинутых предположений трудно: несколько последующих десятилетий (468–558 гг.) о свевах вообще ничего не известно. Мы знаем лишь, что около 558 г.

в Галецию и Лузитанию явился проповедник Мартин (ок. 520 — ок. 579), родом из Паннонии. Ему удалось добиться отказа свевов от арианства, поскольку он заручился поддержкой свевского короля Харарика и его преемников Ариамира и Теодомира (Исидор Севильский связывает победу кафолической веры у свевов с именем лишь последнего из этих королей). В дальнейшем Мартин стал епископом Думио, а затем — Браги, из-за чего вошел в историю под именем Мартина Думийского (или Браккарского). Преемником Теодомира стал Миро, ок. 577 г. поддержавший мятеж наследника вестготского престола Герменегильда против его отца, короля Леовигильда. Сын Миро Хеборик был свергнут с престола узурпатором Андекой, который стал последним правителем свевов. После подавления мятежа Герменегильда, между 584 и 585 гг., вестготское завоевание положило конец истории самостоятельного свевского королевства.

Общество Вестготской Испании: варвары и испано-римляне. До конца VI в. формальная граница между этносами, очерченная фактором религиозной принадлежности (испано-римляне сохраняли верность кафолическому христианству, в то время как варвары являлись христианами арианского толка), имела и социо-культурный смысл, отражала различия в образе жизни варваров и романского населения. В частности, археологические данные позволяют утверждать, что еще на протяжении большей части VI в. сохранялись определенные отличия в бытовой культуре, в том числе — в ювелирных украшениях (характерные

фибулы в форме орла, выполненные в так называемой «технике клуазоне», серебряные двухпластинчатые фибулы и др.). Но все же значения этих различий не следует преувеличивать: абсолютно раздельного существования двух этносов не было. Так, испано-римская знать принимала определенное участие в военной организации; известны и примеры сближения готской знати с романским населением (так, например, в конце VI в. знатный гот Масона был даже избран кафолическим епископом Мериды).

Вопреки господствовавшим ранее представлениям, сегодня мы хорошо знаем, что в социальной структуре варварских социумов эпохи Великого переселения народов преобладали вовсе не «свободные крестьяне», а наследственная военная знать и ее клиентела, вместе со своими женами и детьми. Во владении этой знати находились обширные земли и большие стада скота. Инвентарь могильников знатных людей отличается обилием золотых и серебряных вещей. В источниках знать выступает в окружении рабов, вольноотпущенников и клиентов как варварского, так и испано- и галло-римского происхождения. Так, королевским вольноотпущенникам порой доверялись значимые государственные должности, а королевские рабы (*servi dominici*) выполняли важные функции в военной системе. Они были столь могущественны, что могли обладать недвижимостью и даже собственными рабами (хотя верховное право на это имущество формально принадлежало королю). Более того, королевское

законодательство этого времени охраняет от посягательств с их стороны собственность простых свободных. Показателен также тот факт, что наказание этой категории зависимых людей должно было осуществляться публично, в судебных собраниях свободных людей.

Практика вооружения господами своих зависимых людей, их включения в частные военные отряды, по всей видимости, не носила исключительного характера уже во второй половине V в. Однако на особом положении находились полусвободные, составлявшие военную клиентелу — сайоны и букцеллярии. И те и другие получали в свое распоряжение оружие и необходимое для жизни имущество (в том числе — недвижимое). Их зависимость носила наследственный характер и распространялась на потомство, однако букцеллярии сохраняли право ухода от хозяина («патрона») или его наследника и возвращение, таким образом, в число полноправных свободных (при условии возвращения господину всего ранее полученного от него). Сайоны же сохраняли полученное от патрона вооружение в любом случае. В литературе порой принято различать истоки статуса этих двух групп военных клиентов (сайоны — готская клиентела, букцеллярии — позднеримская); однако скупые данные источников не позволяют четко провести это разграничение, за исключением того факта, что слово «сайон» имеет готское происхождение, а «букцеллярий» — позднелатинское (*bucca* — «рот», т. е. *buccellarius* — «тот, кто получает пропитание (от патрона)»).

В среде самой варварской знати особое место занимали потомки королевских дружинников — «гардинги», составлявшие непосредственное окружение готских королей (вероятно, к этой же категории можно отнести и «левдов»). Постепенно значение уз личной верности, связывавших их с правителями, сокращалось, а ранг гардинга приобретал более или менее формальный характер. В VII в. гардинги фигурируют уже в одном ряду с высшими представителями власти, сумевшими придать наследственный характер тем высоким государственным должностям, которые они занимали, — дуксами и комитами (аналог франкских герцогов и графов), а также тиуфадами (тысяцкими). До конца VI в. из среды варварской знати рекрутировался также арианский епископат, а возможно, и некоторая часть клира.

Что касается испано-римского общества, то оно мало изменилось с эпохи Поздней империи. По-прежнему оно сохраняло позднеримскую структуру и тесную связь с городом и городским образом жизни (хотя, разумеется, не все романское население проживало в городах). На вершине социальной иерархии стояли сенаторы. К их числу принадлежали наиболее состоятельные земле- и рабовладельцы, связанные происхождением со служилой знатью римского периода. Ранг сенатора носил характер наследственного почетного звания, однако автоматически предполагал и высокое социальное положение его обладателя. Из среды сенаторов рекрутировалась муниципальная верхушка и кафолический епископат (наряду с клиром, постепенно

выполнявший все более широкий спектр функций, связанных с городским управлением). С городской округой были связаны и имущественные интересы сенаторов: здесь находились их земельные владения и сельские виллы, связанные с городом административно и экономически.

Неотъемлемой частью статуса сенатора была также «власть над людьми», предполагавшая владение значительными рабскими фамилиями (фамилия — совокупность зависимых людей конкретного домохозяина, как индивида, так и коллектива). Кроме того, по отношениям к своим клиентам и вольноотпущенникам знатный человек (или магнат) выступал в качестве патрона. Особое место среди зависимых людей такого патрона занимала военная клиентела — неотъемлемый атрибут высокого статуса эпохи военно-политической нестабильности.

Основную массу испано-римского населения составляли свободные мелкие и средние землевладельцы — посессоры, обладавшие в силу этого факта правами римского гражданства, т. е. полноправным статусом. Значительная их часть проживала в городах, а земельные владения располагались в непосредственной досягаемости от городской черты. Именно эта группа выступала в качестве основной массы налогоплательщиков. Кроме того, некоторая часть посессоров являлась рабовладельцами (наличие нескольких рабов в таком хозяйстве не было исключением). Тем не менее реальные свободы этой категории лиц были ограничены. В той или иной мере они нуждались в покровительстве, защите и материальной

помощи со стороны знати, с которой были связаны клиентскими отношениями, носившими наследственный характер. Обязанность сопровождать своего патрона в публичных местах, оказывать ему всяческую помощь по первому требованию и хранить личную верность была той платой, которую клиент платил за полученные им преимущества. В сходном положении находились колоны — свободные арендаторы, в позднеримское время превратившиеся в клиентов землевладельца. Зависимое положение существенно ограничивало их свободу передвижения и правоспособность, поскольку их вступление в правоотношения предполагало обязательные гарантии со стороны патрона.

В близкой ситуации находились вольноотпущенники, формальный статус которых повысился. Теперь после отпуска на свободу, помимо пекулия (т. е. определенного имущества, в обязательном порядке предоставлявшегося господином бывшему рабу), они могли обрести также статус римского гражданина, т. е. быть приравненными к посессорам. Однако это не означало прекращения личной зависимости — просто теперь она принимала характер клиентской (что, впрочем, было характерно и для посессоров).

По-прежнему многочисленными были рабы. Они не только выполняли грубую физическую работу в сельском хозяйстве и ремесле, но и выполняли функции домашних слуг и даже представителей администрации виллы, в том числе — управляющих (вилликов). Утверждение христианства несколько улучшило положение рабов: случаи физических

расправ с ними господина более не рассматривались как не подлежащие публично-правовому регулированию. Однако в целом условия жизни этой социальной категории оставались тяжелыми; их естественным следствием стало бегство рабов, превратившееся в обычное явление (законодательство уделяет большое внимание поиску беглых и ответственности за их укрывательство). Отдельную группу, как и в римские времена, составляли общественные рабы. Прежде всего таковыми являлись рабы муниципиев. Кроме того, постановления Агдского собора 506 г. впервые фиксируют факт существования «рабов церкви» как особой правовой категории. В основных чертах их статус воспроизводил черты, свойственные муниципальным рабам, с той лишь разницей, что в качестве собственника выступала епархия, а в качестве распорядителя — епископ. К концу VI в. рабские фамилии церквей стали распространенным явлением. Нередко они включали десятки и даже сотни рабов.

Отдельную группу населения составляли иудеи, весьма многочисленные в Испании с римских времен (значительный приток евреев на полуостров произошел во II–III вв. н. э.). Большая часть иудеев не имела римского гражданства и в силу этого факта не могла владеть землей. Таким образом, основные хозяйственные занятия испанских евреев сводились к ремеслу, торговле и ростовщичеству (тем более что последнее было строжайше запрещено для христиан). По тем же причинам большинство иудеев проживало в городах: иногда евреи составляли там до 10 % населения.

В городской черте иудеи предпочитали селиться поблизости друг от друга, в особых кварталах. Это облегчало как совершение культовых церемоний, включавших большое количество специфических пищевых и иных ограничений, так и взаимопомощь в условиях дискриминации со стороны властей, а также подозрительного, а порой — и откровенно враждебного отношения со стороны христианского большинства.

Эта дискриминация проявлялась, в частности, в ограничении прав собственности, запрете проповеди иудаизма среди неевреев, совершения обряда обрезания над ними и строительства новых синагог, наличии специальных платежей, взимавшихся исключительно с евреев, и т. п. Браки между евреями и христианами были строжайше запрещены. Кроме того, евреям, даже обладавшим римским гражданством, было запрещено занимать должности в системе управления, за исключением муниципальных курий, и армии. Наконец, для иудеев был полностью закрыт доступ к таким престижным и доходным профессиям, как юридическая и медицинская.

Тем не менее осознанная и последовательная политика по насильственной христианизации иудеев берет свое начало только в VII в.; до этого времени главным противником королей считались все-таки христиане-кафолики. До конца VI — начала VII в. законодательство наделяло иудеев довольно значительным кругом прав. Так, признавался статус раввинов (священнослужителей) в решении дел, касающихся их единоверцев,

а также юрисдикция еврейских религиозных судов (не только в области религии, но и в некоторых областях гражданского права), возглавлявшихся особыми судьями — даянами. Законы охраняли право евреев на совершение ими религиозных церемоний, а также невмешательство в деятельность широкой сети еврейских религиозных школ; они же запрещали привлекать иудеев к работе в субботние и другие дни еврейских религиозных праздников.

Хозяйственная жизнь. Экономика Испании сохраняла преемственность с хозяйственной системой римского периода. Восток и Юг полуострова (в особенности — Бетика), а также Вестготская Галлия, наиболее развитые в хозяйственном отношении, оставались районами, где доминировало крупное землевладение в форме латифундий. Здесь возделывались злаковые, виноград, маслины, овощные культуры и фруктовые деревья. Такие хозяйства были ориентированы на товарное производство (зерно, вино, но особенно — оливковое масло самых разных сортов). Область Месеты была менее приспособлена для земледелия. Крупных имений там было немного, а из сельскохозяйственных культур преобладали злаковые (пшеница и ячмень). Зато в этом районе получило развитие скотоводство.

Главной формой поселений оставалась сельская усадьба — крупная (*villa*) или небольшая (*villula*), являвшаяся центром парцеллярного семейного хозяйства. Крупные виллы являлись также важными центрами ремесленного производства (вплоть

до ювелирного дела), также нередко ориентированного на рынок. По своей структуре латифундии сохраняли дисперсный характер, включая, помимо усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками, небольшие сельские поселения (*vici*), в которых проживали рабы и колоны — главная рабочая сила. Кроме того, определенное значение в этом качестве сохраняли и свободные арендаторы — известны арендные контракты этого времени. Однако прослеживается тенденция к превращению этой категории свободных людей в колонов. В целом принято считать, что существовала тенденция к концентрации земельной собственности в руках ограниченного круга лиц. Ряд положений источников действительно свидетельствует об этом, однако не следует и переоценивать значения означенной тенденции: мелкая и средняя земельная собственность по-прежнему сохраняла свое значение, особенно в северных и центральных районах полуострова.

В целом, экономика полуострова сохраняла товарный характер, хотя, разумеется, политические потрясения (расселение варваров, а в дальнейшем — мятежи и усобицы знати) придавали определенную неравномерность развитию экономических процессов. До начала арабской экспансии, появления Арабского халифата и связанного с этим упадка средиземноморской торговли главными экономическими партнерами испанских провинций, как и прежде, оставались африканские области (в VI в. попавшие под власть Византии), Италия, Галлия, а также Ближний Восток; впрочем,

вещи испанского происхождения обнаруживаются в ходе археологических исследований на территориях вплоть до Британских островов включительно. В эти районы поставлялись продукты испанского экспорта — драгоценные металлы (золото из Галеции, серебро из Лузитании), предметы роскоши, ткани, некоторые продукты сельского хозяйства и др. Сохраняла интенсивность и внутренняя торговля, наряду с морскими путями в ее развитии было велико значение речных, была задействована также сеть римских дорог.

Несмотря на то, что налоги взимались не только в денежной, но и в натуральной форме (так, законы упоминают о взимании вина и оливкового масла для снабжения армии), уровень развития денежного обращения оставался высоким. Денежная система сохраняла позднеримские основы, но вестготские короли чеканили и собственную монету. Так, наряду с позднеримскими золотыми солидами, в обращении находились серебряные тремисы (1/3 солида) и силиквы (1/24 солида), а также мелкие монеты из бронзы. Высокий уровень развития сохраняло и банковское дело. Аргентарии и ростовщики активно занимались ссудно-кредитными операциями, при законодательно установленном проценте в 12,5 % годовых.

Государственный строй Вестготской Испании к середине 580-х гг.: общие положения. Система государственного управления в Королевстве вестготов в значительной части сохраняла выраженные позднеримские черты. Обладавшие скорее фактической, чем официально признанной властью

варварские короли использовали для своих целей существующие властные учреждения, лишь в некоторой степени приспособив их для своих нужд. Это положение сохранялось почти до конца VI в., и лишь во время правления Леовигильда (568–586) наметились некоторые изменения, которые, впрочем, не носили коренного характера и уж тем более не означали разрыва с римскими принципами государственного управления.

Королевская власть. Короли вестготов, ранее по меньшей мере номинально подчиненные власти римских императоров, теперь оказались в состоянии фактической независимости. Более того, в отличие от правителей других варварских народов — франков, бургундов, остготов и вандалов — даже формально они не признавали власти императоров Восточной Римской империи. Тем не менее новые правители самой западной части римского мира еще долго чувствовали себя скорее удачливыми временщиками, сумевшими воспользоваться сложившейся ситуацией, чем обладателями публичной власти римского типа. Поэтому сколь-нибудь существенные реформы изначально не входили в их планы. Верховная власть (то реальная, то номинальная) была сосредоточена в руках представителей рода Балтов. Их формальный статус по-прежнему определялся римским военным рангом *rex*, который полагался предводителям войск федератов.

Вплоть до времен Леовигильда короли (*reges*) «под звон оружия» провозглашались знатью на военных сходках (до 30-х гг. VI в. — только из рода

Балтов), с учетом мнения простых воинов — в римскую эпоху именно так провозглашали императоров; этот обычай сохранил свое значение и в ранней Византии. Иных церемониалов, кроме чисто военных, не предусматривалось; никаких особых символов власти не существовало, поскольку основной прерогативой королей готов являлось командование армией. И лишь при необходимости правители королевства осуществляли некоторые властные функции, ранее выполнявшиеся римскими должностными лицами, как в административной сфере (например, назначая в города своих представителей — комитов), так и в области законотворчества (см. об этом ниже).

Первостепенное значение для королей имели их отношения с военной знатью — их главной социальной опорой. Недовольство с ее стороны могло стоить королю жизни. Именно поэтому вестготские правители до второй половины VI в. были практически лишены внешних атрибутов власти в их римском понимании, что хорошо видно, в частности, на знаменитом изображении короля Алариха II (485–507) на перстне-печатке, хранящейся в венском Музее истории искусства. Правитель вестготов предстает как обычный военачальник, одетый в панцирь, с непокрытой головой; если бы не надпись («Аларих, король готов»), ничто бы не свидетельствовало о его королевском статусе. Впрочем, и без всяких атрибутов власти королям беспрекословно подчинялась испано- и галлоримская знать (включая и кафолический епископат). Старая элита была вынуждена примириться

с вестготскими правителями как единственными обладателями военной силы и реальными гарантами своей безопасности. Тем более что с течением времени вестготские короли сделали ряд шагов ей навстречу. Это объяснялось как трагическими последствиями поражения при Вуйе, подорвавшего авторитет готских правителей, удержавших власть лишь с помощью своих бургундских и остготских союзников, так и упоминавшимся выше фактом пресечения прямой линии правящей династии. И хотя, как убедительно показал Л. А. Гарсия Морено, и после 531 г. королями становились родственники Балтов, представлявшие боковые линии династии, но степень их легитимности была явно недостаточной и нуждалась в дополнительном подкреплении.

Поэтому уже не принадлежавшие к ближайшим родственникам Амалариха короли Теода (Теудис) (531–548), Тевдегизил (548–549) и их преемники стали именовать себя «Флавиями». Более того, подражая римским императорам, они издавали «конституции», включавшиеся в продолжавший действовать на их землях позднеримский Кодекс Феодосия. Кроме того, уже Теода добавил к своему титулу эпитет «славнейший» (*gloriosus*). В Ветхом Завете последний применяется к царям-священнослужителям древнего Израиля, главным образом к Давиду (2 Цар. 6:20 и др.), вступление которого на престол, как известно, сопровождалось помазанием на царство (2 Цар. 3:39; 1 Пар. 4:18 и др.), а также (в ряде случаев эпитет) и к Богу Ветхого Завета (Дан. 3:45 и др.).

Тем не менее, при всей значимости такого шага, политическая ситуация середины — второй половины VI в. указывала на его явную недостаточность. Даже на фоне других романо-варварских королевств, где непрекращающиеся усобицы и борьба за власть являлись неотъемлемыми атрибутами политической жизни, положение в Толедском королевстве оценивалось современниками как особенно нестабильное. Не произошло коренных изменений и в дальнейшем. Вплоть до начала VIII в. попытки насильственного захвата королевской власти (часть из которых увенчалась успехом) практически не прекращались. Эта бурная заговорщическая деятельность являлась лишь внешним проявлением глубинной тенденции, связанной с разрушением старой социальной опоры королевской власти. Если ранее римские полководцы-*reges* могли опираться на варварскую армию, своих вооруженных соплеменников, и в первую очередь — на варварскую по происхождению военную знать, то теперь ситуация изменилась. Знать, осевшая на захваченных ею и превращенных в собственность землях, более не нуждалась в короле-полководце в прежнем объеме и отказывалась безоговорочно ему подчиняться. Наоборот, сама власть правителя превратилась в объект постоянных посягательств.

По всей видимости, эту тенденцию осознавал уже последний король-арианин Леовигильд (568–586), с именем которого связано начало не спорадического, а системного заимствования внешних атрибутов высшей власти в их позднеримской

версии. Исидор Севильский в своей «Истории готов, вандалов и свевов» сообщает о том, что этот король «первым из своих одетый в королевские одежды воссел на престоле»: «ибо прежде него и внешний облик, и собрания были одинаковы как у народа, так и у королей». Но этих шагов оказалось недостаточно: для получения поддержки со стороны романского населения (и в первую очередь — его естественного лидера, кафолического епископата) необходимо было ликвидировать основную перегородку между королями-арианами и кафолическим епископатом, а именно — арианское христианство. Со всей очевидностью это показали события мятежа Германегильда, старшего сына (и вероятного соправителя) короля, управлявшего южными провинциями (см. об этом ниже).

Короли и право. В качестве фактических преемников префектов претория Галлий короли вестготов своей властью провозглашали законы в форме эдиктов. Эта практика известна не позднее времени Теодориха I (419–451) и Теодориха II (453–467); законы последнего упоминаются в эдикте его преемника Эвриха (ок. 476 г.), частично сохранившемся в виде палимпсеста в парижской рукописи Lat. 12161 (так называемые «Парижские фрагменты»). Кроме того, значительная часть текста, подвергнутая редакции, позднее вошла в состав кодекса короля Рецесвинта (вторая половина VII в.).

Несколько сложнее обстоит дело с остатками другого королевского эдикта — так называемыми «Фрагментами Гауденци» (названными по имени открывшего их итальянского ученого А. Гауденци).

Этот текст никак не отразился в вестготском законодательстве последующего периода, однако большинство исследователей к настоящему времени признают этот текст вестготским, хотя и испытавшим, по всей видимости, определенное влияние законодательной практики Королевства остготов.

Важно отметить, что эдикты первых вестготских королей V — конца VI в. не отменяли римского законодательства, а лишь дополняли его. Сами по себе эти эдикты содержали нормы не варварского, а римского права, и составлялись юристами испано-римского происхождения. От римских времен была унаследована и сама система юридического образования. Его программа изначально отличалась как от италийской, так и от византийской модели. Из числа наиболее признанных римских правовых авторитетов (Гай, Павел, Папиниан, Ульпиан, Модестин, живших во II–III вв. н. э.), в испанских провинциях широкое распространение получили лишь сочинения первых двух (в меньшей степени — третьего); положения остальных были известны в виде позднейших извлечений и компиляций, специально предназначенных для занятий правом.

Юристы, получившие такое образование, были по-прежнему востребованы на государственной службе. И это не случайно: ставшие фактическими преемниками римских наместников (префектов претория), вестготские короли «унаследовали» от них и систему властных учреждений, прежде всего собственно преторий, со всеми его ведомствами,

включая канцелярию. В связи с этим не только не исчезла, но и получила дальнейшее развитие традиция документального оформления правоотношений. При этом при составлении документа следовали римским образцам. Как и в римские времена, типы документов отличались разнообразием (завещания, дарственные, купчие и др.). Их текст писался на листах папируса и скреплялся подписями (либо особыми знаками) сторон, а также свидетелей. Более того, документальное оформление частных правоотношений было настолько обычно, что практиковалось даже представителями низших слоев вестготского общества: об этом свидетельствуют десятки сланцевых табличек (своеобразных испанских остраконов), на которых острым стилем выцарапан текст документов. Едва ли стороны, оформлявшие документы подобным образом, принадлежали к числу богатых и знатных людей.

По той же причине в Испании сохраняли силу постановления («конституции») римских императоров IV — первой трети V в., собранные и систематизированные в 429–438 гг. по указанию восточного императора Феодосия II (408–450) (так называемый «Кодекс Феодосия»). Подразделенный на 16 разделов («книг»), в свою очередь подразделенных на главы («титулы»), этот кодекс включил около 3000 отдельных императорских законов. Конституции, изданные после 438 г., а потому не вошедшие в состав кодификации (так называемые «новеллы»), получили распространение в виде отдельного сборника, включившего постановления

самого Феодосия II, а также западных императоров Валентиниана III (425–455) и Майориана (457–461). Помимо них, юристы Запада и Востока Империи пользовались также собраниями новелл восточного императора Марциана (450–457), а также западных Либия Севера (461–465) и Антемия (467–472).

Наряду с этими сборниками в 506 г., в правление Алариха II, была составлена их частичная компиляция, официально обнародованная в собрании епископов и представителей испано-римского населения провинций в городке Адурис (совр. Эр-сюр-Адур в южной Франции). Чаще всего она именуется «Бревиарием Алариха» или «Римским законом вестготов», хотя существуют и иные названия — «Книга законов» или «Бревиарий Аниана» (по имени комита и королевского референдария, удостоверявшего своей подписью рассылаемые на места копии текста). Составление подобного сборника не было беспрецедентной мерой: подобное же собрание возникло в Бургундии по указанию короля Гундобада (так называемый «Римский закон бургундов»); кроме того, влияние «Кодекса Феодосия» ощущается и в уже упоминавшемся «Эдикте Теодориха».

Вестготская компиляция была создана специальной комиссией под руководством комита дворца Гояриха. Помимо многочисленных выдержек из «Кодекса Феодосия», а также более ранних собраний императорских конституций — кодификаций Грегория (ок. 292/293 г.) и Гермогениана (ок. 314 г.), она включила в свой состав извлечение из «Институций» Гая (наиболее известного римского

учебника по праву), а также фрагменты римских юридических сочинений из «Книги сентенций» (приписываются Павлу) и «Liber responsorum», написанные Папинианом. Единственной оригинальной частью сочинения является комментарий («Interpretatio») к большинству из включенных в его состав конституций или фрагментов.

Общая структура памятника в основном воспроизводит его разнородные источники. Выдержки из «Кодекса Феодосия» сведены в 16 книг (столько же, сколько и в самом кодексе), каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на титулы (всего их 182), а те — на отдельные конституции. В наибольшей степени представлено содержание книг второй, третьей и четвертой (все они регламентируют нормы частноправового характера), а также девятой (уголовное право). Далее следуют выдержки из сборников новелл Феодосия II (11 титулов), Валентиниана III (12 титулов), Марциана (5 титулов) и Майориана (2 титула), к которым добавлена одна конституция римского императора Ливия Севера. За ними стоят фрагменты из «Институций» Гая, сведенные в 18 титулов, «Сентенций» (5 книг), вслед за которыми комиссия поместила выдержки из кодексов Грегория (13 титулов) и Гермогениана (2 титула). Сборник завершается кратким фрагментом из сочинения Папиниана, представляющим собой отдельный титул. Таким образом, всего «Бревиарий» включает 76 книг-разделов.

На вопрос о целях составления памятника ответить непросто: ведь введение его в действие не

отменяло прямого действия императорского законодательства. Однако большинство исследователей указывают на две, главные из них. Во-первых, в «Бревиарий» вошли наиболее актуальные и авторитетные законы, а также теоретико-правовые нормы. Во-вторых, сборник, видимо, был ориентирован на потребности преподавания права. В полном виде или в частичной версии он получил распространение и за пределами Испании. В разной степени юристы ссылались на его текст при вынесении решений едва ли не во всей Галлии и даже за ее границами. В самой же Испании содержание целого ряда императорских законов (конституций) из «Бревиария» в дальнейшем отразилось в королевском законодательстве, кодифицированном в конце VI — VII в.

Уже Исидор Севильский упоминает о собрании королевских эдиктов, составленном по указанию короля Леовигильда. Ни одна рукопись этого кодекса (известного в науке как «Codex Revisus») не сохранилась, однако законы Леовигильда идентифицируются в более поздних кодификациях, поскольку каждый из них имеет пометку «древний» (*Antiqua*). По всей видимости, собрание и систематизацию постановлений своих предшественников Леовигильд задумал не только в практических целях, но и как важную часть своей унификаторской политики. Если «Бревиарий Алариха» формально был адресован только испано-римлянам, то действие королевских эдиктов (как и кодекса, который они составили) распространялось не только на романское, но и на варварское население. Кроме

того, издание собственного кодекса, выступление в роли законодателя как бы уравнивало вестготского короля с императорами Византии — государства-соперника, но и притягательного образца для правителей Вестготской Испании (не случайно Леовигильд был младшим современником Юстиниана I (527–565), инициатора создания самой масштабной из кодификаций римского права — Свода Юстиниана).

Местное управление. Расселение вестготов на полуострове, за которым последовало постепенное включение испанских земель в состав Вестготского королевства, как уже говорилось, не привело к немедленным коренным изменениям в системе управления на местах. По-прежнему сохранялось римское административно-территориальное деление: пять провинций на полуострове (Тарраконская, Карфагенская, Бетика, Лузитания и Галеция) и одна за его пределами, к северу от Пиренеев — Нарбоннская Галлия или Септимания, в свою очередь подразделявшихся на муниципальные округа (*territoria*). При этом наместники провинций (дуксы (*duces*)) обладали не только гражданской, но и военной властью; им подчинялись комиты городов (*comes civitatis*), назначавшиеся королем или дуксом.

Их статус не претерпел существенных изменений с римских времен. Комиты городов были наделены определенными полномочиями в административной, судебной и фискальной сфере, однако они не подменяли собой муниципальных учреждений, а являлись представителями короля в городе

(так же, как ранее эта же категория должностных лиц представляла в городах власть римского императора). Комитам городов были непосредственно подчинены окружные судьи, выполнявшие не только судебные, но и некоторые административные функции. Помимо комитов городов, существовали также комиты войска; возможно, де-факто обе эти должности могли сосредотачиваться в одних руках, однако такое совмещение было скорее исключением, чем правилом.

Повсеместно сохранялось местное самоуправление римского типа, причем не только в городах, но и в сельской местности в слабо урбанизированных регионах (о чем нам известно, в частности, из «Жития св. Эмиллиана», написанного Браулионом Сарагосским). Основой власти на местах оставались советы (курии) состоятельных горожан или представителей местной верхушки в сельских округах. Сохранялась традиция решать все значимые вопросы публично, в собраниях горожан и сельских жителей (*conventa publica*). В городах муниципальные советы-курии, состоявшие из богатых горожан в возрасте от 18 лет, продолжали сохранять роль центров муниципальной жизни до середины VII в., когда куриалы и муниципальная казна (*arca publica*) в последний раз упоминаются в законе короля Хиндасвинта (641–652), а может быть, и позднее.

До этого времени должность куриала оставалась наследственной; в случае отсутствия прямых наследников его место мог занять и родственник по боковой линии. Кроме того, в курию

автоматически зачислялись клирики, по каким-либо причинам оставившие священство. Важнейшей функцией курии оставалась раскладка налогов: писцы-табулярии, служившие при курии, вели особые книги («полиптики»), в которые заносились имена всех полноправных горожан. Иными обязанностями курии стали заверение и регистрация частноправовых актов: завещаний, дарений, купчих и др. Наконец, из числа куриалов в народных собраниях избирались магистраты — куратор (фактический глава городского управления) и дефенсор города.

Последний выдвигался из числа наиболее знатных и влиятельных горожан. Он должен был защищать интересы сограждан как в самом городе, перед комитом города или окружным судьей, так и за его пределами, перед наместником провинции или королем. Значение этой должности неуклонно возрастало. Вместе с тем, чем дальше, тем в большей степени в избрании этой категории должностных лиц участвовали местные епископы, которые также рассматривали себя как защитников интересов горожан, к тому времени в основной своей массе уже ставших христианами. В дальнейшем функции дефенсора города окончательно сольются с епископскими, а сами епископы займут место этой категории магистратов.

Войско. До конца VI в. главной опорой вестготских королей оставалась армия. Ее костяк составляла военная знать преимущественно варварского происхождения, являвшаяся в походы во главе частных отрядов, состоявших из вооруженных

клиентов (сайонов, букцеллариев) и рабов; именно эта знать, а не рядовые воины-варвары (исключительно или по преимуществу) подразумевается в вестготском военном законодательстве вплоть до VII в. под словом *Gothi*. Формально военная карьера не была закрыта и для знатных римлян (так, в конце VI в. видное положение в войске занял испано-римлянин дукс Клавдий), однако, насколько можно понять, такая практика не получила широкого распространения. На определенную дистанцию между варварской и римской знатью указывает и отмененный позднее королевский закон о запрете браков между готами и римлянами, касавшийся по преимуществу элитарных слоев.

Важнейшие политические и военные вопросы, затрагивавшие интересы короля и военной знати, решались на военных сходках, выполнявших также функцию смотров. Здесь, лицом к лицу с военачальником, войско могло выразить свое отношение к его действиям; так король Амаларих, последний правитель из числа прямых представителей рода Балтов, был заколот в 531 г. на сходке у Нарбонна, заплатив за разгром его армии франками. Решающее слово в таких собраниях принадлежало военной знати; говорить о какой-либо «военной демократии» оснований нет.

Судя по данным королевского законодательства, войско было организовано по десятеричному принципу. Четко определить варварские либо римские истоки последнего источники не позволяют; неясно также, принимались ли при этом в расчет только собственно «готы» *stricto sensu*

или же учитывались также и приведенные ими полусвободные и несвободные воины. Десятки объединялись в сотни (во главе с сотниками) — ключевые и наиболее стабильные объединения, обладавшие не только военными, но и судебно-административными функциями. Сотенные собрания выступают в источниках как особый институт местной власти, сходные с аналогичными примерами, известными из истории франков и других варварских народов. В свою очередь сотни объединялись в тысячи (*thiufa*) во главе с тиуфадами (тысяцкими или тысяченачальниками). Судя по данным источников, командование несколькими тиуфами возлагалось на военного комита, в свою очередь подчиненного дуксу.

Археологически и по описаниям хорошо известно готское вооружение, существенно не отличавшиеся от аналогов позднеримского времени — боевые топоры, боевые ножи (*skrama*) и кинжалы различной длины и формы, длинные мечи (*spatha*), копья, дротики, луки со стрелами, пращи. К защитному вооружению относились металлический шлем, чаще всего — конической формы, и большой, овальный, сужавшийся в нижней части деревянный щит, обитый кожей с металлическими заклепками. Кольчуги, в силу их дороговизны, были редкостью. Более дешевыми являлись так называемые «сабы» — кожаные рубахи с пришитыми к ним металлическими бляхами.

Наиболее дорогим и сложным по составу предсказуемо являлось вооружение и снаряжение конника, даже если не считать стоимости боевого

коня. Конница была «аристократическим» родом войск; тем более показательно наличие в вестготском войске значительных отрядов конницы, проявивших свои высокие боевые качества, в частности в знаменитой битве при Адрианополе 378 г.; эта черта изначально отличала готов от их противников франков, основной ударной силой которых оставалась многочисленная пехота. Вооружение тяжелой готской кавалерии включало, среди прочего, даже специальный шлем («тестиния»), защищавший голову коня, и особую кожаную попону, закрывавшую его тело. В вооружение всадника этого вида конницы входила также длинная кольчуга или саба, закрывавшая не только верхнюю, но и нижнюю часть тела, до самых икр, или, как вариант, особые кольчужные поножи, защищавшие ноги до колен, если выше воин был прикрыт кольчугой.

До определенного периода войско было надежной опорой вестготских правителей. Однако с завершением расселения и распределения земель стимулы для подчинения королевской власти ослабли. После пресечения рода Балтов военная знать окончательно превратилась в хозяина положения в испанских провинциях. И хотя, как наглядно показал Л. Гарсия Морено, королевский престол и в дальнейшем занимали представители боковых ветвей старой династии, значение военной верхушки еще более возросло; раз за разом войско провозглашало все новых правителей из числа полководцев (главным образом, дуксов Септимании). Ни один из этих королей, которых подчас было одновременно несколько, до наступления

эпохи Леовигильда не контролировал всей территории королевства.

В этой ситуации знать втянулась в многочисленные и кровопролитные распри и почти перестала считаться с королевской властью. Военная служба правителю все чаще стала восприниматься как тяжкое и бессмысленное бремя. В условиях непрекращающихся усобиц пойти в поход нередко означало оставить свое имущество и близких без надлежащей защиты. Судя по данным законодательства, в отсутствие воина его дом и земля часто становились объектом грабежа, причем в роли грабителя мог выступить даже королевский раб, формально несвободный статус которого нередко диссонировал с его реальным влиянием. В этих условиях прямое уклонение от явки на военную службу, а также бегство из действующей армии приняли массовый характер. В отношениях между командирами и подчиненными процветало взяточничество: судя по данным законодательства, часто за взятку можно было не только избавиться от несения тягостной военной повинности, но и присвоить себе общественное или личное имущество (в частности полагающиеся воинам выплаты натурального довольствия — анноны).

В этих условиях армия перестала выполнять роль основной социальной опоры короны. И если ранее для обладания реальной властью короли готов довольствовались лишь унаследованным от римских времен статусом полководца-rex'а, то теперь этого стало явно недостаточно. В этих условиях реальную альтернативу в качестве опоры

престола представлял собой влиятельный испано-римский кафолический епископат, поставивший под свой контроль города полуострова. Однако установлению прочных отношений с епископами мешало сохранение арианства в качестве толка христианства, официально признанного господствующим.

Арианская церковь в Вестготской Испании. О ней известно немногое. Можно лишь уверенно утверждать, что ранее существовавшие представления о том, что служба в ней шла на готском языке, в основе церковной организации лежало традиционное племенное деление, а догматика имела некоторые отличия от римского арианства IV в., не подтверждаются текстами. По всей видимости, языком служения был латинский, тем более что среди приверженцев арианства были не только готы, но и часть испано-римлян, пусть и незначительная (известен даже пример обращения в арианство одного кафолического епископа — Викентия из Сарагосы). Для нужд ариан иногда конфисковывались церкви христиан-кафоликов, хотя, видимо, эта практика и не носила широко распространенного характера.

Оригинальной догматики готы создать не смогли уже в силу отсутствия в их среде достаточно образованных людей. Видимо, как и вандалы, в сфере догматики они ориентировались на учения своих единоверцев из Восточной империи (во всяком случае, в диспуте между кафоликами и арианами в вандальской Африке на стороне последних выступали арианские епископы

с Балканского полуострова). По аргументированному мнению Г. Е. Захарова, вестготы, как и некоторые другие варварские народы, придерживались умеренной формы арианства — омийства. Тем не менее центральным положением арианской догматики оставалось представление о тварной природе Христа, из-за чего своих противников кафоликов они презрительно именовали «единосущенцами».

Клир арианской церкви по своей структуре не отличался от кафолического и включал епископов, пресвитеров, диаконов и чтецов. Нельзя априори отрицать и возможности существования арианского монашества. Наконец, должен был функционировать и институт церковных соборов, хотя реально известно лишь об одном Толедском соборе, созванном Леовигильдом в 580 г. В своих решениях он закрепил курс на насильственное обращение в арианство сторонников кафолической веры. Впрочем, одновременно прослеживаются и определенные шаги навстречу кафоликам. В частности, было отменено обязательное перекрещивание при переходе в арианство (и, тем самым, косвенно признана каноничность обряда крещения, совершаемого кафолическими клириками), а также введено почитание реликвий и мучеников (ранее о подобной религиозной практике применительно к арианам ничего не известно).

Кафолическая (ортодоксальная) церковь в Королевстве вестготов. Организация кафолической церкви не претерпела значительных изменений по сравнению с позднеримским периодом. По-прежнему основным ее элементом оставались

городские церковные общины во главе с епископами, сложившиеся в границах муниципальных округов (главным образом — в пределах городской черты). Важнейшие церковные дела, как и ранее, решались на провинциальных соборах: между 516 и 589 гг. их состоялось восемь.

По отношению к варварам-арианам церковь занимала неоднозначную позицию. С одной стороны, соборные постановления карали за переход в арианство и накладывали суровые наказания на «перекрещенцев», с которыми «верным» запрещалось даже разделять трапезу. С другой стороны, церковь оставалась верна принципу лояльности по отношению к властям. Так постановления соборов датируются по годам правления вестготских королей точно так же, как ранее соборные решения датировались годами правления римских императоров.

Сохранялась тесная связь церковной организации с муниципальной системой. Еще и во второй половине VI в. епископы продолжали избираться как муниципальные магистраты, «клиром и народом». Их имущество (как и имущество куриалов для муниципия) рассматривалось общиной как общее достояние: клирикам вменялось в обязанность принимать его по описи после смерти предстоятеля. После этого родственники покойного могли получить свою долю лишь с разрешения митрополита. Устанавливался церковный контроль и за имуществом клириков. Решающее значение имели постановления собора в Агде (506 г.), 7-й и 22-й каноны которого полностью запрещали отчуждение

церковного имущества точно на тех же основаниях, на которых запрещалось присвоение имущества муниципального.

Прослеживалась тенденция к превращению сана клирика в наследственную должность, по аналогии с наследственностью статуса куриала. Нередки были случаи, когда епископы пытались сами назначать себе преемников. Устанавливался 18-летний возраст вступления в сан (также по аналогии с возрастом включения в списки куриалов), а сама процедура вступления превратилась в ритуал принесения торжественной присяги, произносившейся перед лицом «народа и клира» (так же, как муниципальные магистраты вступали в должность перед лицом «куриалов и народа»). Наконец, все четче прослеживалась тенденция прикрепить клириков к их епархии точно так же, как куриалы были прикреплены к курии. В частности, без разрешения епископа клирик не мог стать монахом и т. п.

Монашество в этой «городской» по характеру церкви, неуверенно чувствовавшей себя за пределами городской черты, было представлено лишь в ограниченной степени. По всей видимости, монахов было еще немного, а их влияние на церковные дела — невелико. Присутствие аббатов монастырей на церковных соборах являлось эпизодическим.

Кафолическая (ортодоксальная) церковь в Королевстве свевов после 558 г. Несколько иной характер имела церковная организация в Королевстве свевов, сложившаяся там после окончательной победы кафолического христианства. В церковно-административном отношении Церковь включала

две митрополии (с центрами в Браге и Луго) и 13 епископств (Брага, Порту, Ламегу, Коимбра, Визеу, Думио и Иданья, Луго, Оренсе, Асторга, Ирия Флавия, Туй и Британес). На территории Свевского королевства крупных городов было немного, а потому связь с городом и городскими учреждениями, столь характерная для Церкви позднеримской, здесь прослеживалась в гораздо меньшей степени. Во всяком случае, центрами некоторых епископств (Думио, Британес) были не города, а крупные монастыри. Вероятно, эта система испытала определенное влияние ирландской модели, привнесенной в эти районы бриттами-иммигрантами, покинувшими острова после вторжения англов, саксов и ютов. (В Ирландии, где городов не было вообще, в V в. главной опорой церковной организации стала именно монашеская община, причем аббаты крупнейших монастырей одновременно являлись и епископами.)

Еще одной важной особенностью свевской Церкви была ориентация на проповедь прежде всего среди сельского населения (городское было относительно немногочисленным). Особенностям миссионерской деятельности среди селян был посвящен ряд сочинений Мартина Думийского. При этом простые прихожане не допускались к выборам епископов: те могли избираться лишь своими собратьями-епископами, после чего рукополагались митрополитами своей епархии.

По своему составу клир свевской Церкви не имел существенных отличий от клира позднеримского; как и последний, он включал епископов,

пресвитеров, диаконов и чтецов. Однако монашество, в противовес клиру, играло весьма значительную роль: не случайно в свевской Церкви фиксируются случаи насильственного пострижения в монахи, позднее превратившиеся в норму и далеко за пределами королевства. Вероятно, особенностью свевского монашества было заключение особых договоров между аббатом и братией при основании обители (впрочем, эта информация носит ретроспективный характер). Важно отметить, что в целом черты, свойственные церковной организации этого региона, позднее проявились и на других территориях полуострова, ибо они в гораздо большей степени соответствовали реалиям средневекового общества, утратившего непосредственную связь с римскими учреждениями.

Мятеж Герменегильда — предвестье поворота во внутренней политике. В 579 г. в Севилье неожиданно вспыхнул мятеж, который возглавил старший сын и наследник Леовигильда Герменегильд, управлявший этим городом и прилегающей областью (а, возможно, даже всеми южными землями полуострова). По всей видимости, в своей основе это движение представляло собой лишь одну из многочисленных усобиц, обусловленных эгоистическим стремлением к захвату власти, тем более что одной из вдохновительниц мятежа стала мать короля, убежденная арианка Госвинта. Однако, когда действия мятежников не привели к желаемым результатам и выступление оказалось на грани поражения, Герменегильд, женатый на Ингунде, дочери франкского короля Сигиберта,

исповедывавшей кафолическое христианство (как и ее сородичи-франки), попытался использовать дополнительную возможность для усиления своих позиций и публично отказался от арианства. Он даже изменил имя при крещении и был наречен Иоанном.

Этот шаг привлек на его сторону симпатии, а вероятно, также и финансовые и военные ресурсы части епископата и мирян-кафоликов юга, например, его поддержал епископ Севильи Леандр. Кроме того, было заключено соглашение с Византией, присутствие которой на юго-востоке полуострова оставалось значимым фактором внутрииспанской политики (вероятно, за помощь ей была отдана Кордова). Не остались в стороне и некоторые франкские родичи Ингунды: в пользу Герменегильда высказался бургундский король Гунтрамн (впрочем, этот шаг привлек на сторону Леовигильда врага Гунтрамна короля франков Хильперика). Еще одним союзником Герменегильда стал король свевов Миро. Наконец, нельзя исключить и поддержки мятежа со стороны басков, как минимум воспользовавшихся ситуацией в своих интересах: во всяком случае, подавление движения Леовигильд начал именно с Басконии.

Только подчинив ее, в 582 г. король двинулся против своего непокорного сына. Почти год длилась осада Севильи. Удержать город Герменегильд не смог, так как свевское войско, шедшее к нему на помощь, было разбито, и, когда сил уже не оставалось, мятежник бежал в занятую византийцами Кордову. Однако Леовигильд подкупил

византийского наместника, и Герменегильд попал в плен. Он был сослан сначала в Валенсию, а затем — в Таррагону. Там при неясных обстоятельствах в 585 г. мятежник был убит.

Леовигильд жестоко отомстил и бывшим союзникам Герменегильда. В 585 г. было подчинено королевство свевов. Вслед за тем был отражен натиск на Септиманию двух франкских армий, направленных Гунтрамном. Казалось бы, к моменту смерти короля в 586 г. его власть была сильна как никогда. Однако гибель мятежника вызвала большой резонанс в среде испано-римлян — его убийство молва объясняла религиозными мотивами, а потому вскоре Герменегильда стали почитать как мученика, пострадавшего за истинную веру. К этому следует добавить, что непрекращающиеся военные мятежи, не утихавшие со второй трети VI в., недвусмысленно свидетельствовали о том, что короли готов уже не могут уверенно полагаться на поддержку со стороны соплеменников.

Прежде всего это касалось варварской знати, прочно утвердившейся на испанских землях и стремившейся реализовать свои собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с королевскими. В этих условиях факт массового сочувствия покойному со стороны абсолютного большинства населения полуострова, а также испано-римского кафолического епископата не мог не настораживать. Было очевидно, что любой новый мятеж, поднятый под лозунгом защиты кафолического христианства, отныне получит гарантированную и весомую поддержку.

Трудно сказать, в какой мере этот факт осознавался самим Леовигильдом. Однако, при всех его военных успехах, целый ряд предпринятых им конкретных мер по своей сути означал постепенный отказ от прежней системы политического устройства и, что более важно, — политической идеологии. Шаг за шагом власть преобразовывалась по единственно возможному внешнему образцу — по византийскому.

Еще Теода, по примеру византийских императоров, прибавил к своему титулу императорское имя Флавий (уже давно воспринимавшееся вне связи с родом Флавиев и ставшее частью официального наименования сначала римских императоров, а затем — и византийских василевсов). Леовигильд же еще более приблизил официальную титулатуру к византийской: на его золотых монетах фигурируют эпитеты *pius* (благочестивый) и *felix* (счастливый). Да и сами эти монеты король стал чеканить первым из вестготских правителей, следуя при этом византийским образцам. Первым Леовигильд был и во внедрении других символов власти римско-византийского происхождения. Во время официальных приемов, а также на монетах он появлялся в золотом венце и пурпурной мантии, со скипетром в руках, восседающим на престоле (прямом преемнике курульного кресла царей, а затем — высших магистратов и, наконец, императоров Рима). Выступал Леовигильд и в качестве законодателя, также не без влияния римско-византийских образцов. Наконец, по всей видимости, вестготский король следовал древней

римской традиции, идущей от легендарного Ромула, выступая основателем городов, один из которых — Реккополис, в честь его сына Реккареда — явно по византийскому образцу получил греческое название.

Но прежде всего, разумеется, Леовигильд пытался утвердить религиозное единство Испании. Правда, он пытался водворить его на основе арианства. Так на время правления Леовигильда приходятся последние репрессии по отношению к христианам-кафоликам: епископы Мериды (Масона) и Сарагоссы (Иоанн Бикларский) были удалены со своих кафедр и высланы из городов. Большинство храмов Мериды было конфисковано в пользу ариан, не по силам им оказалось лишь овладеть главной городской базиликой, освященной в память св. Евлалии. Наконец, удалось добиться принятия арианства одним из испанориманских епископов — Викентием Сарагосским. Впрочем, даже Леовигильд не решился на более масштабные репрессии по отношению к тем, кого считал «еретиками». Видимо, он уже не мог не принимать во внимание их силу и влияние. Но уже его сын и преемник Реккаред, в свое время поддержавший отца при подавлении мятежа Герменегильда, вступив на престол, почти тотчас же (в 587 г.) принял кафолическую веру.

Глава 4
Общество и государство Вестготской Испании в конце VI — начале VIII в.

Религиозная реформа Реккареда I Католика и начало нового этапа истории Вестготской Испании. Вскоре после вступления на престол сын и наследник Леовигильда Реккаред I (586–601) принял кафолическую веру. В 589 г. религиозная реформа была завершена: арианство было полностью запрещено, основная часть готской знати, включая арианский епископат, признала Никейский символ веры, а на ариан были обрушены репрессии со стороны государства.

Этот шаг объяснялся прежде всего трезвой оценкой внутриполитической ситуации, сложившейся в Испании к концу VI в.: лишенный возможности всецело опираться на войско и готскую знать король стремился заручиться поддержкой епископата и испано-римского населения, интересы которого представляли предстоятели кафолической церкви. Мятеж Герменегильда показал обоснованность этих планов. Вместе с тем значительную роль сыграли и субъективные факторы, прежде всего — прямое влияние на короля епископа Севильи Леандра. Старший брат знаменитого Исидора Севильского, он в свое время поддержал

мятеж Герменегильда. Теперь же ему удалось убедить нового короля последовать примеру его старшего брата.

Леандр Севильский († ок. 599), вошедший в историю как «апостол готов», а также аббат Евтропий (впоследствии — епископ Валенсии) выступили инициаторами созыва III Толедского собора (589 г.). Этот собор не имел прецедентов в предшествующей церковной истории Испании. Прежде всего, это был первый поместный (общеиспанский) собор, на котором присутствовали представители духовенства из всех частей полуострова, в том числе — 48 епископов. Образцом для него стали вселенские соборы, в первую очередь — I Вселенский собор в Никее Вифинской, осудивший арианство. На нем лично председательствовал император Константин Великий. На последующих соборах в этой роли выступали его преемники — римские и византийские императоры. В Толедо же эту роль исполнял король (как видим, следовавший все тем же римско-византийским образцам). Ранее Реккаред I в официальном порядке провозгласил созыв собора, а по окончании его заседаний утвердил соборные постановления особым королевским законом.

Вместе с королем на соборе присутствовали и представители светской знати готского происхождения, официально отрекшиеся от арианства и признавшие истинность Никейского символа веры. Точно так же поступили и присутствовавшие на соборе 8 бывших арианских епископов. Таким образом, был создан прецедент присутствия

мирян на церковных соборах, ставший правилом лишь со второй половины VII в.

III Толедский собор знаменовал собой завершение коренного поворота во внутренней политике Вестготского королевства. Продолжив линию своего отца другими средствами, Реккаред I ликвидировал формальную границу между варварами (готской знатью) и испано-римлянами, открыв для романской верхушки путь к высшим должностям в государстве и в войске. В обмен на это король заручился поддержкой могущественного и влиятельного испано-римского епископата.

Предпринятые реформы позволили упрочить социальную базу королевской власти. Ее усилению способствовала и благоприятная внешнеполитическая ситуация. Византия окончательно утратила интерес к событиям в Западном Средиземноморье: она должна была противостоять натиску персов, а позднее, с 632 г. — и арабов (еще не достигших пределов Испании). Временное ослабление испытывал и еще один опасный враг вестготов — франки. Именно поэтому испанскому войску во главе с дуксом Лузитании Клавдием удалось одержать над ними важную победу. Сам король неоднократно возглавлял военные экспедиции против басков. И хотя, по всей видимости, окончательно замирить этот мятежный район все-таки не удалось, тем не менее ситуация была по меньшей мере поставлена под контроль. Единственный известный нам мятеж готской знати во главе с дуксом Аргимундом был успешно подавлен, а его вождь, обритый нагло, с отрубленной правой рукой, был с позором

провезен на осле по Толедо. Таким образом цели, поставленные Реккаредом I, казалось, были достигнуты.

Основные этапы политической истории Вестготской Испании (начало VII — начало VIII в.). После смерти Реккареда I ему без всяких осложнений наследовал сын покойного короля Лиува II (601–603). Однако его недолгое правление завершилось трагически: Лиува II пал жертвой заговора, во главе которого встал готский магнат Виттерих. Его семилетнее правление (603–610) было ознаменовано повышенной военной активностью: несколькими, впрочем, безуспешными походами против византийских владений в Испании, а также вмешательством в междоусобные войны потомков Хлодвига во франкской Галлии. Однако через несколько лет и сам Виттерих пал жертвой заговора, и на престол вступил Гундемар (610–612), после короткого правления которого королем стал Сисебут (612–621).

В его правление королевская власть вновь усилилась. Во внешних делах вестготам удалось наконец потеснить византийцев, отняв у них район Малаги, а также установить прочные отношения с франками. Вместе с тем Сисебут вошел в историю как образованный правитель. В числе его ближайших сподвижников видное место занял Исидор Севильский (ок. 570–636), младший брат Леандра Севильского, выдающийся церковный деятель и писатель. На близость их отношений указывает, в частности, сохранившееся стихотворение, написанное Сисебутом и адресованное Исидору.

Король жалуется в нем на тяготы жизни правителя и прославляет тихую созерцательную жизнь ученого, являющуюся для него недостижимым идеалом. Вероятно, в этих словах была доля истины. Однако главным образом литературная деятельность короля (он был также автором жития епископа Валенсии Дезидерия) была подчинена прежде всего политическим целям. Именно во времена Сисебута активизируется процесс складывания государственной идеологии Вестготской Испании, начатый постановлениями III Толедского собора. Его важнейшей целью было формирование нового образа королевской власти, призванного консолидировать общество, объединив его вокруг фигуры монарха. Этой же цели служила и репрессивная политика Сисебута, направленная против приверженцев иудаизма. Впервые была выдвинута задача насильственного крещения иудеев, решению которой должно было служить принятие репрессивных королевских законов.

Преемником Сисебута стал его сын Реккаред II, переживший отца всего на несколько дней. После этого престол занял дукс Свинтила (621–631). Опытный военачальник, он сумел к 625 г. окончательно вытеснить из Испании византийцев, став, по выражению Исидора, первым королем, «властвовавшим над всей Испанией по эту сторону от Гибралтарского пролива». Он успешно воевал с басками и основал для защиты от их набегов город-крепость Оголик (вероятно, совр. Олита в Наварре). Однако военные успехи не спасли Свинтилу от мятежей: дукс Сисенанд, заручившись помощью

франков, разгромил королевское войско под Сарагосой, а самого короля бросил в тюрьму.

Власть нового правителя Сисенанда (631–636), полученная преступным путем, нуждалась в легитимации. Эта цель была достигнута путем созыва IV Толедского собора (633 г.). На этом соборе, ставшем одним из наиболее представительных по своему составу, председательствовал сам Исидор Севильский. Помимо обсуждения ряда важных догматических вопросов, епископы, по инициативе Исидора, задним числом санкционировали законность власти узурпатора. С этого времени участие епископата в решении государственных дел принимает постоянный характер. Так, в недолгое правление преемника Сисенанда Хинтилы (636–640) поместные толедские соборы — основная форма участия церковной верхушки в управлении королевством — собирались дважды (V (636 г.) и VI (638 г.) Толедские соборы). Тем не менее сыну Хинтилы Тульге (640–641) все же не удалось долго удержаться у власти, он был свергнут в результате мятежа, и на престол вступил дукс Хиндасвинт (641–652).

В его правление, оказавшееся довольно длительным, несмотря на более чем преклонный возраст нового короля (к моменту вступления на престол ему было 79 лет), монархическая власть снова усилилась. Для этого Хиндасвинт использовал как жестокие репрессии, так и идеологические, и правовые механизмы. Он продолжил политику прочного союза с епископатом: в его правление состоялся VII Толедский собор (646 г.). Кроме того,

при нем началась работа по кодификации королевского законодательства, завершенная уже при его преемнике Рецесвинте (Рекцесвинте), которого в 649 г. Хиндасвинт провозгласил своим соправителем, чтобы гарантировать мирную передачу власти; единоличное правление Рецесвинта пришлось на период 652–672 гг.

Эта политика принесла определенные результаты. В 653 г. был подавлен мятеж некоего Фройи, попытавшегося привлечь на свою сторону басков. Сохранение и упрочение союза с епископатом было подтверждено созывом трех поместных соборов (VIII (653 г.), IX (655 г.) и X (656 г.)). Были согласованы некоторые формальные изменения порядка выборов короля, осуждены действия мятежников и принят целый ряд жестких постановлений против иудеев, что знаменовало собой пик антииудейской политики вестготской короны. Наконец, в 654 г. была обнародована кодификация — «Книга приговоров» («Вестготская правда»), вобравшая в себя королевские законы со времен Эвриха, собранные, систематизированные тематически и подвергнутые редакции. В итоге большая часть правления Рецесвинта прошла без особо тяжких потрясений.

Немолодой король пользовался большим авторитетом среди воинов. Он и умер, окруженный ими, в своей вилле Гертикос, недалеко от Саламанки. После его смерти войско провозгласило королем дукса Вамбу (672–680), вскоре торжественно короновавшегося в Толедо. Его правление началось с потрясений: дукс Павел, направленный на

подавление мятежа в Септиманию, вместе со своим войском сам примкнул к мятежникам, которые провозгласили его королем. Одновременно восстание подняли непокорные баски. Путем напряжения всех сил королевства мятежи были подавлены, а их участники подвергнуты жестоким репрессиям. Но Вамба не ограничился лишь насильственными действиями. По его инициативе было принято несколько законов с целью перестройки принципов военной организации.

Однако в целом отношения короля с епископами складывались не лучшим образом. За время своего правления Вамба ни разу не созывал поместные церковные соборы. Вместе с тем постановления двух провинциальных соборов в его царствование (XI Толедского и III Брагского, оба — 675 г.), содержат целый ряд канонов, обличающих поведение епископата. По всей видимости, они отражают общую тенденцию, охватившую социальные и политические структуры королевства к концу VII в. К этому времени самые основы вестготской государственности оказались в состоянии глубокого кризиса. Структуры публичной власти на местах деградировали, а их место занимала частная власть светских и церковных магнатов, опиравшихся на собственные военные силы. Они не нуждались в дееспособной королевской власти и стремились всячески ограничить ее влияние. Свидетельством их возросшего могущества стал уже упоминавшийся мятеж Павла, принявший невиданные ранее масштабы и распространившийся на все северо-восточные области

королевства — от Васконии до Нарбоннской Галлии. И хотя движение было подавлено, но его сторонники сохранили значительное влияние.

Однако противникам короля удалось хитростью устранить Вамбу от власти, не прибегая к прямому насилию (подробнее см. об этом ниже). В итоге, его отослали в монастырь Памплиега, а королем был провозглашен Эрвигий (680–687). Принято считать, что этот король являлся прямым ставленником епископата, во всяком случае, в отличие от своих предшественников он не принадлежал к военной верхушке. К тому же, за семь с небольшим лет его правления поместные соборы созывались трижды, то есть чаще, чем в царствования его предшественников: в 681 г. — XII Толедский собор, в 683 г. — XIII Толедский собор и в 684 г. — XIV Толедский собор, имевший характер провинциального. Среди прочего, соборы амнистировали участников мятежа Павла, впредь устанавливая принципы неприкосновенности жизни и имущества высшей знати — не случайно Х. Орландис метко назвал 2-й канон XIII Толедского собора, специально посвященный этим вопросам, вестготским *habeas corpus*; показательно и то, что при преемнике Эрвигия Эгике этот канон был обнародован в качестве особого королевского закона.

При этом Эрвигий вовсе не был слабым правителем. Обращает на себя внимание его активная законодательная деятельность, вершиной которой стало создание новой редакции кодификации королевских постановлений, выполненной на основе кодекса Рецесвинта и дополненной большим

количеством новых законов. В частности, обращает на себя внимание жестокость антииудейского законодательства. Однако в своей военной политике Эрвигию не удалось достичь больших успехов: столкновения с франками закончились не в пользу вестготов.

Преемником Эрвигия стал его зять Эгика (687–701), родственник Вамбы. Считается, что он отомстил семье своего тестя, вероломно свергнувшей с престола его предка. Однако в основных чертах он продолжал политику своего предшественника, прежде всего — в сфере законотворчества. Это касается и антииудейского законодательства, вершиной которого стали постановления XVII Толедского собора (694 г.): никогда ранее меры, направленные против евреев, не достигали такой степени жестокости. Преемственность отмечается и в отношении с епископатом: в правление Эгики произошли три последних поместных собора (XV (688 г.), XVI (693 г.) и XVII (694 г.)). Кроме того, сохранились и каноны одного собора провинциального (III Сарагосский собор (691 г.)), постановления которого также косвенно затрагивают политические вопросы.

Во внешней политике в период правления Эгики наступило некоторое затишье. Источники упоминают лишь о вторжении византийского флота на восточное побережье полуострова, которое было успешно отражено. Однако внутри страны положение было более сложным. Самое начало правления было ознаменовано мятежом некоего Сунифреда, которое поддержал сам митрополит Толедо Сисберт. Мятежникам даже на какое-то время удалось

овладеть «королевским городом», хотя в конечном итоге движение удалось подавить. Большой ущерб нанесли также две сильные эпидемии (693–694 и 701 гг.). В итоге в 698 г., впервые с середины VII в., король назначил себе соправителя — сына Витицу, после смерти короля ставшего единовластным монархом (702 г.).

О царствовании Витицы (702–709) известно немногое. Неясно, назначил ли он себе наследника. В любом случае, его сыновья не смогли занять престол. На него при поддержке военной верхушки в 710 г. вступил Родерик (Родриго) (710–711). Традиция называет его последним королем вестготской Испании.

Общество и хозяйственная жизнь. После придания кафолическому христианству статуса единственного официально санкционированного вероисповедания прежние культурные и правовые барьеры, ранее существовавшие между испано-римским и готским населением, были сняты.

В наибольшей степени это проявилось в случае знати. На смену двум социальным элитам — готской и испано-римской — пришла единая аристократия, которая в равной степени включала лиц как римского, так и варварского происхождения. С этого момента постепенно исчезают этнокультурные особенности, ранее сохранявшие свое значение. Так, широкое распространение получает система римских (или общехристианских) личных имен, которые носят не только представители испано-римской, но и варварской знати. Бывали и обратные случаи, но гораздо реже, что отличает

вестготское королевство от королевств франков, где доминировала германская антропонимика. Кроме того, инвентарь захоронений знатных людей более уже не позволяет отличить погребения знатных готов от сопоставимых с ними по статусу испано-римлян.

Вместе с тем даже инкорпорированные в единый социальный слой выходцы из среды варваров и испано-римлян еще долго сохраняли особое этническое самосознание. Но в правовых текстах разделение на готов и римлян уже практически исчезло, а в текстах литературных под «готами» все чаще понимались представители знати в целом, пусть часть их имела римское происхождение.

Знатные люди по-прежнему предстают в источниках прежде всего как крупные собственники. Основу их богатства оставляли земельные владения, а также значительные стада скота и большие рабские фамилии. В этом смысле, среди прочего, показательны ограничения на размер приданного, наложенные законом короля Хиндасвинта: запрещалось давать в приданное более десятой части имущества, в том числе более 10 рабов и 10 рабынь, 20 коней, а также украшений на сумму более 1000 солидов. Следует полагать, что возрастала и численность частных военных отрядов магнатов. Косвенным свидетельством этому являются как содержание военных законов Вамбы–Эрвигия, так и данные об общем возрастании могущества знати. Так, несмотря на жесткие репрессии, предпринятые Вамбой по отношению к руководителям мятежа дукса Павла, его соучастники из числа знати

были амнистированы Эрвигием, а неприкосновенность их статуса и имущества — особо гарантирована постановлениями XIII Толедского собора (683 г.).

Все исследователи единодушно констатируют наличие стойкой тенденции к широкому распространению отношений патроната. Постепенно эти отношения становились основной формой социальных связей. Знатные люди, подобно клиентам, должны были теперь приносить присягу личной верности королю, фиксируя ее документально. Отношения патроната связывали с королем и представителей королевской администрации. Военное законодательство Вамбы–Эрвигия превратило патронат в основной принцип функционирования системы военной организации.

Во второй половине VII в. прослеживается тенденция к повышению статуса клиентов короля — так называемых «королевских верных» (*fideles regis*) и королевских рабов (*servi dominici*). Будучи формально несвободными, на деле они могли распоряжаться огромными земельными владениями, быть собственниками больших рабских фамилий и обладателями широкого круга властных полномочий в административной и военной сфере. Их фактическое положение оказалось сопоставимым со статусом представителей «старой» знати — дуксов, комитов, гардингов и тиуфадов. Наконец, отношения патроната на протяжении VII в. постепенно оттеснили на задний план (или, по мнению некоторых исследователей, даже полностью вытеснили) гражданские связи античного типа: понятие «гражданин» (*civis*) почти полностью изменило

содержание, обозначая теперь лишь жителя города в противовес сельскому населению.

Следует отметить, что указанные тенденции практически не отразились на статусе рабов. Институт рабства полностью сохранял свое значение, остались прежними источники рабства и экономические функции рабов; при этом на растущую дороговизну последних косвенно указывает жесткость санкций законов, направленных против беглых, а также укрывающих их лиц. В качестве крупных рабовладельцев выступали не только представители верхушки мирян, но и епархии, и даже монастыри. Зависимость «рабов церкви» выглядит даже более жесткой, чем у фамилий светских рабовладельцев. Неотчуждаемость церковных имуществ не позволяла лицам этой категории рассчитывать на получение полной свободы даже в случае формального отпуска на волю: они должны были по-прежнему проживать на церковной земле.

Наиболее дискриминируемой социальной группой нерабского статуса по-прежнему продолжали оставаться иудеи. С принятием кафолической веры вестготскими королями иудаизм подвергся жестким преследованиям со стороны как монархов, так и Церкви. Причины этого положения следует искать как в характере Вестготской государственности, утвердившейся со времен Реккареда I, так и в факторах субъективного характера. Во-первых, включение Церкви в систему государственной власти сделало исповедование кафолического христианства знаком лояльности «благочестивым правителям», следствием чего стало ужесточение

санкций по отношению к представителям иных конфессий — арианам, язычникам, но прежде всего — к иудеям. Во-вторых, слабая королевская власть, не упускавшая ни одной возможности для укрепления своего авторитета, стремилась использовать антииудейские настроения в своих интересах, возглавить процессы проявления стихийной ненависти к евреям, которые не только не пресекались, но и стимулировались. Наконец, в-третьих, определенное значение имели и прямые материальные выгоды от конфискации имущества иудеев.

Так или иначе, но вестготские правители, начиная с Реккареда I, подвергали еврейские общины все более жестокой дискриминации. Законы, принятые в разное время королями Сисебутом, Рецесвинтом, Эрвигием, налагали запрет на отмечание иудейских праздников, соблюдение обрядов (в частности — обрезания), владение рабами-христианами, использование против них пыток, выдвижение свидетельства иудеем против христианина. При короле Сисебуте появляются факты массового насильственного крещения иудеев, хотя IV Толедский собор (633 г.) отменил эту практику. С течением времени антииудейские постановления становились все более многочисленными. Вводились дополнительные санкции за браки между иудеями и христианами; сторонникам иудаизма запрещалось занимать публичные и иные должности, предполагающие наличие власти над христианами; они не могли заниматься торговлей, ремеслом, кредитными операциями иначе, как в своей среде. Вершиной же антииудейской политики стали

постановления XVII Толедского собора (694 г.), согласно которым у иудеев следовало конфисковать имущество, а их самих следовало выселить из мест проживания, а по воле короля — даже продать в рабство.

Итоги этой политики были весьма предсказуемы. Во-первых, за счет массовой эмиграции резко сократилась численность еврейского населения Испании. Во-вторых, среди оставшихся евреев широкое распространение приобрело тайное исповедование веры их отцов (так называемый *криптоиудазим*). И это при том, что законодательство рассматривало его как тягчайшее преступление и карало чрезвычайно сурово. Так, например, каноны XVII Толедского собора предписывали разлучать детей криптоиудеев с их родителями и передавать их в монастыри или же на воспитание «богобоязненным христианам». Наконец, в-третьих, еврейское население превратилось в наименее лояльную социальную группу. В этом смысле обвинение иудеев Испании в тайном сочувствии мусульманам и стремлении способствовать их нападению на полуостров, предъявленное им на XVII Толедском соборе, вероятно, не лишено определенных оснований. Во всяком случае, в первые века истории мусульманской Испании положение ее иудейского населения являлось несравнимо более благоприятным, чем в предшествующий период.

Немногочисленность источников не позволяет сделать вывод о том, в какой мере все описанные тенденции эволюции общества отразились на

хозяйственной жизни. Можно предположить, что условия почти постоянных усобиц и упадок городов не способствовали развитию торговли. Факты постепенного сокращения числа центров чеканки монеты, а также сокращение содержания драгоценных металлов в них к концу VII в., особенно во времена Эгики, могут свидетельствовать о некотором кризисе денежного обращения. Тем не менее хорошо известно, что судебные штрафы попрежнему исчислялись в денежной форме (взыскивались ли они деньгами, неясно). Кроме того, судя по археологическим данным, сохранялись и внешнеторговые связи. Возможно, косвенным свидетельством внутренних экономических трудностей являются две крупные эпидемии начала VIII в. Однако и здесь любые выкладки носят умозрительный характер. В конечном итоге в случае Вестготской Испании мы не можем уверенно ни отрицать, ни подтвердить факт соотносимости процессов развития форм личной зависимости, с одной стороны, и экономического кризиса и тенденции к натурализации хозяйства — с другой.

Королевская власть в эпоху Толедского королевства. Вестготская политическая теология. «Вестготская симфония». После смерти Леовигильда и принятия никейского христианства его сыном и преемником Реккаредом, новая эпоха началась и в истории королевской власти. III Толедский собор (589 г.), объявленный сторонниками его курса «новой Никеей», не только окончательно осудил арианство и провозгласил всеобщее принятие кафолической веры, но и положил начало традиции

поместных толедских соборов. Этот институт стал основным средством формирования вестготского канонического права, положения которого приравнивались к королевским законам посредством института *lex in confirmationem concilii*, издававшегося правителем в завершающий день работы собора или вскоре после его окончания.

Особое значение для определения нового качества королевской власти сыграли постановления IV Толедского собора (633 г.), председательствовал в котором сам знаменитый Исидор Севильский. Во имя четкого разграничения легитимного короля и короля-узурпатора (*rex tyrannus*) отцы собора впервые в политической истории не только Толедского королевства, но и всего раннесредневекового Запада начали разработку детальной процедуры вступления короля на престол, а также тех норм и правил, которыми правителю надлежало руководствоваться в период пребывания у власти. Начало этой традиции положил сам Исидор Севильский: в частности, именно ему принадлежит формула, отражавшая самую суть нового понимания королевской власти: «Ты король, если поступаешь справедливо; если же действуешь иначе, то им не являешься» (лат.: *rex eris si recte facias, si non facias non eris* (Isid. Etym. IX.3.4; ср.: Isid. Sent. II.48.7–11)).

В дальнейшем эту идею все более подробно разрабатывали в своих сочинениях наиболее видные интеллектуалы своего времени — Браулион Сарагосский, Ильдефонс Толедский, Тайон Сарагосский, Евгений II Толедский, Юлиан Толедский

и некоторые другие. Их политические идеи неизменно опирались, главным образом, на аргументы, почерпнутые из Священного Писания (прежде всего — из Ветхого Завета), и излагались, как правило, в форме проповедей, наставлений, литургических гимнов и в других жанрах, характерных для христианской литературы. Именно поэтому испанский историк Х. Орландис вполне обоснованно назвал эти идеи «вестготской политической теологией». Действительно, согласно ее положениям в своей деятельности монарху надлежало реализовывать христианские добродетели, а судить об успешности этой миссии должна была Церковь. Этот принцип определял идеал неразрывного единства королевской власти и Церкви (главным образом, в лице ее епископата), основанного на их согласии (гармонии) и сотрудничестве (синергии), которые Церковь уподобляла единству Божественного и человеческого естества и божественной и человеческой воли Христа, «нераздельным и неслиянным».

Подобная конструкция, явно ориентировавшаяся на византийские образцы, может показаться не более чем консервативной утопией и в какой-то мере действительно таковой и являлась. Однако в Испании VI–VII вв., пережившей крушение Западной Римской империи и гибель обеспечивавшегося ею режима «римского мира», существовавшей в условиях непрекращающихся усобиц, формирование «вестготской политической теологии» и ее утверждение в общественном сознании путем целенаправленной деятельности Церкви (о чем еще

будет сказано ниже) имело огромное практическое значение. Там, где насилие и произвол превратились в повседневное явление, постепенно появлялись новые нормы социальной жизни, исходившие уже не от ушедшей в прошлое императорской власти и изначально связанных с ней властных структур на местах, превратившихся в инструмент обеспечения эгоистических интересов знати, а от христианской Церкви. В отличие от римских императоров испано- и галло-римский епископат не обладал средствами принуждения к миру; зато после окончательного утверждения кафолического христианства на его стороне был непререкаемый авторитет вечного августиновского Града Божьего. Кроме того, именно Церковь придавала новое качество королевской власти, для которой обеспечение соблюдения новых правил становилось не только практически значимой функцией, но и высшей миссией, неуклонное следование которой вознаграждалось райским блаженством.

В процессе разработки положений «вестготской политической теологии» глубокий смысл имело и обращение к византийским образцам. В сознании правящей верхушки Восточная Римская империя, пусть и являвшаяся военно-политическим соперником Толедского королевства до конца первой трети VII в., неизменно воспринималась как оплот кафолического христианства, никейской веры, с одной стороны, и как эффективный инструмент обеспечения мира и процветания, с другой. И то, и другое обеспечивало очевидную притягательность византийской модели, в свою очередь

объясняющую стремление воспроизвести ее значимые элементы на испанской земле. На уровне идеологии это стремление отразилось не только на уровне институциональной организации королевской власти и кодификации королевского законодательства (см. об этом ниже), но и, в первую очередь, в осмыслении Толедского королевства (и испанских провинций — как его сердца) в категориях новой империи. Уже в сочинениях Исидора Севильского, прежде всего — в прологе к его «Истории королей готов, вандалов и свевов», мы видим панегирик испанской земле, восхищение ее природными ресурсами, хозяйственным и экономическим потенциалом; в этом контексте по-новому воспринималась и история «народа готов», храброго и доблестного, расселение которого в Испании трактуется церковным писателем как исполнение предначертанной свыше миссии. Соединение великой земли и великого народа дает начало новому восприятию испанских земель — не как осколка рухнувшей Империи, но как самодостаточного политического образования, строго говоря, ни в чем не уступающего могущественной Восточной империи. Разумеется, о последнем не говорилось прямо. Однако в нашем распоряжении вполне достаточно и косвенных данных на этот счет. Показательно, в частности, что применительно к галло- и испано-римской знати Толедского королевства Исидор перестает использовать понятие «римляне» (*Romani*) — последнее используется лишь для обозначения византийцев-ромеев, тогда как испанская знать вне зависимости от

этнического происхождения начинает именоваться «готами» (*Gothi*). Завершение этой тенденции мы видим в сочинениях Юлиана Толедского, творившего в последние десятилетия VII в. Испания в ее естественных границах воспринимается уже как непреложный факт, не только географический, но и политический и культурный. К северу от нее проживают враги — «франки» и «галлы», которым противостоят жители полуострова, именуемые не только «готами», но и (внимание!) «испанцами» (*Hispani*); следует обратить особое внимание на содержание последнего понятия, которое у Юлиана Толедского имеет не только чисто географический, территориальный смысл, известный уже римским географам, но и смысл политический. «Испанцы» — те, кто подчиняется правителю Испании, «благочестивому королю», власть которого санкционирована Богом и Церковью, а потому сопротивление ей — тяжкое преступление, заслуживающее жесточайшего наказания.

Следует подчеркнуть, что, как и всякие социальные нормы, положения «вестготской политической теологии» на практике соблюдались далеко не всегда; но даже их нарушители не могли игнорировать их справедливости, подкрепленной всем авторитетом Церкви и христианского Бога-Троицы. Так закладывались основы нового политического порядка и связанных с ним новой политической культуры и освещенных ею форм политического поведения, которые должны были прийти на смену утратившим свою легитимность античным аналогам. Благодаря утверждению новых норм,

в решающие моменты общественное мнение должно было неизменно оказываться на стороне «благочестивого короля», миротворца и защитника Дела Христова. Отсутствие подходящих источников, характерное для всех архаических эпох, не позволяет нам услышать голос «человека из народа» и понять, в какой мере была достигнута эта цель. Однако мы хорошо знаем, что новые нормы прочно утвердились не только на уровне общественной морали (что сделало невозможным моральное оправдание восстания против королевской власти, которое неизменно характеризовалось как попрание норм не только светской, но и христианской нравственности), отраженной в исходившем от Церкви каноническом праве, но и в королевском законодательстве. Тем самым положения государственной идеологии определили направление деятельности судебной системы и укрепляли позиции королевской власти там, где, не имея возможности использовать для водворения мира прямое насилие, она должна была идти на вынужденные компромиссы с мятежниками.

В содержательном плане, при постоянном апеллировании к образам Священного Писания, основу политической идеологии составили все же римские представления о власти. Однако речь не шла о простом повторении старого: политическое наследие Рима было переосмыслено применительно к новым политическим условиям. В частности, вестготских идеологов и законодателей привлекала отраженная в Библии концепция власти царей древнего Израиля, сочетавших функции

верховных светских правителей, с одной стороны, и верховных священнослужителей, защитников веры в Единого Бога, статус которых имел сакральную природу, — с другой. Рецепция такого рода положений способствовала формированию нового, средневекового, облика государства и власти, сначала в Испании и юго-западной Галлии, а затем, начиная с эпохи Каролингов, и далеко за их пределами.

Начиная с IV Толедского собора, созванного по инициативе и проходившего под председательством Исидора Севильского, персона правителя провозглашалась священной и неприкосновенной, а покушение на нее («тирания») каралось санкциями церковного и светского права. 75-й канон постановлений этого собора утверждал, среди прочего, особую святость клятвы верности, приносимой королям «народом» (т. е. знатью) при вступлении на престол (ее нарушение квалифицировалось как святотатство — *sacrilegium*). Вечными муками карался посягнувший на убийство того, кто уподоблялся ветхозаветным «помазанникам Божьим». Узурпатора (*tyrannus*) следовало покарать самым жестоким видом анафемы — маранафой, лишавшей наказанного права на прощение даже на Страшном Суде. Устанавливалось также пожизненное отлучение преступника от причастия, с правом получить его только перед смертью. Вместе с тем, согласно тому же 75-му канону, столь же жестокие наказания (анафема и отлучение от причастия) могли быть наложены и на самого короля в случае проявления им деспотизма, высокомерия и жадности.

Таким образом, была сделана попытка введения четких правил в отношениях между правителем и знатью, которые должны были ограничить произвол с обеих сторон в интересах прекращения усобиц. В то же время вводился институт выборов королей; отныне законным правителем могло стать лишь лицо, избранное по смерти предыдущего короля магнатами (*primatus totius regni*) и епископами всего королевства с общего согласия (*concilio communis*).

Введение системы выборов королей как единственной формы занятия вакантного престола являлось вынужденной мерой и объяснялось отсутствием правящей династии. Начиная с IV Толедского собора (633 г.) (канон 75), процедура выборов разрабатывалась все более детально, с учетом привходящих политических обстоятельств. Соответствующие нормы находятся в постановлениях V (636 г.) (канон 3), VI (638 г.) (каноны 3, 17), VIII (653 г.) (канон 10) и некоторых других толедских соборов. Круг выборщиков все более жестко ограничивался высшими должностными лицами королевства, а также епископами; было строго запрещено привлекать к процедуре выборов «простолюдинов». Между строк всех перечисленных канонов читается стремление законодателя покончить с практикой спонтанного провозглашения королей на воинских сходках, неизбежно оборачивавшегося всплеском насилия, усобицами между претендентами, опиравшимися на военные возможности своих кланов и подчиненных им воинов. Однако мы знаем, что такая практика сохранялась

и в дальнейшем. Более того, Л. Гарсия Морено аргументировано показал, что де-факто большинство правителей Толедского королевства VII — начала VIII в. вступало на трон, минуя акт избрания, и что (как уже говорилось выше) все короли указанного времени по боковой линии были связаны родственными узами с угасшей династией Балтов. Таким образом, говорить об эффективности процедуры избрания в чисто техническом смысле не приходится. Однако это не позволяет недооценивать политико-идеологическое значение акта, его роль для утверждения представлений о необходимости легитимного пути вступления монарха на престол.

В случае игнорирования этой модели политического поведения новый правитель автоматически давал своим противникам серьезные теологические и правовые аргументы, способные обосновывать их собственные претензии на престол. Известные факты политической истории Толедского королевства свидетельствуют о том, что сказанное вовсе не являлось простой угрозой. Так в 621 г. малолетний король Реккаред II (620–621), наследовавший своему отцу Сисебуту (612–620) (смерть которого, возможно, также стала следствием насильственных причин), был свергнут военачальником Свинтилой. По прошествии 10 лет последний и сам был отстранен от престола Сисенандом (по всей вероятности — дуксом Нарбонны), который прибег к помощи франкского короля Дагоберта I. Франкский хронист сообщает, что причиной свержения Свинтилы стала всеобщая

ненависть к королю со стороны его окружения, что согласуется с оговоркой в тексте упоминавшегося выше 75-го канона IV Толедского собора (633 г.) о том, что правитель оставил власть «в страхе перед собственными злодеяниями». Очевидно, недовольство свергнутым королем действительно разделяла значительная часть правящей верхушки, что дало возможность не только узаконить права Сисенанда, но и принять конкретные решения, ориентированные на будущее. Правда, для этого понадобилось созвать поместный собор.

Приведем и пример противоположного характера, косвенно свидетельствующий о сознательном стремлении к соблюдению норм соборных постановлений. В 680 г. у власти утвердился служивший при дворе комит Эрвигий. Если верить позднейшей «Хронике Альфонсо III», написанной в конце IX в., его предшественник, король Вамба, был опоен настоем из растения *spartus* (эспарто или испанского дрока), вызывающим галлюцинации, а затем, используя его невменяемое состояние, объявлен умирающим и пострижен в монахи. Не ограничившись занятием престола де-факто, Эрвигий попытался закрепить свои права. В королевском обращении (*tomus*) к отцам XII Толедского собора (680 г.) содержалось необходимое новому правителю каноническое обоснование, и оно было отражено уже в 1-м каноне соборных постановлений. Этот канон утверждал освобождение «народа», поклявшегося в верности Вамбе, от присяги верности, ему некогда принесенной. Основанием для этого стал комплекс признанных собором

законными документов, из которых следовало, что прежний король тяжело заболел и по этой причине обрек себя на покаяние, а потому принял тонзуру и монашеский обет, избрав себе преемником упомянутого Эрвигия. Все документы были подписаны Вамбой собственноручно. В их число входили: (1) свидетельство (*notitia*), скрепленное подписями приматов дворца, подтверждающее принятие Вамбой монашеского обета и тонзуры; (2) определение (*scribturam definitionis*) свернутого короля Вамбы о передаче власти Эрвигию; (3) указание (*informationem*) Юлиану как епископу Толедо помазать Эрвигия на престол, что и было сделано. Отныне и впредь посягательство на жизнь и власть нового короля карались анафемой.

2-й канон постановлений того же собора, формально никак не связанный по содержанию с 1-м, гласил, что лица, принявшие постриг в бессознательном состоянии, должны оставаться в сане и не могут вернуться в мир; но впредь совершать постриг над человеком, находящимся без сознания, запрещалось. Устанавливалось, что принимающий обет должен был жестом рук или иным образом недвусмысленно выразить свое согласие на происходящее. Епископ, нарушивший эту норму, наказывался отлучением от причастия на один год.

3-й канон содержал запрет епископам отлучать лиц, прощенных королем за преступление против короля, народа и родины; впредь устанавливалось, что таковым может даровать прощение лишь сам король. Следует отметить также 4 и 7 каноны, отменявшие предыдущие постановления Вамбы по

разным вопросам. Заключительный 13-й канон того же собора содержал настоящий панегирик «блистательнейшему (*serenissimo*) и возлюбленнейшему господину нашему правителю Эрвигию», прославляемому за милосердие и справедливость. Наконец, изданный Эрвигием «Закон в подтверждение собора» делал его постановления обязательными для всех судов королевства. Как видим, новый король, который (если верить поздней хронике) совершил акт прямой узурпации, тем не менее сумел узаконить этот акт, опять же заручившись поддержкой церковной верхушки.

Последний пример особенно наглядно демонстрирует формы участия испанского епископата в политической жизни. Ни о какой теократии не было и речи: Толедским королевством управлял король, а не епископы. Однако авторитет последних, в первую очередь, совокупный, выраженный поместным собором, выступал в роли реального, а подчас — и весьма эффективного политического средства. Этот же авторитет являлся и средством придания королевской власти нового качества, усиливавшего уже авторитет правителя — как производное от авторитета Церкви. И в соборных постановлениях, и в ориентированном на него в доктринальном плане королевском законодательстве король выступал как «творец законов» и защитник «народа и родины», т. е., по существу, как воплощение римских гражданских идеалов. Фактически правитель оказывался прямым преемником традиции римских магистратов, избираемым на свой пост и обязанным заботиться о «пользе народа»

и подчиняться закону. Таким образом, правитель вестготской Испании оказывался первым — по своему достоинству — среди равных: «короля создает право, а не личность», подчеркивалось, например, в постановлениях VIII Толедского собора.

И каноническое, и королевское право именуют правителя «светлейшим», «священнейшим правителем», «кафолическим королем», «благочестивым правителем», «светлейшим», «славным Флавием» и некоторыми другими эпитетами, почерпнутыми из титулатуры римских императоров. Нарративные источники атрибутируют правителю символы власти, имевшие важное идеологическое значение: трон, золотой венец — по образцу диадемы позднеримских и византийских императоров, пурпурный плащ, меч, а также золотой крест, вероятно, того типа, который известен по знаменитому Гуаррасарскому кладу (см. о нем ниже), и кольцо (последний символ, вероятнее всего, также имеет церковное происхождение).

Обращает на себя внимание и пышность придворного ритуала: особые помещения для королевских приемов (преторий или дворец), оформление по римскому образцу торжественного вступления в «королевский город» правителя-триумфатора и др. Не случайно преступления против короля автоматически рассматриваются церковным и светским законодателем как направленные против «народа и отечества». Дела короля должны были рассматриваться судами в первую очередь. Наконец, как и римские императоры, вестготские короли были законодательно

защищены наказаниями за «оскорбление величества»: V Толедский собор (636 г.), созванный при короле Хинтиле, ввел церковную санкцию (отлучение от Церкви) за «злословие» в адрес правителя, а в правление Рецесвинта его положения были дополнены специальным светским законом на ту же тему.

Параллельно изменению статуса короля, трансформировавшегося согласно позднеримской (римско-византийской) модели в ее интерпретации образованной частью испанского и галльского епископата, постепенно менялся и статус королевской семьи. Прежде всего, это касалось положения королевы, которую соборное законодательство наделило значимыми атрибутами статуса *persona publica*, в противовес той неопределенности, которая была характерна для статуса супруги императора в римском публичном праве. Не оставался неизменным и статус сыновей короля, неприкосновенность личности и имущества которых также регламентировалась соборными постановлениями. Новации такого рода не были случайными: их основу составляли крепнувшие, явно средневековые (не античные) по характеру представления о происхождении власти короля непосредственно от Бога, минующие опосредующую роль гражданского коллектива, «народа» (*populus*). Очевидно, что ни супруга, ни потомство правителя как *personae publicae* не имели отношения к *populus*; их статус не мог провозглашаться ни в собраниях граждан, ни в ходе иных приравненных к ним по значению мероприятий публичного характера.

Лишь власть, полученная прямо от Бога, могла передаваться детям, рожденным в законном, с римско-правовой точки зрения, браке законной же супругой.

В качестве отдельного, и весьма важного, фактора политических процессов, связанных с королевской властью, выступала и так называемая «готская» (или «мосарабская», а на деле — римско-испанская) традиция богослужения. Именно последняя де-факто являлась ключевым средством утверждения в общественном сознании значимых форм новой политической культуры и нового политического поведения. В первую очередь, речь идет об образе «доброго» (т. е. легитимного) правителя, речь о котором шла выше. Свидетельством тому является содержание древнейшей части испано-готских богослужебных книг, отраженное в «Мосарабском антифонарии» (включающем специальное богослужение, посвященное дню рождения короля), в литургических гимнах, а также в вестготском «Служебнике», в состав которого вошла специальная месса, служившаяся во здравие правителя, и особые богослужения для торжественных проводов королевского войска в поход и его встречи после возвращения с войны.

Образ короля (*rex*), который верующие воспринимали во время церковной службы, в вестготской литургической литературе в первую очередь представлен благочестивыми царями-священнослужителями древнего Израиля: Давидом, Соломоном и Мельхиседеком. В текстах, предназначенных для декламации и пения, все они фигурируют

в царском (королевском) облачении, с золотыми венцами (диадемами), украшенными драгоценными камнями, на головах; эти венцы был призваны символизировать особую связь их обладателей с Господом. Ветхозаветные цари (верующие не видели терминологической разницы между их властью и властью собственных королей, поскольку и те и другие обозначались одним и тем же латинским словом *reges*) вступали во власть посредством особого ритуала (*ordinatio*), центральным элементом которого выступает помазание на царство (*unctio*). В массовом сознании этот образ рано или поздно должен был экстраполироваться и на других *reges*, а именно — на вестготских королей Толедо.

И хотя в реальной политической практике Толедского королевства полноценный ритуал коронации еще не сложился, тем не менее под влиянием ветхозаветных образцов в массовом сознании постепенно утверждалась уверенность в его необходимости. Об этом свидетельствует тот факт, что отдельные элементы, связанные с упоминаемой в литургической литературе *ordinatio*, постепенно интегрировались в политическую практику. Среди них — использование золотого венца как атрибута королевской власти, а также практика поднесения таких венцов базиликам, пользовавшимся особым покровительством конкретного монарха или королей в целом. Некоторые из таких венцов дошли до нас в составе знаменитого Гуаррасарского клада (см. о нем ниже). Современные исследователи уверенно связывают саму традицию поднесения

такого рода даров христианским храмам с отношениями между земными правителями и небесным Царем царей (*Rex regum*); при этом ряд современных исследователей уверенно указывают на византийские прототипы этой вестготской религиозной и политической практики и подчеркивают ее роль как средства легитимации королевской власти.

С учетом сказанного, следует вернуться к разговору о формах использования ритуала церковного помазания. Успев ко второй половине VII в. утвердить в сознании верующих представление о том, что легитимный правитель — это правитель помазанный (*unctus*), Церковь еще не сделала помазание на царство неотъемлемой частью ритуала интронизации (который, к тому же, также еще не сложился). Соответственно, к помазанию прибегали лишь спорадически — только тогда, когда иных способов для узаконения власти (узурпации?) не оставалось. Именно этот случай описан, в частности, Юлианом Толедским в его «Истории короля Вамбы», где оба претендента на престол — и Вамба, и Павел, сошедшиеся в гражданской войне 672–673 гг., — строго говоря, не являлись законными правителями. Один был провозглашен войском в вилле Гертикос, недалеко от Саламанки, другой — в Барселоне, и ни один не был избран согласно нормам соборных постановлений. Вероятно, именно поэтому сначала Вамба, а затем и Павел решились совершить помазание. Преимущество осталось за Вамбой, так как он сделал это в Толедо, причем именно в королевской базилике свв. Петра и Павла при претории.

Одновременно Церковь прямо способствовала становлению нового восприятия такой важной для легитимации королевской власти сферы, как военная. В связи с этим следует упомянуть, в частности, обычай освещения знамен, их хранения в упоминавшейся базилике свв. Петра и Павла при официальной королевской резиденции (претории) в Толедо и торжественное вручение правителю-полководцу перед походом главного знамени-креста с встроенной в него частицей Креста животворящего, молитвы за короля-победителя, короля-триумфатора, короля-миротворца. В совокупности все это должно было способствовать возвышению короля над непокорной военной знатью и росту его авторитета в среде аристократии; изначальная функция короля как полководца приобретала как бы иное качество. Выступающий как орудие в руке Господней, король-полководец осуществлял деятельность, наделенную высшим смыслом. Именно поэтому измена королю приравнивалась к измене Богу, забвению истинной веры.

Согласно нормам «вестготской политической теологии» власть королей происходила непосредственно от власти Иисуса Христа как Царя царей и даже «Императора королей» точно так же, как из рук позднеримских императоров и префектов претория некогда получали узаконивавшие их статус договоры (*foedera*) варварские *reges* — военачальники на римской службе, предки правителей Толедского королевства. В этих отношениях между земным и Небесным владыками уже не было места античному гражданскому обществу; отныне

«народ» больше не являлся источником власти даже на уровне идеалов. Так, по меньшей мере в области политических представлений о сущности королевской власти, в Испании и юго-западной Галлии закончилась Античность. В свои права вступало Средневековье.

Система центрального управления. После принятия кафолического христианства начинается новый этап в истории испано-готской государственности, значение которого невозможно переоценить даже с учетом результатов реформ Леовигильда. Как и в Восточной империи, центральным органом власти являлся королевский дворец (*palatium*). К VII в. окончательно сформировалась особая категория должностных лиц — так называемые «приматы» (*primates*) (или «старшины» (*seniores*)) дворца, верхушка королевской администрации, составлявшая непосредственное окружение монарха.

Дворец представлял собой сложноорганизованное учреждение, включавшее специализированные ведомства, возглавлявшиеся должностными лицами в ранге комитов. В числе этих ведомств следует выделить личную казну короля (*thesaurus*), которой ведал комит личной казны, и государственную казну (*fiscus*), возглавлявшуюся комитом патримония (*comes patrimonii*), королевскую канцелярию под началом комита нотариев, а также личную королевскую гвардию — спатариев, во главе которой стоял комит спатариев. Кроме того, ряд ведомств предназначался для обслуживания личных потребностей монарха, они возглавлялись

комитом постельничих, комитом виночерпиев и комитом конюших. Наконец, в число дворцовых комитов входил комит города Толедо — номинальной столицы государства. По мнению К. Санчеса-Альборноса, в совокупности эти комиты составляли особый королевский совет (*Aula regia*), объединявший лично близких королю людей из числа должностных лиц.

Важнейшим ведомством являлось фискальное. Устройство фиска в Вестготском королевстве в значительной мере повторяло римское. Римские же принципы сохранила и сама система налогообложения. Государственная казна включала в себя три основных элемента:

- личные движимые королевские имущества (*thesaurus*), основа которых сложилась за счет военной добычи и которыми распоряжалось ведомство личной казны. Даже к началу VIII в. тезаурус включал большое количество золота, серебра, драгоценных камней и изделий из них, хранившихся в королевской резиденции в Толедо, впоследствии захваченной мусульманами (из арабских источников мы знаем, насколько завоеватели были поражены богатством завоеванных). Сохранность тезауруса охранялась особыми законами;
- недвижимые имущества короны (*patrimonium*), служившие источником рентных платежей, которые поступали в распоряжение комита патримония. По оценке, приводимой Х. Орландисом, число земельных участков, находившихся в распоряжении патримония, к началу VIII в.,

даже несмотря на активные раздачи предыдущих лет, составляло около 3000;

- собственно фиск (*fiscus*) — общественную казну, пополнявшуюся за счет налоговых платежей, конфискаций и т. п. Он также относился к ведомству комита патримония. В числе налогов выделялись прямые (ценз), взимавшиеся на основе римской подушно-поземельной системы (*iugatio-capitatio*). Соответствующая информация заносилась в особые налоговые регистры — полиптики, где содержались сведения обо всех полноправных гражданах (включение в их число автоматически влекло за собой внесение в полиптик). Аналогичным образом передача недвижимого имущества автоматически влекла за собой и передачу фискальных обязанностей. Помимо прямых налогов, в фиск поступали и косвенные, взимавшиеся с наследства, таможенные сборы, особые торговые пошлины, взимавшиеся с иностранных купцов, налоги со сделок купли-продажи, дорожные сборы, специальный налог с иудейских общин и т. п. Сохранилась и римская аннона, шедшая теперь исключительно на удовлетворение нужд войска; для ее сбора существовали особые должностные лица — аннонарии, подчиненные комитам городов. Для сбора же остальных налогов сформировался аппарат, включавший должностных лиц различного уровня, в совокупности именуемых *vires fisci* (дословно — «силы фиска»). В их числе были как зависимые, так и свободные люди. К числу первых относились

так называемые «рабы фиска» (*servi fisci*). Вторые были представлены различными категориями, прежде всего агентами фиска (*agentes fisci*), а также нумерариями (*numerarii*), действовавшими на местном уровне. Для удобства сбора налогов вся страна была разделена на фискальные округа, довольно обширные по территории, насколько это известно. В частности, так называемый «барселонский фиск» во времена Реккареда Католика включал в свои границы территорию областей Таррагоны, Эгары, Ампуриаса, Жироны и собственно Барселоны. После принятия кафолического христианства к делу раскладки и сбора платежей был активно привлечен местный епископат. Уже III Толедский собор (589 г.) постановил, что на провинциальных соборах размер налоговых поступлений будет согласовываться между должностными лицами фиска, с одной стороны, и епископами — с другой. Кроме того, готская аристократия обладала значительными налоговыми льготами, вплоть до иммунитетов. Судя по косвенным данным, такие же привилегии получила и часть испано-римской знати. Определенными налоговыми льготами обладал и клир. Наконец, фискальная система Вестготской Испании знала такое явление, как налоговая амнистия.

Блеск и великолепие двора вестготских королей поражали современников. Однако могущество правителей Вестготской Испании отнюдь не было безграничным. Наоборот, недостаточно сильная для того, чтобы опереться на поддержку

свободных людей, слабеющая королевская власть, стремясь компенсировать и без того почти безграничное влияние военной знати, искала социальную опору в лице собственной фамилии: показательно, например, что штат дворца составляли по преимуществу представители разных категорий зависимых людей, в том числе — королевские рабы. Тем не менее постепенно она становилась заложницей собственных приближенных, свидетельством чему стали, в частности, события, связанные со свержением короля Вамбы.

Изначально несвободные, «приматы дворца» постепенно превращались в могущественных людей, сопоставимых по своему богатству и положению с родовой знатью. Несмотря на характер своих функций, изначально не связанных с военной сферой, с течением времени придворные обзавелись собственными военными отрядами. «Приматы дворца» неуклонно расширяли свои привилегии, апогеем которых стал уже упоминавшийся *habeas corpus* Эрвигия. Специфический синтез формальной личной зависимости и широкого круга привилегий, недоступных простым свободным, придавал статусу придворных все более выраженные протофеодальные черты.

Церковь в Толедском королевстве вестготов. Толедские соборы. Как уже говорилось выше, с принятием кафолического христианства в качестве единственного официально разрешенного вероисповедания, коренным образом изменилась роль Церкви не только в обществе, но и в системе власти.

Костяк церковной организации по-прежнему составлял епископат. Порядок рукоположения в епископский сан устанавливался канонами толедских соборов и складывался постепенно. Общие принципы избрания епископа были утверждены еще постановлениями I Вселенского собора в Нике 325 г. (кан. 4), на которые прямо ссылались участники I Толедского собора (ок. 400 г.). В качестве важнейшего требования выступало участие в избрании всех епископов из той же провинции и выражение каждым из них прямого согласия с предложенной кандидатурой (отсутствующие должны были высказать свое мнение в письменной форме). Далее три епископа той же провинции должны были принять непосредственное участие в обряде. Если же рукоположение по каким-то причинам происходило вне митрополичьей кафедры, то вновь назначенный епископ должен был в двухмесячный срок посетить митрополита (т. е. епископа главного города провинции) и получить его санкцию. Хотя в дальнейшем этот порядок и претерпел изменения в отдельных испанских провинциях, как это видно, например, из постановлений II Барселонского собора (599 г.), но к нему вновь вернулись в 633 г. на IV Толедском соборе (кан. 19). Позднее, на Меридском провинциальном соборе (666 г.), было установлено, что перед посвящением епископу следовало дать торжественное обещание вести жизнь целомудренную, воздержанную и умеренную. Вмешательство королей в выборы епископов, имевшее место во всех романо-варварских королевствах,

засвидетельствовано и в Испании. Впервые его правомерность провозглашена постановлениями II Барселонского собора в конце VI в. В конечном итоге такое вмешательство стало пусть и не повсеместной, но довольно ординарной процедурой. При этом оно не исключало истребования согласия метрополита и епископов соответствующей провинции (которое, впрочем, превращалось в чистую формальность).

Тем не менее, даже вмешиваясь в выборы конкретных епископов, короли были вынуждены считаться с позицией всего епископата, прибегать к его поддержке и авторитету. В этих условиях достаточно рано наметилась четкая тенденция к слиянию светской и церковной администрации. На местах проявлением этого процесса стало наделение епископов судебными полномочиями, а со времен Эрвигия епископские суды стали главной апелляционной инстанцией. Прелаты стали привлекаться к процессу взимания налогов. Вамба пытался даже распространить на епископов военную повинность.

На фоне прогрессировавшего кризиса светской администрации Церковь оставалась единственным дееспособным учреждением, способным заполнить лакуну в системе управления. Тем более что с течением времени Церковь сосредотачивала в своих руках все более значительные материальные ресурсы, что также усиливало ее влияние. Помимо традиционной «десятины», а также доходов от возрастающих земельных владений и иной недвижимости, Церковь получала значительные

материальные средства в виде дарений, которые приняли систематический характер. При этом главными дарителями являлись сами короли, которые, помимо прочего, в знак преклонения светской власти перед духовной имели обыкновение подносить в дар главным базиликам королевства золотые венцы.

Еще одним новым явлением церковной жизни стало неуклонное возрастание значения кафедры Толедо («королевского города»). Оттеснив на второй план митрополитов Севильи, которые обладали неформальным лидерством в испанской Церкви почти до середины VII в., толедские митрополиты постепенно превратились в фактических примасов Испании (хотя сам этот термин, разумеется, еще не употреблялся). С 681 г. (XII Толедский собор) они получили право рукополагать епископов вакантных кафедр даже за пределами своей провинции. От имени всего испанского епископата толедские митрополиты вели дела с Римом, вступая с ним в дискуссии и даже конфликты. Они же председательствовали на поместных церковных соборах, местом проведения которых естественным образом стал тот же Толедо.

Толедские соборы превратились в основной инструмент влияния епископата на политическую жизнь королевства. В то время как другие романо-варварские королевства не знали иных соборов, кроме провинциальных (созыв вселенских соборов оставался в VII в. прерогативой восточноримских императоров), поместные соборы в Толедо собирали представителей церковных общин

всей Испании, а иногда — и Септимании. Первым таким собором стал III Толедский (589 г.). Далее, за период с конца VI до начала VIII в., произошло 11 поместных соборов, последним из которых стал XVII Толедский (694 г.). Наиболее часто они созывались между 633 и 656 гг. (6 соборов) и в 681–694 гг. (5 соборов). Порядок их проведения был установлен специальным каноном IV Толедского собора (633 г.), происходившего под председательством Исидора Севильского.

Собор начинался через час после восхода солнца. Местом заседаний являлась базилика. Чаще всего в этой роли фигурирует базилика свв. Петра и Павла при толедском претории, хотя упоминаются и другие церкви. В положенный час первыми входили и рассаживались епископы, за ними — пресвитеры, садившиеся вокруг прелатов. Затем входили дьяконы, которым сидячие места не полагались. Далее наступала очередь мирян — короля и светских магнатов, если характер обсуждаемых вопросов требовал их присутствия, причем в первые три дня работы собора светские лица не имели доступа в собрание, поскольку они посвящались чисто церковным делам. Последними в помещение вступали писцы, в задачу которых входили запись принимаемых постановлений и их последующее оформление в виде собрания канонов.

Заседание начиналось общей молитвой, которую следовало совершить на коленях по призыву старшего по положению из присутствующих дьяконов — архидьякона. Затем облаченный в белые

одежды дьякон должен был читать проект постановлений. После окончания чтения по старшинству выдвигались коррективы и дополнения, которые подлежали обсуждению и последующей фиксации (в случае одобрения). Если король предлагал собору свое послание, оно зачитывалось в первую очередь. В последний день работы мог быть обнародован королевский «закон в подтверждение соборных постановлений», если правитель считал нужным издать его (первым, в 589 г., это сделал Реккаред I).

Из обсуждавшихся в соборе вопросов, касавшихся не только Церкви, но и мирян, на первое место следует поставить разработку ключевых положений государственной идеологии, осуществлявшейся начиная с IV Толедского собора (633 г.). Кроме того, соборно обсуждались и проблемы, касавшиеся положения знати, соблюдения норм личной верности и т. п. Наконец, перед официальным обнародованием кодификации королевских законов, разработанных по указанию короля Рецесвинта, ее текст был одобрен VIII Толедским собором (653 г.).

Деятельность толедских соборов, венчавшая сложную систему взаимоотношений короля и епископата, придавала вестготской государственности определенный теократический оттенок, во многом предвосхищающий отношения государства и «имперской Церкви» в каролингское время.

В целом же Церковь, за исключением северо-западных областей (бывшее Свевское королевство), сохраняла римские принципы церковной

организации с ее доминирующей ролью города и городской общины. 5 церковных провинций-митрополий и большинство из 78 церковных общин-диоцезов опирались главным образом на города. Даже в наиболее романизованных и христианизированных районах юга полуострова за пределами городской черты Церковь чувствовала себя неуверенно, остатки языческих культов были распространены там почти повсеместно, по меньшей мере на уровне традиций и суеверий.

Правда, новые, уже средневековые, черты, пусть и недостаточно явно, проявлялись и за пределами северо-западной Испании. В сельской местности уже в середине VI в. стала возникать сеть частных церквей, лишь частично подчинявшихся юрисдикции местных епископов. Как правило, такие церкви основывались магнатами в своих владениях; они же назначали и клириков (пресвитеров, дьяконов и чтецов), епископ мог лишь утверждать их кандидатуры. В пользу землевладельцев поступали и церковные доходы, собираемые в их владениях. Вместе с тем распространение частных церквей несомненно способствовало активизации миссионерской деятельности в сельской местности. Тем не менее к началу VIII в. язычество или его пережитки оставались достаточно распространенным явлением.

Монашество. Еще одной новой тенденцией стало возрастание роли монашества — церковного института, не связанного с городом. На VIII Толедском соборе впервые присутствовали аббаты ряда крупных монастырей, и с тех пор их участие

стало постоянным. К этому времени «королевский город» был уже буквально окружен монастырями (самым известным из них был Агали; сохранились сведения еще о шести обителях: св. Феликса-в-предместье, св. Креста, св. Евлалии, св. Леокадии, св. Михаила, свв. Косьмы и Дамиана), а немалая часть епископата являлась выходцами из числа монахов.

В Испании, как и в остальной части европейского Запада, в VII в. единые нормы и принципы монашеской жизни еще не сложились. На развитие испанского монашества оказали влияние самые разные течения — западно- и восточно-римские, кельтские и др. Поэтому организация монашеских общин была достаточно разнообразной и подчинялась различным церковным уставам. Тем не менее практически повсеместно наметился переход от индивидуальной аскезы к коллективным формам монашеской жизни. Этот переходный характер проявляется, в частности, в сочинении Леандра Севильского «Книга о соблюдении девства и о презрении к миру» (ок. 600 г.). Не являющийся монашеским уставом в собственном смысле слова, этот трактат, адресованный сестре епископа Флорентине, состоит из двух частей. Первая содержит восхваление девства и пребывания в числе «невест Христовых» как Богоугодного состояния. Вторая, включающая 21 главу, дает конкретные указания относительно организации жизни в общине, которую Флорентина возглавляла на момент создания текста. Таким образом, Леандр развивает идеи Амвросия Медиоланского и Аврелия Августина,

предлагая к тому же пути их воплощения в реальной жизни.

Гораздо в большей степени потребностям монашества соответствовал «Монашеский устав», написанный знаменитым братом Леандра Исидором Севильским. Этот текст не является полностью оригинальным: его 24 главы вобрали в себя влияние самых разных монашеских правил (Бенедикта Нурсийского, Кассиана Римлянина и др.), что прямо оговаривается автором. Своей целью Исидор ставил главным образом приспособление уже существующих принципов к реалиям современной ему Испании.

Монастырь, черты которого воспроизводит содержание устава, располагается в сельской местности. Его топография очень напоминает богатую сельскую виллу времен Исидора. Обитель окружена станами, двое ворот которых выходят соответственно к дороге и к полям. Большую часть дня эти ворота предписывалось держать закрытыми. На территории расположены церковь с хорами, ризница (кладовая для хранения богослужебных книг и церковной утвари), здание для общих собраний братии, дормиторий (спальное помещение), трапезная с расположенной рядом с ней кухней и библиотека. Кроме того, на территории обители существовала школа: специальное здание для нее не упоминается, но устав предписывает обучение детей грамоте. Рядом находились помещение для больных, сад и огород (как это было принято у римлян — в одной ограде), склад хозяйственного инвентаря, хлев, кладбище. Здесь же находился

карцер для наказания не только провинившихся монахов, но и клириков, и даже мирян.

За стенами располагались поля и пастбища. На них трудились прежде всего сами монахи, обязанные обеспечивать себя плодами собственных трудов. Они не только обрабатывали землю, но и пекли хлеб, пряли шерсть, шили одежду, тачали обувь, осуществляли ремонтные работы в монастыре. Тем не менее самые тяжелые работы выполнялись все же не братией, а рабами, которых, правда, было немного, во всяком случае, никакого специального помещения для их размещения не предполагалось. Во главе монастыря стоял аббат, которого братии следовало избирать из числа благочестивых немолодых монахов. Его ближайшим помощником был препозит, ведавший главным образом административно-хозяйственными вопросами. Сакристий ведал ризницей. При необходимости избирались и другие должностные лица. Общее число монахов, судя по всему, не должно было превышать двух-трех десятков человек.

Однако наибольшее распространение имели уставы, оформившиеся уже в середине — второй половине VII в. Начало этой тенденции к определенной, хотя и не полной унификации положил устав Фруктуоза Браккарского, рассчитанный на монахов мужских монастырей. Фруктуоз (его светское имя нам неизвестно), после смерти причисленный к лику святых, был известным монахом, а основанным им монастырь Комплудо (вероятно, в Астурии) стал центром целой монашеской конгрегации. Преамбула рисует картину оживленной

монашеской жизни, пусть и далеко не все ее проявления оставляют однозначное впечатление. Наряду с обителями традиционного типа было немало частных монастырей, причем часть из них имела только внешность монашеской общины. На самом же деле жизнь в таких монастырях ничем не отличалась от жизни в богатой сельской вилле. Знатные семьи (порой — целые родственные кланы) безбедно проживали там в окружении слуг и рабов, предаваясь всем доступным жизненным радостям под маской внешнего благочестия.

В VIII в. на основе устава св. Фруктуоза сложился так называемый «Общий устав», являвшийся наиболее распространенным в северных и северо-западных районах полуострова вплоть до второй половины XI в. Устав положил начало традиции испанского «пактового» монашества. Его особенностью являлось оформление акта образования общин специальными соглашениями (пактами), заключавшимися между аббатом-основателем монастыря и братией. Договор фиксировал статус аббата как «отца» его монахов, а последних — как его «приемных детей» (таким образом, в основе отношений между сторонами лежала модель усыновления), вручавших в его распоряжение свои жизни и имущественные вклады.

Полученная таким образом формальная «отцовская» власть давала настоятелю право требовать от братии неуклонного исполнения норм устава, включая право наказывать провинившихся. Одним из наиболее распространенных наказаний являлось временное отлучение от причастия.

Кроме того, разрешалось заключать виновных в карцер (без обуви и поясного ремня, с правом вкушения только хлеба и воды), нанесение им ударов бичом и т. п. Самой же суровой санкцией являлось изгнание виновного из монастыря, причем вклад, сделанный при вступлении в обитель, не возвращался. Некоторые пакты вводят особое наказание за попытку вернуть вложенное при вступлении в обитель с использованием помощи вооруженных родственников и друзей.

Правда, братия имела право высказать аббату свое несогласие с его действиями. Однако сделать это надо было с изъявлением максимальной степени покорности — «смиренно», вплоть до «униженного» поцелуя ног аббата и препозита, и в присутствии арбитра. В роли такового должен был выступать «епископ, живущий по тому же уставу» (имеется в виду аббат-епископ: подобное совмещение постов существовало в то время и в Ирландии) или же «комит, защитник Церкви»; позднее стало достаточно присутствия аббата другого монастыря того же устава.

Организация такой обители, наряду с аббатом, предполагала избрание препозита, ведавшего прежде всего хозяйственными делами, а также деканов, возглавлявших «декании», отдаленные филиалы главной обители. Более широкие права имела также старшая по возрасту и времени пребывания в обители часть монахов. Монастыри, подчиненные главной обители, могли быть как мужскими, так и женскими (они возглавлялись не аббатами, а аббатисами). По существу «Общий

устав» предусматривал создание целой конгрегации монастырей, сходной с такими монашескими «республиками», как Клюни X–XI вв. Однако «Общий устав» возник на два столетия раньше. Не случайно его использовал для редакции устава Бенедикта Нурсийского один из наиболее выдающихся представителей из среды средневекового монашества — Бенедикт Аньянский, знаменитый подвижник и церковный деятель каролингского времени. Не случайным представляется и тот факт, что он был сыном выходцев из готской Испании, а его светское имя (Витица) имеет готское происхождение.

Таким образом, и в этой сфере учреждения, сложившиеся в Вестготской Испании, оказали самое непосредственное влияние на черты средневекового мира к северу от Пиренеев.

Право короля и право Церкви. Переходя к характеристике права вестготской эпохи, следует прежде всего подчеркнуть тот факт, что в отличие от позднеримской эпохи, элементы правовой системы которой в полной мере сохранялись в VI в., а частично — и до конца вестготского времени, чисто светских правовых норм в Испании не существовало. С одной стороны, нормы канонического права формировались при активном участии короля и знати; начиная же с VIII Толедского собора (653 г.) подписи светских магнатов стали в обязательном порядке скреплять соборные постановления наряду с подписями духовных лиц. С другой, с окончательным исчезновением светской юриспруденции не позднее начала VII в. королевские законы

составлялись исключительно духовными лицами и, как уже отмечалось выше, их содержание испытало прямое влияние идей «вестготской политической теологии». Поэтому применительно к рассматриваемому периоду целесообразно подразделять право не на светское и церковное, а на королевское (провозглашавшееся от лица правителя) и каноническое (напрямую исходившее от Церкви).

Последнее формировалось главным образом поместными и провинциальными соборами. Последние, как правило, начинались с вручения собравшимся особого королевского послания (*tomus regius*), которое санкционировало законность собрания и содержало перечень вопросов для обсуждения — своеобразный черновик будущих соборных постановлений, складывавшихся в процессе обсуждения и редакции королевского «наказа». По завершении же собора король, как правило, издавал особый «закон, подтверждающий соборные постановления» (*lex in confirmationem concilii*), придававший последним особый правовой статус. И хотя в реальности составление королевского послания никогда не происходило без активного участия представителей наиболее влиятельной части епископата, а придание канонам законной силы было скорее формальностью, тем не менее обе эти процедуры подчеркивали статус короля как высшего не только светского, но и церковного законодателя.

С развитием церковного законодательства возникла потребность в его кодификации, призванной облегчить применение его норм в повседневной

правовой практике как Церкви, так и мирян. Именно поэтому уже на рубеже VI–VII вв. стали возникать частные собрания соборных постановлений, а также других источников канонического права. В итоге появились «канонические коллекции», наиболее известной из которых стал «Испанский канонический свод» (*Hispana*), ранняя версия которой сложилась при участии Исидора Севильского. Она включила как постановления восточных (прежде всего — вселенских) и западных соборов, так и папские послания. Параллельно развитию соборного законодательства ее состав пополняли все новые нормы. Ранняя версия («Исидориана») стала основой для «Юлианы», составленной в конце VII в. при участии Юлиана Толедского, а та, в свою очередь, — для более поздней «Вульгаты».

Значимые изменения произошли и в области светского законодательства. В своей основе оно сохранило связь с римско-правовой традицией, свидетельством чему является, в частности, содержание так называемых «Вестготских формул» — сборника образцов для составления частноправовых актов. Он сложился в Кордове или каком-то другом городе Южной Испании между 615 и 620 гг. и включает формулы 46 видов документов, по своему типу явно восходящие к позднеримским образцам.

Но наиболее выдающимся памятником вестготской правовой традиции является кодификация королевских законов, осуществленная в правление Рецесвинта и заменившая устаревший кодекс Леовигильда. В рукописях собрание чаще всего

именуется «Книгой приговоров» (*Liber Iudiciorum*) или «Книгой судей» (*Liber Iudicum*), но в науке оно более известно как «Вестготская правда». Принято считать, что начало кодификации в середине VII в. положил любимый ученик Исидора Севильского Браулион Сарагосский. Кодификация вступила в действие после одобрения VIII Толедским собором (654 г.). Автор наиболее полного из существующих издания памятника, немецкий ученый К. Цеймер, выделил две основные редакции — раннюю (так называемую «редакцию Рецесвинта», середина VII в.) и основную (так называемую «редакцию Эрвигия», 680-е гг.), впоследствии дополненную преемниками Эрвигия (680–687) — Эгикой (687–702) и, возможно, Витицей (соправителем Эгики с 698 г.), а также дополнительную позднюю — так называемую «Вульгата» (VIII в.). В современной литературе обоснованность такого деления оспаривается, однако целостной классификации редакций взамен цеймеровской пока не предложено.

Текст памятника по содержательному принципу сведен в 12 больших частей («книг»), подразделяющихся на главы («титулы»), объединяющие отдельные королевские законы, самые ранние из которых относятся к эпохе короля Эйриха (470-е гг.). В процессе редактирования число глав увеличилось с 53 до 55, а законов — с 526 до 593. Первая книга посвящена регламентации законодательной деятельности, вторая — судебной системе и процессуальным нормам, третья и четвертая — семейному и наследственному праву,

пятая — дарениям и сделкам купли-продажи, шестая, седьмая и восьмая — уголовному праву, девятая содержит нормы, касающиеся беглых рабов, дезертиров, а также права убежища, десятая регламентирует поземельные отношения, главным образом — вопросы межевания, а одиннадцатая и двенадцатая касаются сфер, не отраженных остальными десятью: правовых аспектов взаимоотношений врачей и больных, статус захоронений, норм торгового права, антииудейского законодательства и др.

Военная организация. После 589 г. испаноримляне, и ранее присутствовавшие в системе военной организации Вестготского королевства, были окончательно уравнены в этом отношении с готами. Однако эта мера лишь отсрочила, но не ликвидировала кризиса военной организации. Судя по данным законодательства, уклонение от военной службы, дезертирство и коррупция оставались острой проблемой, социальная база армии неуклонно сокращалась; для старой и новой военной знати («готов») стимулы для участия в защите «короля, народа и родины» становились все менее действенными; для простых же воинов служба и вовсе превращалась в тяжкую обузу.

В этих условиях в 673 г. король Вамба (672–680) предпринял масштабную военную реформу. Два изданных им военных закона (жесткость положений которых в 681 г. была несколько скорректирована Эрвигием) предусматривали полную и окончательную перестройку военной системы на принципах личной зависимости. Судя

по содержанию этих законов, вестготское войско второй половины VII — начала VIII в. — это конгломерат частных военных отрядов, которые по призыву короля должны были приводить в места сбора могущественные люди королевства всех категорий — дуксы, комиты, викарии, гардинги, тиуфады, королевские «верные», королевские рабы и др. Они несли личную ответственность как за своевременную явку, так и за численность и вооружение приведенных ими сил. Каждый должен был вооружить и снарядить на свои средства согласно установленной номенклатуре (щиты, мечи и боевые ножи, луки и стрелы, копья, пращи, а частью — даже дорогостоящие кольчуги или сабы) десятую часть собственных рабов (*servi*). Аналогичные по характеру военные обязанности распространялись и на епископов, которые к тому же должны были из своих средств оказывать помощь населению разоренных войной районов. При этом выполнение означенных обязанностей магнатами рассматривалось как действие во исполнение принесенной клятвы личной верности королю. Соответственно, уклонение от военных обязанностей квалифицировалось как проявление «неверности» и жестоко наказывалось.

В литературе последствия военной реформы Вамбы–Эрвигия расцениваются по-разному. Однако в конечном итоге новый порядок комплектования войска усиливал зависимость короля от магнатов, частные отряды которых окончательно приобрели официальный статус. Следует заметить, что в своих основных чертах реформа

соответствовала тенденциям, проявившимся в тот период и севернее Пиренеев (прежде всего — в королевствах Меровингов), где основой военной организации также постепенно становились принципы личной зависимости и личной верности.

Местное управление. В конце VI — начале VIII в. система территориального деления Толедского королевства внешне оставалась прежней, однако внутренние принципы ее функционирования существенно изменились. Последнее было обусловлено прежде всего кризисом античного города. Юрисдикция муниципальных учреждений все более ограничивалась линией городских стен, тогда как сельская округа выходила из-под их контроля. Крупные землевладельцы хоры постепенно утратили прежние связи с городом и последовательно противопоставляли себя ему.

К причинам этого явления следует отнести, во-первых, прогрессирующую слабость королевской власти и обусловленные ею уступки магнатам.

Во-вторых, по той же причине на местах неуклонно возрастала власть королевских представителей — комитов городов. В последний период истории Толедского королевства они обрели четкие и постоянные властные полномочия (как судебные, так и административные), которые концентрировались главным образом в пределах бывшей сельской округи, тогда как город превратился в сферу влияния епископов и клира, на чью генетическую связь с сословием позднеримских куриалов уже указывалось выше. Уже к концу VI в. епископат превратился в ключевой элемент

городского самоуправления: избрание последних упоминаемых в законах муниципальных магистратов — дефенсоров и нумерариев — должно было осуществляться исключительно «епископом и народом». Таким образом, епископы (вместе с клиром) фактически абсорбировали функции позднеримских муниципальных курий. И этот процесс имел продолжение: в законах VII в. магистраты не упоминаются вообще, а куриалы — лишь однажды (исключение, подтверждающее правило, поскольку к этому времени все функции первых и вторых окончательно отошли к епископам).

В-третьих, немалое значение имели последствия усобиц, которые постепенно подтачивали экономические основы существования простых горожан — гражданского коллектива, социальной основы муниципального строя.

В-четвертых, епископы, сами являвшиеся крупными землевладельцами и получавшие все более значимые судебные и административные права от короны, постепенно сближались со светскими магнатами, параллельно дистанцируясь от основной массы городского населения.

Должностными лицами, представлявшими власть короля на местах (пусть даже чисто формально), оставались прежде всего дуксы, комиты городов и окружные судьи. Дуксы — представители готской или римской знати — фактически превратили свой статус в наследственный. В пределах своих провинций они обладали высшей военной и административной властью, в том числе фискальной и судебной. Не случайно приблизительно

с середины VII в. сам титул дукса стал восприниматься как синоним могущества. Дуксами стремились именоваться даже должностные лица дворца, функции которых изначально не были связаны ни с военной, ни с административной сферой; в их числе — комит виночерпиев, комит королевской опочивальни, комит королевских имуществ, комит спатариев.

В этих условиях правители Толедского королевства постепенно утрачивали способность влиять на положение дел на местах. Дуксы в полной мере воспользовались возникающим вакуумом власти, дерзая узурпировать власть самого короля, как это видно на примере дукса Павла, в 672–673 гг. поднявшего мятеж против короля Вамбы. Особенно уверенно чувствовали себя дуксы отдаленных от центра провинций — Септимании, Кантабрии, некоторых районов Лузитании и др.

Близкая ситуация прослеживается в случае комитов городов. Из императорских (а затем — королевских) «спутников», изначально призванных лишь представлять власть монарха при муниципальных куриях, они постепенно превратились в могущественных магнатов. Именно комиты назначали судей первой инстанции — так называемых «окружных судей». Административные функции в пределах пригородной территории исполняли поставленные теми же комитами викарии, а также сайоны, писцы-нотарии и другие должностные лица. Чем дальше, тем в большей степени эти должности занимали рабы и клиенты комитов, лица, находившиеся в их

частной власти. Центральная власть неумолимо слабела, тогда как влияние комитов городов все более усиливалось и конкурировало с властью епископов и дуксов, чему крайне способствовала неустойчивая внутриполитическая ситуация, отмеченная почти перманентными мятежами знати и волнениями бедняков и рабов.

Таким образом, на рубеже VII–VIII вв. унаследованная от времен Поздней античности система публичной власти почти утратила свою основу. На смену должностным лицам римского типа пришла частная власть могущественных магнатов, лишь название должностей которых напоминало о римских истоках их властных прерогатив. Остатки публичной власти, включая власть короля, держались только силой инерции, а также сохранением и воспроизводством тех стереотипов политического сознания, которые вырабатывались в системе государственной идеологии и активно пропагандировались Церковью. Будущее показало, что этих основ было явно недостаточно для сохранения Толедского королевства.

Глава 5
Культура Вестготской Испании

Общие тенденции развития испанской культуры в вестготскую эпоху. Культурный подъем периода Толедского королевства, пик которого пришелся на вторую половину VI — VII в., в научной литературе иногда называют «вестготским возрождением» (в частности, эту идею отстаивал выдающийся французский медиевист Ж. Фонтен). Однако применение этого определения представляется недостаточно удачным, поскольку культурные процессы этого времени не предполагали разрыва с традицией предшествующего периода, т. е. с позднеримской культурой, а являлись ее прямым и непосредственным продолжением и развивались на основе тех же или сходных социальных и политических процессов.

Показательно, что и сами деятели культуры последних полутора столетий истории Вестготской Испании (в отличие, например, от итальянских гуманистов XIV–XV вв.) воспринимали себя не как создателей новой культуры и нового мироощущения, а как хранителей и интерпретаторов римско-христианского наследия, которое представлялось им вершиной духовной жизни. В связи

с этим гораздо корректнее определять испанскую культуру эпохи наивысшего подъема (конца VI — VII в.) как завершающий этап культуры «последних римлян» (по терминологии В. И. Уколовой). То был последний период, когда культурное наследие античности еще сохраняло свою жизненную силу; в дальнейшем оно утратило живую связь с создавшим ее обществом, хотя и осталось (как, впрочем, и остается) значимой частью европейской культуры.

В отличие от культурных форм, сложившихся в рамках других средневековых «возрождений» («каролингского», «оттоновского», «ренессанса XII века»), а также Итальянского Возрождения и европейского Ренессанса XV–XVI вв., испанская культура означенного периода была не началом нового подъема, а предвестьем глубокого упадка, что также противоречит самой сущности понятия «возрождение» в том его смысле, который вкладывается в него в современной культурологии.

При всем многообразии форм искусства и культурной жизни Толедского королевства эпохи подъема можно выделить и некоторые общие принципы, придающие культуре этого времени известную целостность.

- *Общие основы*, каковыми являлись: высокий уровень культурного развития испанских провинций, а также Септимании (бывшей Нарбоннской Галлии) еще в римскую эпоху, а также плодотворный культурный синтез, обусловленный активностью внешних контактов с различными регионами еще недавно единого римского

мира, прежде всего — с Римом, франкской Галлией, Остготской Италией, бывшей римской Африкой, а также (при всей неоднозначности их вектора) с Византией.

- *Значительность роли представителей светской власти, но особенно — церковной верхушки* в развитии культурных процессов; при этом и первая, и вторая воспринимали литературу, искусство, культуру в целом не только в чисто эстетическом аспекте, но и как важное средство политической и религиозной пропаганды (как правило, эти факторы не разделялись, а представляли собой единое «симфоническое» целое).
- *Единство главной тенденции развития*, а именно — процесса завершения «христианизации» культуры, начало которого было положено деятельностью Отцов Церкви IV–V вв. (и даже еще более раннего времени). В конечном итоге Церковь и христианское вероучение превратились в основную доминанту в системе высокой культуры, определяя ее содержание и направление эволюции. Показательно, что абсолютное большинство известных нам образованных людей этой эпохи являлись уже духовными лицами (монахами или клириками); образованный мирянин как социальный и культурный тип еще не исчез, но уже занимал маргинальное, второстепенное положение. Образование также стало почти исключительно церковным. Наконец, именно Церковь выступала в качестве главного инициатора наиболее значимых культурных проектов.

- *Принципиальная значимость античного культурного наследия* — языка, образной системы, стилистических и композиционных особенностей, эстетических представлений и, что еще более важно, ценностных ориентаций. Все эти факторы выступали в качестве основного средства интерпретации положений и образов христианского вероучения. Христианство в восприятии испанских писателей оставалось еще своеобразным «античным христианством». Античные формы не были пассивными; они активно влияли на христианское содержание, трансформируя его в духе принципов греко-римской культуры. Разумеется, это была иная античная культура, чем та, которая пережила расцвет в эпоху «золотого века» на рубеже и в первые века нашей эры. Но она сохраняла более важные, не внешние, а сущностные черты греко-римского мироощущения.
- *Ограниченность круга творцов высокой культуры*: при всей активности и плодотворности их деятельности, грандиозности оставленного ими духовного наследия их число было крайне немногочисленным. Показательны и их принадлежность к ограниченному кругу культурных центров (прежде всего — к севильской школе), и сходство их биографий (все они являлись духовными лицами, часто — прямыми учениками Исидора Севильского или же учениками его учеников). Характерен и факт родственных связей между многими из этих людей, позволяющий квалифицировать их как представителей весьма

ограниченного круга семей образованной аристократии (подробнее см. ниже).

- *Драматичность судеб культуры вестготской эпохи*: в конечном счете весь ее блеск был канун глубокого упадка, поскольку политические, социальные, институциональные основы процесса ее развития находились в состоянии кризиса. Показательно однако то, что кризисные явления в разных сферах жизни общества развивались далеко не с одинаковой интенсивностью: упадок институтов, в той или иной мере унаследованных от римского прошлого, не означал автоматического и одновременного кризиса форм высокой культуры. Более того, возникает ощущение, что подъем духовной жизни позволил даже затормозить развитие процессов, которые в конечном итоге обусловили падение Толедского королевства (или по меньшей мере смягчил проявления этих процессов).
- *Колоссальность вклада культуры Вестготского королевства в становление основ специфически-средневековой западноевропейской культуры* в том ее виде, в котором она предстает в эпоху Каролингов. Разумеется, сходные процессы имели место не только в Королевстве вестготов, однако именно здесь они достигли, пожалуй, наивысшей степени зрелости.

Школа и образование. Имеющиеся сведения о школе в испанских провинциях и Септимании ограничены даже применительно к римскому времени. О периоде же V — начала VIII в. информация еще более фрагментарна. К тому же следует

учитывать тот факт, что как античная, так и средневековая школы не являлись учреждениями образования в том смысле, в котором они сложились в Новое время. Школа была целиком и полностью связана с личностью преподавателя. В римское время в такой роли выступали учителя грамоты, обучавшие основам чтения, письма и счета, грамматики (преподававшие поэтические тексты) и риторы (объектом преподавания которых являлась проза). Именно учитель определял содержание и методы преподавания, хотя он, конечно, в какой-то мере ориентировался и на сложившиеся традиции. Штатных преподавателей, трудившихся при муниципиях или других властных учреждениях, в частности при императорском дворе, было немного. Большинство учителей являлись частными предпринимателями, которые вели занятия в тени портиков городского форума и взимали за это плату. Мы знаем, что помимо трехчастной структуры образования (*ludi magister-grammaticus-rhetor*) существовало и более специализированное обучение, по меньшей мере — праву и медицине; однако то, как оно сочеталось с триадой, известной главным образом по сочинениям жившего во II в. Марка Фабия Квинтиллиана, мы не знаем. Скорее всего, никакой единой системы не существовало и ученики договаривались с учителем о содержании преподавания точно так же, как они договаривались с ним о плате — с учетом его репутации и сферы профессиональных интересов. Неясно также, в какой момент из сферы преподавания стал уходить греческий язык; мы даже не знаем, повсеместным

ли было его преподавание в испанских провинциях Рима. Известно лишь, что в начале VII в. весьма поверхностными знаниями в этой области обладал даже Исидор Севильский, а ближе к концу столетия даже такой уровень знания греческого был уже крайне редко встречающимся исключением.

Так или иначе, но в каком-то виде светская школа римского типа сохранялась еще и в середине VII в.: в то время аббат Валерий из Бьерсо получил «языческое образование» где-то в западных районах полуострова. Известны имена еще нескольких образованных мирян (комиты Лаврентий и Булгар из Толедо, король Сисебут и нек. др.), однако мы почти ничего не знаем о том, где они учились. Но нам хорошо известно, что общий уровень грамотности среди населения еще оставался довольно высоким, о чем свидетельствует, в частности, сохранение в качестве повседневной практики составление частноправовых актов не только знатными, но и простыми людьми; сохранились десятки надписей на сланцевых табличках, часть из которых содержит школьные упражнения — от тренировки в написании римских цифр до (вероятно, написанных под диктовку) фрагментов псалмов.

Параллельно, начиная со второй трети VI в., стали складываться основы системы образования нового — средневекового — типа (напомним, что одним из первых примеров собственно средневековой школы считается знаменитый «Виварий» италийского писателя и церковного деятеля Кассиодора Сенатора). В вестготской Испании эта

новая система образования была представлена разными типами церковных школ — епископскими и монастырскими. Такие школы, по меньшей мере изначально, возникали в тех городах, которые и в римское время являлись крупными культурными центрами. Таким образом, резкого разрыва между системами античного и средневекового образования, по-видимому, не было.

Официальное решение о повсеместном создании епископских школ было впервые принято на II Толедском соборе (527 г.). Формально оно касалось лишь земель Картахенской провинции, но реально такие школы вскоре возникли там, где их ранее не существовало. В частности, мы знаем об их наличии Кордове и Севилье, т. е. городах, расположенных за пределами означенной провинции. Но расцвет церковного образования в Севилье начался позднее. Он связан с историей школы Леандра Севильского, старшего брата и наставника знаменитого Исидора Севильского, а также третьего брата, Фульгенция, и сестры Флорентины (ей адресовано единственное из его сохранившихся произведений — трактат «Книга о соблюдении девства и о презрении к миру»).

Уроженец Картахенской провинции, Леандр покинул ее после византийского завоевания области. Первоначальное образование получил в Испании, по-видимому, на своей малой родине, где, скорее всего, принял и монашеский сан. В 70-х годах VI в. он был избран епископом Севильи и в 579 г. активно поддержал мятеж Герменегильда, направленный против короля Леовигильда. Именно целью

заручиться поддержкой Византии объясняется его отъезд из Севильи в Константинополь в 580 г. После подавления восстания Леандр остался в Византии, поскольку в Испании его жизни угрожала опасность. Пребывание там превратилось для него в дополнительную возможность для расширения образования. Особенно важное значение имело его знакомство с Григорием, будущим папой Григорием I Великим (540–604, папа с 590 г.), в то время — посланником Рима при императорском дворе. Считается, что именно по совету Леандра Григорий, один из наиболее образованных людей своего времени, приступил к созданию серии проповедей на темы из библейской Книги Иова, в дальнейшем переросших в обширный труд — «Моралии», активно изучавшийся в Испании.

После смерти короля Леовигильда Леандр вернулся в Испанию. Оказанное им влияние на нового короля Реккареда сыграло огромную роль в подготовке и проведении религиозной реформы: именно Леандр председательствовал на III Толедском соборе (589 г.). После смерти брата его кафедру (а вместе с ней — и школу) принял Исидор. У него получили образование те, кто позднее составил цвет испанской культуры: Браулион Сарагосский, возможно, Ильдефонс Толедский и даже король Сисебут — один из немногих образованных мирян, известных нам поименно. Епископские школы существовали и в относительно небольших городах, таких как Паленсия (мы знаем, что там, в школе епископа Конанция, получил образование сын дукса из королевского рода, будущий епископ Фруктуоз Браккарский).

Со второй трети VII в. упрочением статуса как центра политической и церковной жизни Толедо постепенно превратился и в крупный центр образования. Помимо дворцовой и епископской школ, недалеко от Толедо возникла монастырская школа при обители Агали. В числе видных деятелей культуры, учившихся в Толедо, были епископы Евгений I, известный своими трудами по математике, а также не менее известный Юлиан Толедский — историк, эрудит, церковный деятель и законодатель. Наличие школ объясняет и существование в «царском граде» библиотек. В отличие от последующего периода они существовали еще не только при церковных учреждениях, но, как и в римское время, в домах состоятельных мирян. Так, применительно к середине VII в. констатируется наличие королевской библиотеки. Кроме того, упоминается библиотека некоего комита Лаврентия. (Правда, кроме самого факта существования этих собраний нам ничего о них не известно.)

Несколько больше мы знаем о библиотеках Сарагосы, также являвшейся крупным центром образования. Единственной библиотекой этого времени, число книг в которой поддается приблизительной оценке, является собрание сарагосских епископов. В епископство Браулиона Сарагосского их число достигло значительной для того времени цифры — около 450 кодексов. Ученик Браулиона и его преемник по кафедре Тайон Сарагосский специально ездил в Рим для копирования трудов Григория Великого. Самая же известная из сарагосских школ располагалась в монастыре

св. Энграсии, недалеко от города. Ее основателем стал местный епископ Мартин, а расцвет школы пришелся на вторую треть VII в. В то время сарагосскую кафедру последовательно занимали преемник Мартина, известный историк и церковный деятель Иоанн Бикларский, затем — его младший брат и преемник, ученик Исидора Севильского Браулион Сарагосский и, наконец, Тайон. Другим учеником Браулиона являлся выдающийся поэт Евгений, некоторое время бывший клириком сарагосской епархии, а затем ставший епископом Толедо под именем Евгения II.

Характерен уже тот факт, что большинство известных нам школ (включая епископские) располагались при монастырях. Так во второй половине VI — VII в. сложились школы при монастырях св. Мартина в Ассане (район Уэски, основатель — аббат Викториан), обители аббата Евтропия (ее точное местоположение неизвестно), Думио (Галисия, основатель — знаменитый Мартин Думийский), св. Евлалии в городе Мерида и Каулия — в его окрестностях. Наконец, крупную школу во второй половине VII в. создал в своем монастыре Бьерсо церковный писатель аббат Валерий из Бьерсо. Контингент обучающихся в этих школах составляли главным образом выходцы из семей испано-римской аристократии. Постепенно, по мере формирования единого слоя знати, в школах появились и готы. Первым «варваром», достигшим образованности в античном понимании, стал Иоанн Бикларский. В севильской школе учился будущий король Сисебут.

Содержание образования, по всей видимости, оставалось довольно пестрым и сочетало античные элементы с новациями, связанными с постижением «христианской доктрины». Особое внимание уделялось каллиграфии: ученики упражнялись в копировании текстов, готовясь к работе в городских и монастырских скрипториях. Вероятно, за исключением преподавателей медицины, учителя, будучи духовными лицами, не брали платы за свои уроки. Именно средневековая школа принесла с собой представление о преподавании, как бескорыстном служении науке (пусть и подчас понимаемой довольно своеобразно).

В кругу «школьных» текстов преобладали поэтические сочинения. В Средние века римскую поэзию представляли гораздо лучше, чем прозу: ритмованный текст, написанный на все менее глубоко понимаемом латинском языке, было легче заучить наизусть, параллельно воспринимая как слова, так и грамматические нормы. Интересен спектр античных авторов, отрывки из сочинений которых приводятся в виде примеров в учебнике грамматики, написанном Юлианом Толедским в последней трети VII в. (так называемом «Ars Juliani»). В их числе абсолютно доминируют римские поэты эпохи «золотого века» римской литературы: Катулл, Вергилий, Гораций, Цицерон, Ювенал, Овидий, Персий, трагик Пакувий, Энний, Т. Лукреций Кар, комедиант Плавт, Псевдо-Катон, М. Аней Лукан. Прозаики же цитируются не так уж часто: Варрон, Т. Ливий, Помпей Трог и Сервий, позднеантичный комментатор Вергилия.

«Грамматика» Юлиана позволяет зафиксировать развитие процесса формирования образованности нового типа, фундамент которой составляют сочинения христианских авторов разного времени. В их числе фигурируют произведения поэтов-христиан позднеантичного времени: Целия Седулия, Авзония, Пруденция, Драконция, а также учителя автора пособия Евгения II Толедского. Из христианских прозаических текстов цитируются Иероним, Августин и Исидор Севильский. В дальнейшем этот перечень расширялся. Мы знаем, что в школе изучались также монашеские уставы (Августина, Иоанна Кассиана и Исидора Севильского), сочинения Августина («О христианском учении», «Об обращении несведующих», «О граде Божьем»), Кассиодора («Учреждения божественные и человеческие»), Григория Великого («Моралия», «Пастырское правило»), а также литургические книги. Особо же тщательно изучались тексты Исидора (его «Этимологии», «Дифференции», «Сентенции», «О знаменитых мужах», учебник «Синонима» и др.). Естественно, усваивалось и Священное Писание. Наконец, следует отметить и тот факт, что при изучении музыки (воплощения идеальной гармонии) особое внимание уделялось хоровому пению псалмов и литургических гимнов, т. е. формирующейся церковной музыкальной традиции.

Однако значения всех этих «новаций» не стоит и преувеличивать: показательно, что хотя сам Юлиан был епископом, но библейские цитаты встречаются у него гораздо реже, чем, скажем, примеры из Вергилия («Энеиды», «Эклог», «Георгик»). И дело не

только в том, что сам автор учебника неплохо разбирался в римской литературе, — он знал ее не так хорошо, как может показаться на первый взгляд, поскольку немалая часть цитат была несомненно заимствована из других руководств по грамматике. Но зато Юлиан показывает неплохое знакомство с этими руководствами, являвшимися неотъемлемой частью римской культуры. В их числе упоминаются учебные пособия, написанные Теренцианом Мавром (III в. или IV в.?), Донатом (IV в.), Ма́ксимом Викторином (IV в.), Аудаксом (IV в.?), Диомедом (IV в.), Харизием (IV в.), Маллием Теодором (конец IV или начало V в.) и Кледонием (V в.). Очевидно, что эти пособия продолжали использоваться и в Средние века, а потому, при всем значении новой — христианской — литературы в «школьной программе» вестготской Испании, доминировать в ней продолжали все же античные образцы.

Литература. В данном случае под «литературой» понимается вся совокупность текстов — как художественных, так и исторических, богословских, энциклопедических сочинений, естественнонаучных и юридических трактатов и др. Как и в римскую эпоху, четкой специализации жанров еще не существовало. Не сложилось и скольнибудь выраженной специализации: авторы того периода еще оставались универсалами, способными создавать сочинения самых разных жанров — от поэтических до богословских. При этом как они сами, так и их современники считали подобное положение нормальным. Именно поэтому творческая индивидуальность каждого автора может быть

адекватно понята лишь при учете всей совокупности созданных им текстов.

Важнейшей чертой, характеризующей литературную жизнь вестготской Испании, стала преемственность античной традиции, выступавшей как главное средство осмысления и интерпретации христианских образов. Эта общая тенденция проявилась прежде всего в сохранении норм античной риторики, следование которым прослеживается и в произведениях новых, христианских, жанров (гомилиях, комментариях на тексты Священного Писания, церковных гимнах и др.). Более того, на фоне определенного упадка предшествующего периода латинская риторическая традиция (в ее позднеримском восприятии) переживает даже новый подъем. Рожденная в античном обществе с его по преимуществу устной культурой, риторика обрела новую жизнь в церковной литургии. В данном случае под «литургией», как это принято на Западе, понимается вся система церковной обрядности, включая внешнее оформление храмов и отдельных церемоний, принципы организации различных видов богослужений (богослужения суточного цикла, праздничные и др.) и иных церковных ритуалов (крещение, похоронный обряд и др.), церковный календарь, а также связанный с ними обширный комплекс литературы, фиксирующей соответствующие нормы и принципы и содержащей, среди прочего, тексты церковных песнопений, молитв и т. п.

Существовавшей в Испании до второй половины XI в. особой, отличной от римской, литургии

(позднее названной «мосарабской», т. е. связанной с христианским меньшинством, проживавшим на завоеванной мусульманами территории) были свойственны значительная, по сравнению с современными ей римскими аналогами, масштабность и пышность, а также многословность и изысканность литургических текстов. Среди прочего в их число входили и ранние, оригинальные латинские версии переводов отдельных частей Священного Писания, выполненные ранее конца IV — начала V в., когда появился перевод Иеронима — основа современной официальной версии латинской Библии (так называемая «Вульгата»). Из библейских текстов «мосарабской» литургии сохранилась только так называемая «Готская Псалтырь», не имеющая никакого отношения к готской Библии Ульфилы (место осуществления этого латинского перевода точно не известно).

«Мосарабская» литургия окончательно оформилась лишь к концу VII в.: завершение этого процесса традиционно связывается с именем Юлиана Толедского. Авторов связанных с ней текстов мы знаем лишь по упоминаниям у писателей того времени — Исидора Севильского, Ильдефонса Толедского, Феликса Толедского, а также автора анонимной хроники 754 года. Однако анализ их сочинений показывает, сколь активно они задействовали самые разные стили и фигуры римской риторики при очевидном влиянии манеры Вергилия и некоторых других римских авторов, в особенности сатириков, привлекавших морализаторским духом их произведений.

В целом, стилистика литературных текстов (не только литургических — Служебника, календарей, гимнариев, антифонариев, мартирологов, перечней мучеников испанского и неиспанского происхождения и др.) не оставалась неизменной. Так, начиная с III Толедского собора (589 г.) литературный стиль соборных постановлений становится все более сложным, лексика существенно обогащается, появляются многословие, напыщенность, плеоназмы. Мы не знаем, кто конкретно осуществлял редакцию церковных канонов; вероятно, главным образом она была делом рук писцов-нотариев. Лишь в отдельных случаях можно зафиксировать факт влияния стилистических предпочтений отдельных лиц, в частности они отразились в декрете толедского епископа Евгения II, помещенного в финальной части постановлений X Толедского собора (656 г.). Интересно, что та же тенденция проявляется и в языке светских законодательных актов. Он становится более богатым лексически, более возвышенным, а построение фраз — манерным и не всегда ясным. Впрочем, в сфере языка вестготских законов, изданных в разные периоды, сосуществовали две манеры: одна характеризовалась относительной безыскусностью языка, иногда — даже его вульгаризацией, а другая — изысканностью и, вероятно, создавалась трудами подлинных эрудитов.

Неотъемлемой частью литургии были поэтические тексты. Именно церковные гимны стали наиболее распространенным поэтическим жанром эпохи. Они были столь популярны, что множились, несмотря на попытку пресечь их составление постановлением

IV Толедского собора (633 г.) (поскольку такие гимны были очень широко представлены в богослужениях последователей еретика Присциллианиа). Во время богослужений исполнялись гимны, написанные Пруденцием, Венанцием Фортунатом, а также (преимущественно — испанскими) авторами.

Поэзия являлась важной частью и круга чтения образованных людей вестготской Испании. Сохранился сборник текстов для чтения — так называемая «Испанская антология», большая часть рукописи которой ныне находится в Национальной библиотеке в Париже, а один из фрагментов — в библиотеке Лейденского университета. Она представляет собой сборник прозаических, но главным образом поэтических текстов, состав которого весьма показателен. Наряду с христианскими авторами разных периодов (Седулием, Драконцием, Мартином Браккарским, Евгением II Толедским, Юлианом Толедским, а также Иоанном Толедским, Леандром Севильским и Исидором), там присутствуют и римские авторы языческих времен: Катон, Петроний Арбитр, фрагменты стихов Вергилия, ошибочно приписанные Овидию, а также сочинение «Жизнь Вергилия», грамматика Фоки и др. Другая подобная антология — кодекс из Асагры, который ныне хранится в Мадриде, — включает поэму-посвящение базилике св. Иоанна в Баньос, стихи Седулия, Драконция и Евгения II Толедского. Таким образом, античные авторы не только находились в поле зрения людей вестготской эпохи, но и оставались неотъемлемой частью литературного процесса, воспринимаясь на равных с авторами современными.

Влияние римской риторической традиции сказывалось и на новых, чисто христианских жанрах. Не все из них были представлены достаточно равномерно. Так, например, церковные писатели вестготской эпохи не внесли особенного вклада в развитие жанра письменной проповеди (гомилия); в Испании этот жанр был представлен главным образом гомилиями неиспанских авторов: Августина, Максима Туринского, Льва Великого, Цезария Арелатского.

Зато подлинного расцвета достигла агиография — сочинения, связанные с культом святых. Сохранилось не менее восьми житий, написанных разными авторами из разных регионов Вестготской Испании. Среди них принято выделять «Житие и мученичество святого Дезидерия» Сисебута, «Житие св. Эмилиана Исповедника» Браулиона Сарагосского, «Жития святых отцов меридских» Павла, дьякона из Мериды, и «Житие св. Фруктуоза» Валерия из Бьерсо. Связь их жанровых особенностей с традицией римских биографических и панегирических сочинений несомненна. Вместе с тем, исследователи отмечают и факт формирования определенных «внутрижанровых» черт, свойственных агиографии как жанру христианской литературы. Композиция и литературный стиль житий испано-готского времени среди прочего носят следы влияния произведений Пруденция и анонимного «мученичества» св. Викентия Сарагосского.

На тесную связь испанской агиографии с запиренейской традицией житийной литературы указывает также факт появления сборника, составленного во

второй половине VII в. аббатом Валерием из Бьерсо, который и сам внес вклад в развитие агиографического жанра. Он включил в свое собрание, предназначенное для монахов его собственного монастыря в Бьерсо, наиболее выдающиеся агиографические сочинения, начиная с римских времен. В их числе — два из трех «житий монахов» Иеронима (жития Павла и Иллариона), «История монахов» Руфина Аквилейского, трактат «Об исправлении грешника» Иоанна Златоуста, житие св. Амвросия Медиоланского, написанные в Галлии жития св. Германа Парижского и св. Мартина Турского (автор последнего — Сульпиций Север), испанское «Житие Дезидерия Исповедника» Сисебута (остальную часть сборника составили фрагменты из монашеских уставов Иоанна Кассиана и Исидора Севильского и стихи Евгения II Толедского).

Влияние античной традиции проявилось также в таких чисто христианских жанрах, как историография и богословские трактаты. В историографии, наряду с чисто христианским жанром (хроника), представлена и «история» в ее античном понимании. Более того, даже хроника воспринималась как проявление жанра римской анналистики. Определяя различие этих двух типов исторических сочинений, Исидор Севильский отмечает: «Между „историей“ и „анналами“ различие таково, что история повествует о тех временах, которые мы сами наблюдаем, анналы же — о тех, которые неведомы нашему веку» (Ethym. I.44.4). При этом в качестве примера историков приводится

Саллюстий, а анналистов — не только Евсевий Кессарийский и Иероним, но и Тит Ливий. Эти принципы сохраняют свое значение в течение всего периода, вплоть до времени создания последнего памятника историографии вестготской эпохи — анонимной «Хроники 754 года», повествующей о конце Толедского королевства. Что касается богословских сочинений, то их композиционные принципы, характер аргументации и манера изложения явно воспроизводили соответствующие принципы античных философских сочинений. Избиравшиеся для этих целей жанры «комментариев», «сентенций» и др. в большинстве своем имели прямые или косвенные античные прототипы.

Важнейшим элементом литературного процесса стало формирование целой системы центров и связанных с ними литературных направлений. Правда, в силу крайней ограниченности круга авторов эти центры далеко не всегда существовали параллельно. Чаще лидирующая роль переходила от одного к другому. Так в VI в. доминировали представители восточных областей полуострова, главным образом выходцы из Картахенской провинции. Уроженцами этих мест были богословы Лициниан Картахенский, Юст Уржельский, Юстиниан Валенсийский. Там же обосновался выходец из бывшей римской Африки аббат Донат, прибывший вместе с наиболее доверенными братьями и большой библиотекой (что особенно отмечалось современниками). Епископом Валенсии являлся знаменитый Евтропий (? — ок. 608 г.), выдающийся церковный деятель, ранее — аббат Сервитанского

монастыря (приблизительно с 584 г.), и лишь затем вступивший на епископскую кафедру. Наряду с Леандром Севильским он был одним из инициаторов проведения III Толедского собора (589 г.). Из созданных им произведений сохранилось несколько писем, в частности послания «О строгости монашеской жизни» и «О восьми грехах».

Однако в дальнейшем, с падением византийского анклава, значение выходцев с Востока упало: о писателях более позднего времени мы знаем крайне мало, а их сочинения практически не сохранились. Таковы, в частности, некий Идалий Барселонский (один из корреспондентов Юлиана Толедского) и Квирик Барселонский, из произведений которого дошел только гимн в честь святой девы Евлалии. Впрочем, в известной степени литературная традиция испанского Востока нашла продолжение в других районах Испании. В частности, Леандр Севильский и его знаменитый брат Исидор были уроженцами Картахены, оттуда же происходил и Иоанна Бикларский, позднее осевший в Сарагосе.

Литература Свевского королевства (земли которого после 585 г. вошли в состав Вестготского государства) последнего периода его истории представлена сочинениями Мартина Браккарского. Уроженец Паннонии, он длительное время провел на христианском Востоке (Сирия, Палестина, Египет), где изучал философию и богословие. Сохранился довольно обширный корпус его сочинений. Помимо переписки, в их число входят главным образом наставления пастырского характера,

призванные прояснять важнейшие положения веры для вновь обращенных из арианства: «Об исправлении сельских жителей», «О гневе», «О пасхе», «Формула честной жизни», обращенная к свевскому королю Миро и др. Сохранились также написанные им гомилии (проповеди).

С исчезновением Свевского королевства литературная традиция в западных областях Вестготской Испании не прервалась. Ильдефонс Толедский упоминает о епископе Паленсии Конанции (? — ранее 639), участнике IV и V Толедских соборов (633 и 636 гг.), известном не только как глава епископальной школы (в частности, у него учился Фруктуоз Браккарский), но и как автор, оставивший не сохранившийся до нашего времени сборник комментариев (или проповедей) на псалмы.

Его ученик Фруктуоз (его светское имя неизвестно) (ранее 615 — ок. 665), представитель знатного готского рода, вероятно, находившегося в родстве с епископами Безье, сын дукса, управлявшего провинцией (Галисией?), прославился прежде всего как видный представитель испанского монашества. Основанный им монастырь Комплудум дал начало целой серии монастырей, составивших своеобразную монашескую конгрегацию, обители которой располагались от Галисии до Андалусии. Его монашеский устав, написанный между 635 и 640 гг., предназначался, вероятно, для монахов монастыря в Бьерсо. Продолжая дело Мартина Думийского, он около 654 г. стал аббатом-епископом Думио, а в 656 г. по решению X Толедского собора возглавил метрополию Браги.

Из других его сочинений сохранилось также два письма, адресованных Браулиону Сарагосскому и одно — королю Рецесвинту. Поэтические произведения, традиционно атрибутируемые Фруктуозу, скорее всего ему не принадлежат.

Монахом основанного Фруктуозом монастыря в Бьерсо был Валерий из Бергидо (? — 695), позднее возглавивший обитель. Уроженец Асторги, известный аскет, он являлся одним из последних испанских писателей, получивших светское образование. Валерий известен также как оригинальный поэт. Используемые им поэтические формы (сам он называет их «эптаметронами»), метрика, язык весьма своеобразны, тогда как прозаические произведения созданы под явным влиянием сочинений папы Григория Великого. Главным из них стало «Житие св. Фруктуоза, епископа Браккарского», составленное по непосредственным жизненным впечатлениям, а также устным свидетельствам. Цель создания жития — стремление возвысить культ святого, выступающего прямым преемником традиции египетских монахов и приравниваемого по значению к тому авторитету, которым пользовался Исидор Севильский: если последний предстает в прологе как пастырь, который «блистая славным красноречием, прославился созданием книг», то Фруктуоз «сияя высшей добродетелью, дал пример истинной веры».

На рубеже VI–VII вв. главный культурный центр переместился в Севилью. Здесь развивалась деятельность Леандра Севильского (о единственном сохранившемся его тексте см. выше), среди

учеников которого был и Иоанн Бикларский. Но наивысший подъем севильской литературы связан, разумеется, с именем Исидора Севильского (ок. 560–636). Младший брат Леандра Исидор (родившийся, вероятно, уже в Севилье) стал преемником и продолжателем всех его начинаний. Около 601 г. он занял кафедру, освободившуюся после смерти брата. По его инициативе и при его непосредственном участии были созваны II Севильский собор (619 г.) и, что особенно важно, IV Толедский собор (633 г.), сыгравший особую роль в процессе формирования государственной идеологии Толедского королевства. Он оказывал значительное влияние на политические процессы в правление нескольких королей: Лиувы II, Виттериха, Гундемара, Сисебута (который являлся его учеником), Реккареда II, Свинтилы и Сисенанда (узурпация которым престола не могла быть узаконена без согласия севильского епископа). Наконец, Исидор активно преподавал: помимо любимого ученика Браулиона Сарагосского, у него (правда, с меньшей долей вероятности) учились Ильдефонс Толедский и Тайон Сарагосский, а также будущий король Сисебут. Уже при жизни его имя получило известность далеко за Пиренеями, а его труды стали восприниматься как логическое продолжение и во многом завершение сделанного Августином для становления специфически-западной христианской доктрины.

Обширный корпус произведений, созданных Исидором, в содержательном плане может быть подразделен на несколько групп.

- Сочинения энциклопедического характера. Здесь на первое место следует поставить «Этимологии или Начала в XX книгах», создававшиеся около 20 лет, начиная с 615 г., и ставшие трудом всей жизни писателя. Отталкиваясь от псевдо-этимологий (литературного приема, использовавшегося римскими авторами по меньшей мере со времен Варрона), он обобщил в нем важнейшие элементы античного культурного наследия. В 20 частях («книгах») сочинения, каждая из которых посвящена отдельному предмету, последовательно освещаются сведения из таких областей, как грамматика, риторика, математика, медицина, право, хронология, богословие, которому посвящено содержание целых трех книг — VI, VII и VIII, государственная и военная система, делопроизводство, биология, география, землеустройство, минералогия, сельское хозяйство, военное дело и, наконец, календарь. По содержанию к этому масштабному труду примыкают «Дифференции в двух книгах» — перечень определений важнейших понятий посредством их сопоставления со сходными по смыслу (иногда оно носит искусственный характер и является лишь литературным приемом). Вероятно, к этой же группе следует отнести и сочинение «О природе вещей», продолжающее римскую традицию популярного изложения сведений из области космографии (типа одноименной поэмы Лукреция).
- Трактаты «О происхождении и кончине Отцов [Церкви]» и «О знаменитых мужах» продолжают

традицию римской биографии, вобрав в себя также некоторые жанровые особенности формирующейся традиции житийной литературы. Заметим, что сочинение «О знаменитых мужах» — история христианской литературы (преимущественно в Испании) — продолжает цикл, начатый одноименным сочинением Иеронима и продолженный в V в. Геннадием из Массалии; последнее же произведение цикла будет создано Ильдефонсом Толедским.

- Богословские сочинения: «О церковном служении», «Комментарии на Ветхий завет», «Аллегории», «О числах» (символизм чисел, упоминаемых в Священном Писании), «О ересях», «Синонима», «Сентенции в трех книгах» (обобщающие его собственный духовный опыт христианской жизни), а также «Об ортодоксальной вере против иудеев» (трактат, сформулировавший основные принципы антииудейской политики вестготских королей начиная с Реккареда I) и монашеский устав, получивший распространение в южных районах Испании.
- Историография — представлена относительно небольшой по объему «Историей готов, вандалов и свевов», в тексте которой ощущается влияние трудов Павла Орозия, Аммиана Марцеллина и Иоанна Бикларского. Вступление к труду (знаменитый «Laus Hispaniae») — восторженный панегирик, призванный обосновать права готов и их правителей на роль преемников римской славы. Кроме того, Исидор составил «Хронику», начатую от сотворения мира и доведенную до начала

правления короля Сисебута (а позднее продолженную анонимом — т. н. Исидором Бежским).

Исидорово наследие сыграло огромную роль в дальнейшем развитии средневековой литературы. В Испании наиболее значимая часть писателей VII в. являлась, по существу, продолжателями исидоровой традиции. За Пиренеями труды Исидора (особенно — «Этимологии») получили широчайшее распространение. Об этом говорит уже сам факт наличия многочисленных рукописей, которые часто переписывались именно по причине своей актуальности: самые ранние из них происходят из Ирландии, Британии и Галлии, отстоявших далеко от Севильи. Для авторов более позднего времени Исидор оставался одним из главных источников античной учености. В этом качестве его труды сохраняли свое значение вплоть до эпохи Возрождения, когда вновь обрели широкое распространение те оригинальные сочинения, из которых он заимствовал свои сведения.

Вслед за Севильей крупным культурным центром стала Сарагоса, куда из этого города перебрался Иоанн Бикларский (после 540 — между 624 и 631), занявший местную епископскую кафедру. Сведения о его биографии у разных авторов порой противоречат друг другу. Считается, однако, что он родился в местечке Скалабис (современный Сантарен, Португалия) в знатной готской семье, видимо, исповедовавшей ортодоксальное христианство еще до реформы Реккареда I; по другой версии его отцом был епископ Осмы Грегорий. Около 7 лет (между 570–578 гг.) Иоанн провел

в Константинополе, где завершил свое образование. По возвращении в Испанию он подвергся репрессиям за свои религиозные убеждения: около 10 лет Иоанн провел в ссылке в Барселоне. После смерти короля Леовигильда гонения на ортодоксальных христиан закончились. Именно в это время Иоанн основал монастырь в местечке Биклар (на территории современной Каталонии) и стал его аббатом (к сожалению, написанный им специально для этой обители монашеский устав не сохранился). Ильдефонс Толедский, составивший его краткую биографию, утверждает, что в дальнейшем Иоанн после кратковременного пребывания в Севилье стал епископом Сарагосы (около 619 г.) и умер около 631 г. (по другим сведениям, около 590 или 591 гг. он стал епископом Жероны и умер около 624 г.).

Из сочинений Иоанна, судя по всему, не особенно многочисленных, сохранилась только хроника, охватывающая период 568–589 гг. Она стала одним из многочисленных продолжений хроники Евсевия Кессарийского, переведенной на латинский язык и продолженной Иеронимом (непосредственным предшественником Иоанна был писатель из бывшей римской Африки Виктор Туннунский). Несмотря на краткость содержащихся в ней сообщений, она интересна своей стилистикой и языком, последовательно воспроизводящим нормы латыни эпохи Поздней Империи.

Преемником Иоанна по кафедре стал его брат Браулион Сарагосский (ок. 585 — после 651), ученик Исидора и, возможно, в какой-то мере и своего

старшего брата. Будучи епископом Сарагосы, он занимал видное положение не только в культурной, но и церковной и политической жизни в масштабах всего королевства. В переписке с ним состояли Исидор Севильский (дружеские и доверительные отношения между учителем и учеником сохранялись до смерти Исидора, и именно Браулион стал автором окончательной редакции «Этимологий»), Тайон Сарагосский, папа Гонорий I (625–638), короли Хиндасвинт и Рецесвинт, епископ Толедский Евгений II, Фруктуоз Браккарский. После смерти Исидора Браулион превратился в наиболее значимую фигуру церковной и культурной жизни Испании своего времени. В письмах он дает советы королям по поводу кандидатур епископов и редактирования законодательных актов. На VI Толедском соборе (638 г.) Браулион играл одну из ключевых ролей, направив ответ папе Гонорию I от имени всех испанских епископов в ответ на папскую критику позиции Церкви Толедского королевства по отношению к иудеям.

В его литературном наследии особое место занимает переписка: сохранился обширный корпус, включающий 44 письма, написанные как самим Браулионом, так и его корреспондентами. Содержание писем чрезвычайно интересно. Оно позволяет представить себе не только детали повседневной жизни, уровень образования, а также образ мыслей как духовных лиц, так и высокопоставленных мирян той эпохи. Кроме того, письма дают важную информацию о таких значимых культурных событиях, как создание Исидором его

«Этимологий», а также о процессе работы над редактированием будущего кодекса Рецесвинта. Особого внимания заслуживают язык и стиль переписки. Они знаменуют собой переход от простых и элегантных форм эпистолярного стиля, свойственного, в частности, Иерониму (видимо, главному образцу стилистики для Браулиона), к стилю пышному, витиеватому, перенасыщенному сложной образностью и богатой, иногда даже до чрезмерности, лексикой, свойственному официальной риторике Толедского королевства начиная со второй трети VII в.

Около 636 г. Браулион написал «Житие св. Эмилиана Исповедника», адресованное младшему брату Фронимиану, настоятелю посвященного этому святому монастыря, располагавшегося на землях современной области Риоха. История Эмилиана, изначально — простого пастуха, обратившегося к жизни отшельника, ставшего затем пресвитером, а закончившего жизнь настоятелем собственной обители, содержащая яркие картины повседневной жизни испанского общества вестготского времени, дала начало формированию одного из наиболее распространенных в средневековой Испании культов святых.

Помимо этого, Браулион писал латинские гимны, из которых сохранился только один — в честь св. Эмилиана Кордовского, который характеризуется исследователями как одно из наиболее ярких поэтических произведений своей эпохи. Не случайно поэтическому творчеству посвятил себя любимый ученик Браулиона — будущий епископ

Толедо, выдающийся поэт Евгений II, ставший архидьяконом в Сарагосе и направленный на толедскую кафедру лишь под жестким нажимом короля Хинтилы (Браулион никак не хотел его отпускать).

Сарагоса стала также местом литературной деятельности другого ученика Браулиона (а возможно, и Исидора Севильского) — Тайона (ок. 602 — ок. 683). О его жизни известно немногое. Какое-то время он был пресвитером в Сарагосе, а затем принял постриг и стал аббатом обители, расположенной недалеко от города. Именно на это время приходится его поездка в Рим, предпринятая по приказу короля Хиндасвинта. После смерти Браулиона был избран епископом. Из атрибутируемых Тайону литературных сочинений несомненно ему принадлежат корпус писем, а также «Сентенции в пяти книгах», написанные под большим влиянием сочинений Григория Великого, прежде всего — «Моралий», специально скопированных Тайоном в Риме. Цитаты из этих сочинений наиболее часты в «Сентенциях». Вторым по значению авторитетом для писателя, судя по частоте цитирования, являлся Августин.

Во второй трети VII в. в качестве главного культурного центра королевства выдвинулся Толедо. Одним из первых толедских писателей, чьи труды получили широкую известность, стал король Сисебут (612–620). О его жизни до вступления на престол, помимо несомненности факта происхождения из среды готской знати, ничего не известно. Очевидна однако его близость с Исидором Севильским (возможно, являвшимся наставником

будущего короля). Во всяком случае, именно Сисебуту Исидор посвятил свое сочинение «О природе вещей», а тот в качестве ответного шага направил ему свое «Стихотворение о затмении луны». По отзывам специалистов, оно не характеризуется высоким уровнем знания космографии, однако указывает на непосредственное знакомство автора с сочинениями Лукреция и Манилия (жившего в I в. н. э., автора поэмы «Астрономия в пяти книгах»). Помимо этого, сохранилось несколько писем Сисебута, адресованных сыну, некоему Адвальвальду, а также византийскому наместнику Картахены.

Главным же сочинением короля-писателя стало «Житие и мученичество святого Дезидерия». Герой жития — епископ города Вьенна, убитый в 607 г. по наущению королевы франков Брунгильды (Брунехильды) и короля Теодориха II. Антифранкская направленность текста не вызывает сомнений. Однако наряду с ней обращает на себя внимание выделение уровня образования святого в качестве одного из главных его достоинств. Оно явно рассматривалось автором (пусть и мирянином, и к тому же готом) как высочайшая добродетель, тогда как франкский король именуется человеком «крайне тупым». Заметим, что и сам текст Сисебута отличается высоким уровнем знания латинского языка и владения литературными приемами, свойственными позднеантичным авторам.

Следующий по времени толедский писатель — Юст Толедский (епископ в 633–636 гг.), о сочинениях которого нам почти ничего не известно. Он

получил образование в школе при монастыре Агали близ Толедо, однако современники (Ильдефонс Толедский) давали ему невысокую характеристику, а приписываемый ему трактат «О Соломоновых знаках», скорее всего, создан другим автором.

Гораздо более известен преемник Юста — Евгений I (? — 646), занимавший толедскую кафедру в течение почти 10 лет. О нем также известно немногое. Он получил образование в школе при монастыре Агали (в которой некоторое время учился параллельно с Юстом) в период аббатства будущего толедского епископа Элладия. Около 615 г. вместе с ним Евгений покинул монастырь и вступил в клир «королевского города», выполняя затем при Юсте функции коллектора (сборщика платежей). После смерти Юста он и сам стал епископом и в этом качестве присутствовал на V (636) и VI (638) Толедских соборах. Прославился как знаток математики и астрономии. К сожалению, его сочинения не сохранились.

Преемник Евгения I Евгений II (? — 657) вошел в историю культуры эпохи как самый выдающийся поэт своего времени. Ученик Браулиона Сарагосского, затем — архидьякон сарагосской базилики св. Викентия, а еще позднее — толедский епископ, он был участником и председателем на четырех Толедских соборах — VII (646 г.), VIII (653 г.), IX (655 г.) и X (656 г.). Никогда, ни прежде, ни впоследствии, соборы не созывались столь часто: по существу, епископство Евгения II знаменует собой эпоху настоящей «соборной монархии». Любопытна история его канонизации: он был объявлен

святым монахами парижского монастыря св. Дионисия (Сен-Дени), считавшими его мучеником IV в. Его тело было перевезено в Париж из мусульманского Толедо и торжественно, с почестями, причитающимися святому, перезахоронено в монастыре. Однако какими бы курьезными деталями не сопровождалась его канонизация, едва ли (пусть и по другим причинам) она не была заслуженной. Авторитет толедской кафедры в епископство Евгения II был непререкаем. К тому же он прославился реформой литургии, после которой она приняла почти тот вид, который сохраняла до самого принятия римского обряда во второй половине XI в.

Его ученик и восторженный почитатель Ильдефонс Толедский оставил патетический отзыв о своем наставнике, содержащий перечень его многочисленных сочинений. К сожалению, большинство из них не сохранилось, в том числе и трактат о Троице, который, видимо, являлся главным трудом писателя. Из прозаических произведений до нас дошли лишь три письма — жалкая толика написанного.

Зато сохранились наиболее существенные — поэтические — сочинения Евгения II, корпус которых довольно обширен. К ним относятся сборники переработанных стихотворений жившего в Вандальской Африке поэта Драконция, а также более 100 поэтических произведений (главным образом гимнов). Их многочисленность кажется даже несколько чрезмерной: вероятно, часть приписываемых ему текстов была создана уже позднее, его учениками. Для поэзии Евгения II характерны

пессимистические мотивы, его лирический герой предстает преодолевающим старческую немощь («Плач старости») и жизненные трудности. Его стихи лиричны, эмоциональны и откровенны. В этом смысле они в известной мере выступают антиподами его переписки, которая «демонстрирует скорее высокий уровень образования, чем собственно талант» (М. Диас-и-Диас).

Учеником и преемником Евгения II был Ильдефонс Толедский (ок. 607–667). Он получил образование во все том же монастыре Агали; возможно, впрочем, что ранее Ильдефонс обучался и в Севилье у Исидора. Впоследствии он стал аббатом этой обители, а в 657 г. сменил Евгения II на толедской кафедре. Значительную часть сведений о его жизни мы получаем из краткого панегирика, составленного в его честь учеником Юлианом Толедским. Впоследствии Ильдефонс был канонизирован. Его житие возникло менее чем через столетие после смерти. По всей видимости, оно составлено толедским епископом Сиксилой (744–753).

Из многочисленных сочинений Ильдефонса сохранилось немногое (так, утрачены его известные лишь по названиям «Синонимы» и «Сентенции»). До нас дошли два небольших сочинения — «О признании крещения» и «Книга о духовном пути пустынника» (собрание образов, аллегорий, описаний мистических событий), которые повествуют о сути таинства крещения и идеальной жизни принявшего его христианина и построены на основе положений святоотеческих текстов. Главным же трудом писателя стал трактат «О вечном девстве

Святой Марии против трех неверных», посвященный барселонскому епископу Квирику (возможно, именно он в дальнейшем сменил Ильдефонса на толедской кафедре). В нем ощущается большое влияние манеры Иеронима, а также «синонимического» стиля Исидора Севильского.

Наиболее же известное сочинение — «О знаменитых мужах» — является прямым продолжением одноименного произведения Исидора. Характерны новации, которые Ильдефонс вносит в утвердившийся со времен Иеронима (и развитый Геннадием из Массалии и Исидором Севильским) жанр христианской литературной истории. В числе 14 персонажей (от папы Григория Великого до Евгения II Толедского) явно преобладают представители толедской кафедры. Причем далеко не все из них были внесены в этот перечень за свои литературные заслуги: гораздо в большей степени для автора оказываются важными их христианские добродетели и качества проповедников. Образцом же христианского ритора для Ильдефонса является, естественно, Исидор Севильский, смысл речей которого в силу изощренности и изысканности его красноречия можно было воспроизвести «лишь повторив их дословно».

Другим знаменитым учеником Евгения II стал выдающийся политический и церковный деятель своего времени Юлиан Толедский (ранее 644 — после 690). Яркий и своеобразный писатель, он являлся, пожалуй, наиболее образованным человеком своего времени, «вторым Исидором» (М. Диас-и-Диас). Сведения о его жизни мы черпаем главным

образом из посмертного панегирика, написанного его преемником по кафедре, епископом Феликсом (693 — ок. 700).

Судя по его данным, Юлиан родился в еврейской семье. Приняв крещение, он окончил школу либо учился непосредственно у Евгения II. По личному выбору короля Вамбы Юлиан был рукоположен в толедские прелаты в 680 году: по-видимому, монарх считал автора панегирической «Истории короля Вамбы» преданным человеком. Однако вскоре после этого Вамба был свергнут и, по всей видимости, не без участия Юлиана. Во всяком случае, он вполне ладил с новым правителем — Эрвигием, посвятив ему сочинение о Божественном суде (ныне утраченное), а также свой труд «О подтверждении шести веков». При нем, и при его преемнике Эгике, Юлиан выполнял важные поручения, председательствовал на четырех Толедских соборах (XII (681 г.), XIII (683 г.) XIV (684 г.) и XV (688 г.)), три из которых (за исключением XIV) носили характер поместных. Более того, на XII Толедском соборе удалось добиться официального подтверждения примата кафедры Толедо над всеми епископами королевства. Юлиана считают также инициатором принятия (или даже автором) целого ряда жестоких антииудейских законов, вошедших в состав двенадцатой книги «Вестготской правды», а также соответствующих соборных постановлений.

Некоторые его сочинения написаны под сильным влиянием исидоровой манеры. К их числу принадлежит прежде всего носящее греческое

название, заимствованное из «Этимологий», «Предсказание (прогностикон) будущего века» — своеобразная антология доктринальных положений о смерти и обновлении человека, предназначенная для составления проповедей. Сюда же относится и «Противоречие (антикейменон) в двух книгах», греческое наименование которого имеет тот же источник и которое содержит интерпретации противоречий в текстах Ветхого и Нового Заветов (вероятно, потому, что было предназначено для целей антииудейской полемики). Завершает эту группу мессианский трактат «О подтверждении шести веков», в основе которого лежит исидорова теория «шести возрастов» мира, ставшая, в свою очередь, результатом развития августиновской концепции исторического времени.

Но славу Юлиану создали все же другие сочинения, отмеченные более высокой степенью оригинальности. К их числу принадлежит, прежде всего, полиметрическая поэма, посвященная некоему Модоэну. Его поэтическая манера сформировалась под влиянием Евгения II. Содержательные и стилистические особенности поэмы Юлиана высоко оцениваются специалистами. Ему принадлежит также учебное пособие («Грамматика»), получившее широкое распространение как в самой Испании, так и за ее пределами (подробнее о нем см. выше). Самым же значительным из всех произведений, созданных писателем, является, пожалуй, «История короля Вамбы» — наиболее яркое историческое сочинение вестготской эпохи, написанное между 673 и 680 гг.

Несмотря на ограниченный объем, оно может быть поставлено в один ряд с самыми выдающимися памятниками раннесредневековой латинской исторической прозы: «История...» изобилует риторическими фигурами, точное происхождение которых неясно, хотя очевидно влияние манер Саллюстия и Лукана. Вместе с тем несомненна связь сочинения Юлиана и с традицией, восходящей к «Истории королей готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского. Строго говоря, «История...» не является единым текстом, а представляет собой комплекс, состоящий из четырех частей, различных по жанру, но объединенных одной общей темой. Так или иначе, все они касаются событий мятежа дукса Павла и его подавления законным королем Вамбой.

Сочинение открывается коротким «Письмом неверного Павла», адресованным от имени мятежника королю, власть которого узурпатор признавать отказывается. Последний демонстративно присваивает себе королевскую титулатуру и предлагает Вамбе «достойно сразиться». Непонятно, является ли это письмо подлинным или же представляет собой сочинение, составленное Юлианом, пусть даже и восходящее к каким-то реальным посланиям узурпатора. Далее следует основной текст, давший название всему комплексу. За ним — «Инвектива скромного историка против галльского мятежа» — уникальное в своем роде произведение, в котором автор выступает с обвинениями всех принадлежащих Вестготскому королевству областей Септимании: «Галлия» выступает в нем

как гнездо непрекращающихся мятежей, «кормилица измены», наказанная войсками победителей за свое вероломство. Жанровые, композиционные и риторические истоки «Инвективы» до настоящего времени остаются практически неизученными. Возможно, ее корни уходят в традицию римской судебной риторики. Наконец, завершает комплекс «Приговор, вынесенный бунтовщикам за измену». Это подлинный судебный приговор, вынесенный в результате процесса над вождями мятежа.

Важной особенностью комплекса (разумеется, прежде всего — основного текста «Истории...») является ее четко выраженная идеологическая окраска. Используя сложную гамму риторических приемов, Юлиан создает образ королевской власти, значительно дистанцированный от римских традиций. На место короля-верховного магистрата встает король-монарх, власть которого носит четко выраженные средневековые черты. Показательна также трактовка Юлианом взаимоотношений короля и Церкви, подчеркивающая зависимость носителя высшей светской власти от толедской метрополии.

Завершая рассказ о Толедо как центре литературной жизни, назовем еще несколько связанных с ним имен и текстов. Феликс, толедский епископ и преемник Юлиана по кафедре (693 — ок. 700 гг.), составил стихотворный панегирик Юлиану Толедскому («Эпитафия Юлиану»), о котором уже говорилось выше. Из Толедо происходят и еще три поэтических текста, не имеющие точной датировки и четко установленного авторства. Это поэмы «Покаянный плач» и «Молитва о быстротечной жизни»,

приписываемые епископу Толедо Сисберту (известны лишь годы его епископата (690–693), а также факт его активного участия в заговоре против короля Эгики, за что он и был низвергнут с кафедры), а также «Эпитафия Антонии», которая считается лучшим из того, что было создано в рамках толедской поэтической традиции.

Архитектура. Судя как по письменным, так и по археологическим данным, города Испании в целом сохранили римский облик. Не претерпела существенных изменений городская планировка. По-прежнему доминирующую роль в очертаниях городской топографии играли каменные стены, возведенные на рубеже эпохи Поздней Империи (правда, они ремонтировались и достраивались, но эти изменения не носили глобального характера). Сохраняли свои значения и римские контуры улиц, в том числе главных — *cardis* и *decumana*, прямизна которых корректировалась лишь особенностями местности. Тем не менее, изменения все-таки ощущались. Во-первых, существенно сократилась территория пригородов, находившихся за пределами городских стен: в условиях военно-политической нестабильности проживание вне линии укреплений стало представлять реальную опасность для жизни и имущества.

За городские стены переселились не только ремесленники и торговцы, но и значительная часть сельского населения ближайшей округи, покидавшая город лишь для проведения необходимых сельскохозяйственных работ. Интересно, что имел место и обратный процесс: из города в свои

укрепленные сельские виллы иногда переселялись представители знати вместе со своими зависимыми людьми; собственно же городское население становилось все более гомогенным, что в дальнейшем сказалось и на топографии.

Во-вторых, изменения коснулись публичных зданий римской эпохи. Утрачивавший античные черты, город уже не нуждался в театрах, амфитеатрах и цирках. Судьба этих зданий оказалась неодинаковой. Где-то (Толедо) они превратились в каменоломни для добычи строительного камня, а где-то сохранились, но использовались в качестве жилых помещений (так, на территории театра Сарагосы образовался еврейский квартал) или укреплений (Ним). Римские форумы также превращались в каменоломни, а затем застраивались. Их уцелевшие здания (храмы, курии, претории) меняли назначение и внешний облик. Крайне редко они превращались в церкви — слишком ограниченным было их внутреннее пространство. Чаще они становились резиденциями новых должностных лиц (преторий в Таррагоне).

В-третьих, наметилась тенденция, которая в литературе именуется «христианизацией» городской топографии. В городах, но особенно — в их ближайших окрестностях, возникли многочисленные церковные здания: храмы — почти всегда в форме базилик, монастыри и другие постройки религиозного назначения. При этом главные городские базилики в большинстве случаев строились за линией внешних стен. Во-первых, они были достаточно обширны по своим масштабам, и на густо

заселенной городской территории место для них найти было непросто. С другой стороны, в таком размещении проявлялась изначально тесная связь христианства с похоронным культом, поскольку земная жизнь рассматривалась лишь как пауза перед вступлением в жизнь вечную. Таким образом, естественным местом расположения базилики становилась территория вблизи захоронений (в римские времена располагавшихся вдоль дорог, за пределами городских стен). Наконец, храмы, охраняемые своим религиозным предназначением, не опасались захватчиков в той мере, в которой это было свойственно мирскому населению.

Базилики, в целом сохранявшие римский облик, — прямоугольная вытянутая форма, две линии каменных столбов, поддерживавших свод и деливших помещение на три узких коридора-нефа, полукруглая абсида с расположенным в ней алтарем — в свою очередь, окружали другие строения, примыкавшие к ним снаружи. Прежде всего это баптистерии (помещения для совершения обряда крещения) округлой формы, далее — жилые и хозяйственные помещения для епископа, клира и обслуживавших их бытовые потребности лиц, а также школы и библиотеки. Другие городские базилики могли располагаться как в пределах городских стен, так и за оградами монастырей. Общее число храмов в городе было относительно невелико (так в Сарагосе упоминаются главная базилика св. Марии, или св. Викентия, а также храмы св. Энграсии, св. Феликса, св. Эмилиана и св. Просвир-за-стенами), однако их

размеры были весьма значительны и каждая могла вместить верующих не менее чем одного городского квартала.

Своеобразным проявлением той же тенденции к «христианизации» архитектуры стало появление специальных помещений для богослужений — капелл, игравших роль домовых церквей, — в домах магнатов и тем более в королевских резиденциях. В отличие от Толедо, где раскопки вестготского города, не совсем совпадавшего по территории с современным, находятся в начальной стадии, вторая резиденция короля Леовигильда в Реккополисе изучена достаточно хорошо. Дворцовые капеллы ранневизантийского образца его дворца должны были символизировать единство духовной и светской власти.

Дальнейшая судьба всех этих строений сложилась по-разному. Некоторые из них были разрушены после мусульманского завоевания. Другие пережили этапы превращения в мечети с кардинальной внешней и внутренней перестройкой, а затем, с приходом Реконкисты, вновь были освящены как христианские церкви и кардинально переделывались вновь. В итоге от позднеримских и вестготских времен к настоящему времени эти здания сохранили лишь фундаменты и самые общие принципы планировки (характерный пример — церковь св. Романа в Толедо, возведенная в VI в., но затем постоянно перестраивавшаяся вплоть до XVII в. включительно).

В большинстве случаев мы можем реконструировать их внешний облик лишь исходя из планов:

реконструированных археологически: именно таким образом можно представить себе внешний вид главной базилики в Барселоне, построенной по северо-италийским образцам, с пристроенным отдельно баптистерием. Кроме того, сохранились отдельные детали внешнего убранства (капители и др.), как правило, использовавшиеся затем как строительный материал для других, более поздних сооружений. Например, элементы декора христианских базилик были использованы при строительстве мечети в Кордове, арабской крепости в Мериде (пров. Бадахос) и т. п. В Мериде же сохранился фрагмент мраморной капители колонны первой половины VI в., употребленной между VIII и X вв. для изготовления могильной плиты для захоронения некоего рабби Йякоба.

Изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Об изобразительном искусстве вестготской эпохи наши знания крайне ограничены: так, скульптура представлена главным образом элементами декора церковных зданий; наиболее представительным современным собранием памятников такого рода является Музей искусства вестготской эпохи в г. Мерида. Отдельную группу памятников составляют мраморные саркофаги, украшенные рельефными изображениями на христианские сюжеты. В манере скульпторов принято выделять влияния искусства средней Галлии, Африки, Рима (саркофаг из Буребы с изображением сцен мученичества свв. Фелиции и Перепетуи (V в. н. э.)). Сохранялось и унаследованное от римских времен искусство мозаики, в которой также

преобладали сюжеты христианского содержания (мозаики из вилл во Фрага, Альфаро, Коскохуэле-де-Фонтоба и др.).

Гораздо лучше сохранились памятники декоративно-прикладного искусства, прежде всего представленного разнообразными ювелирными изделиями. Их типы и принципы декоративного оформления постоянно менялись, из-за чего такие изделия являются важным датирующим материалом для археологов: большинство их известно археологически и обнаружено либо в захоронениях знати, либо в составе кладов. В их числе следует выделить, в первую очередь, богато декорированные пряжки ремней и фибулы (застежки плащей, действовавшие по принципу современной «английской булавки»). Самые ранние пряжки в вестготских захоронениях (конец V в.) представляют собой пластины, крепящиеся посредством петли и украшенные выемками с кабушонами, которые позднее заменяются мозаично расположенными углублениями со вставками из цветного стекла (так называемая техника «клуазоне»).

Современные им большие дугообразные фибулы, использовавшиеся в качестве застежек женских плащей, состоят из трех главных вкладок, соединенных заклепками и посеребренных. Позднее их размеры уменьшаются; они изготавливаются из единого слитка бронзы, с варьирующимся количеством дополнений и геометрическим орнаментом, помещавшимся с внешней стороны. С внутренней стороны прикреплялась металлическая игла и механизм, удерживавший ее в фиксированном

положении. Другие фибулы имеют округлую форму, снаружи покрыты выемками или же выпуклым орнаментом. Продолжали использоваться фибулы римского типа в форме греческой буквы «омега», а также имеющие украшения в виде фигур животных и птиц (оленя, коня, голубя и др.). Фибулы, выполненные в форме орла в технике «клуазоне» и украшенные гранатами или кусками цветного стекла, датируются VI в. Еще более поздние, меньшего размера, отлиты из позолоченной бронзы или украшены золотыми или серебряными вставками.

Другими типами ювелирных изделий были ожерелья, браслеты, серьги и перстни. Ожерелья составлялись из стеклянных бусин и слабо обработанных агатов. Браслеты представляли собой тонкие нити жемчуга; другие же изготовлялись из бронзы и покрывались с внешней стороны простым орнаментом. Серьги наиболее распространенного типа имеют кольцевидную форму с завершением в виде многогранников, катушек или бутонов, с маленьким завитком, к которому крепились подвески. Большинство известных перстней сделано из бронзы; скрепами простой формы к кольцу крепится камень; иногда перстни украшены анаграммами или символическими изображениями.

По мере смешения вестготов с испано-римским населением в захоронениях прослеживаются изменения в типах одежды и украшений. Исчезают фибулы; пряжки ремней из пластины с углублениями заменяются другими, сделанными из жестких пластин, украшенными различными орнаментами — они относятся к так называемому

средиземноморскому типу. Во второй половине VII в. растет число так называемых пряжек «византийского» или лирообразного типа, ввозившихся восточными торговцами или имитировавшихся в испанских мастерских, главным образом в Бетике. Следует особо подчеркнуть, что никакой тенденции к огрублению форм (традиционно воспринимаемому как свидетельство «варваризации») не наблюдается.

Замечательным памятником испанского ювелирного искусства вестготской эпохи являются также золотые короны, выполненные по византийским образцами и преподносившиеся церквям и монастырям от имени королей и магнатов. Они обнаружены в составе так называемого Гуаррасарского клада. Большая его часть в настоящее время хранится в Национальном археологическом музее в Мадриде, а другая — в парижском Государственном музее Средневековья (Музее Клюни). Клад был обнаружен частями в 1858–1861 гг., изначально включал 9 золотых корон и 6 настенных крестов из того же металла и датируется периодом между 621 и 672 гг. К сожалению, самый большой венец (корона Свинтилы) был утрачен в 1921 г.; к настоящему времени наиболее масштабной является вотивная корона короля Рецесвинта из мадридского собрания. Имеющая форму широкого золотого обруча, она снабжена золотыми цепями, предназначенными для закрепления короны в вертикальном положении в помещении храма, а также золотыми подвесками, крепящимися к нижней кромке. Золотые буквы, одна из которых утрачена,

на золотых же цепочках вместе образуют латинскую надпись: «[R]ECCESVINTUS REX OFFERT» («Король [Р]ецесвинт преподносит»).

* * *

Культура вестготского времени — одно из последних проявлений наследия Поздней античности в том широком смысле, который вкладывал в это понятие П. Браун. Вместе с тем ей свойственны и явно средневековые черты. При общем христианском характере ее памятников их отличает не столько количественное, сколько качественное сокращение степени присутствия античных элементов, воспринимавшихся обособленно от контекста, в котором они были созданы и бытовали. Вероятно, наиболее показательным примером такого рода является использование цитат из античных латинских авторов в литературных текстах вестготской эпохи. Уже в VII в. они крайне редко заимствовались из полных текстов произведений. Цитаты кочевали из одного сочинения в другое, частично или даже полностью утрачивая изначальный смысл, словно бы мертвея. Живое и сложное античное прошлое словно бы высушивалось, подвергалось механической деформации и искусственно схематизировалось.

Но вместе с тем в вестготской культуре присутствовали далеко не только черты упадка. Она отражала новый, христианский, взгляд на мир, предлагала новое, гораздо более обобщенное и системное восприятие окружающей реальности,

где на место более или менее хаотичного нагромождения отдельных феноменов приходила целостная, пусть и не бесспорная по содержанию, структура. Так, например, истоками современной культуры дефиниций (общих определений) мы практически полностью обязаны Исидору Севильскому и его современникам. Тогда же, в его «Этимологиях», из сферы богословия она шагнула в области правоведения, историописания (система «шести возрастов мира» и другие варианты периодизаций), в естественные науки и технологии. Игнорировать значение это факта было бы ошибкой.

Как известно, своего апогея все эти тенденции достигли в эпоху Каролингов, культура которой в немалой степени являлась прямым преемником вестготского наследия. Однако специфика вестготских влияний в культуре каролингского времени — это уже предмет отдельного разговора.

Гибель Вестготской Испании (вместо заключения)

В конце VII в. у южных границ Испании появился новый серьезный противник — арабы. Овладев Египтом, они, начиная с 648 г., постепенно подчинили себе и все византийские владения в бывшей римской Африке, превратившейся в эмират Ифрикия. Первые попытки вторжения в Испанию относятся ко временам правления Вамбы. В 707 г. арабский флот вторгся на Майорку, а возможно — и на юго-восток полуострова (район Картахены). Новые вторжения последовали в 709 и 710 гг. К апрелю 711 г., когда началось полномасштабное завоевание, враг уже обладал достаточным представлением о военных возможностях вестготских правителей.

Традиция связывает поражение Толедского королевства с актом предательства, последовавшего со стороны то ли отстраненных Родериком от престола сыновей Витицы (его сын Ахилла продолжал оставаться наместником Таррагонской провинции и при новом правителе), то ли, по наиболее романтической версии, оскорбленного комита Юлиана, над дочерью которого надругался Родерик. Так или иначе, но в 711 г. на полуострове высадилось

берберское войско во главе с полководцем Тариком, клиентом наместника Ифрикии Мусы ибн Нусайра. 23 июля они столкнулись с главными силами вестготской армии, ведомыми самим Родериком, в сражении при реке Гвадалете (в современной провинции Кадис). Несмотря на немногочисленность захватчиков, вестготы были разбиты, а их король погиб (по другим версиям — скончался вскоре после окончания битвы). После этого организованное сопротивление прекратилось. Часть христианского населения и знати, включая толедского митрополита Синдереда, бежала. Кое-где захватчиков встретили с оружием в руках. Тем не менее мусульмане, получившие подкрепление из Ифрикии, постепенно овладели всей территорией королевства: около 720 г. они достигли района Каркассона, тем самым завершив захват Септимании. Толедское королевство прекратило свое существование.

В литературе существуют различные объяснения причин краха Вестготского государства. Однако все они, так или иначе, сводятся к констатации внутренней слабости испано-готской монархии конца VII — начала VIII в.

- Внутренние потрясения и мятежи знати, опиравшейся на частные военные отряды, постепенно подорвали ее основы. Принятие кафолического христианства и проведение политики последовательной опоры на испано-римский епископат (следствием которой стало формирование своеобразной «вестготской симфонии»)

позволили замедлить этот процесс, но не прекратили его полностью.

- Ближе к концу вестготского времени все большее значение стали приобретать местные особенности, активизировалось и получило развитие локальное самосознание (Баскония, северо-восток полуострова, Септимания); все более явственно ощущалась этническая разнородность — не столько общества, сколько знати («испанцы», «галлы», «баски» и др.). Принадлежность к единому государству все более утрачивала практический смысл; реальными хозяевами положения на местах становились локальные группировки светской и церковной знати, активно подчеркивавшие свою «особость». Именно своим договоренностям со знатью на местах Тарик и его сподвижники были в значительной мере обязаны своим военным успехам.
- Эволюция военной организации на протяжении VII в. привела к превращению частных военных отрядов знати в основополагающий элемент военной системы. В итоге король-военачальник по существу превратился в заложника алчной и могущественной аристократии.
- Неизбежным следствием этих процессов стала прогрессирующая слабость королевской власти, контроль над которой получали то отдельные группировки военной знати, то усилившийся епископат. Развитие политической идеологии, провозглашавшейся толедскими соборами, позволило замедлить эту тенденцию,

но не могло пресечь ее полностью. Последний король вестготов Родерик уже практически не контролировал территорию королевства. В источниках упоминается имя некоего Агилы II, какое-то время удерживавшего Нарбонну и даже чеканившего собственную монету. Скорее всего, он был провозглашен почти параллельно с Родериком и правил исключительно Септиманией приблизительно до 714 г. Последним же правителем вестготов «Перечень готских королей» называет некоторого Ардона, находившегося у власти около семи лет и погибшего около 720/721 г.

- Наконец, определенное значение, возможно, имело и некоторое военное преимущество мусульман, обладавших многочисленной и эффективной конницей (впрочем, эта идея, выдвинутая Г. Бруннером, в дальнейшем была оспорена К. Санчесом-Альборносом).

Все эти причины объясняют относительно быструю и легкую победу мусульман-захватчиков. Однако в отдаленной перспективе процессы, стоявшие за этими причинами, оказались не только деструктивными, но и конструктивными. Они означали формирование новых основ социальной и политической системы, черты которой (главным образом, за пределами Испании) проявились уже в эпоху Каролингов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Краткая хронологическая таблица

332 г. — договор (foedus), заключенный готами с императором Константином I.

369 г. — мирное соглашение императора Валента с готами Атанариха.

376 г. — вестготы во главе с Алавивом и Фритигерном переходят Дунай и расселяются на территории Империи.

378 г. — мятеж готов. Битва при Адрианополе. Гибель императора Валента.

382 г. — соглашение императора Феодосия I с готами (тервингами и грейтунгами) с разрешением поселиться на Балканах.

397 г. — соглашение между императором Востока Аркадием и предводителем готов Аларихом, передававшее ему военное командование в префектуре Иллирик.

401 г. — вторжение Алариха в Италию. Битвы при Полленце и Вероне.

405 г. — договор между Аларихом и Стилихоном. Вторжение в Италию готов под предводительством Радагайса.

406 г. — вторжение аланов, вандалов и свевов в Империю.

408 г. — отстранение и гибель Стилихона. Первый поход Алариха на Рим.

410 г. — разгром Рима Аларихом.

413 г. — вторжение вестготов Атаульфа в Галлию.

414 г. — женитьба Атаульфа на Галле Плацидии, сестре западно-римского императора Гонория.

415 г. — устранение Атаульфа. Сигерих. Валия.

Ок. 418 г. — договор (foedus) Валии с императором Гонорием. Возникновение Тулузского королевства вестготов.

419–451 гг. — правление Теодориха I. Начало расселения вестготов в испанских провинциях.

429 г. — уход вандалов и аланов из Испании в Африку.

Ок. 432 г. — договор (*foedus*) свевов с Западной империей.

441–448 г. — правление Рехилы в Королевстве свевов.

451 г. — битва на Каталаунских полях. Гибель короля вестготов Теодориха I.

456 г. — временное завоевание Королевства свевов вестготами.

466 г. — свержение короля вестготов Теодориха II. Эврих — король вестготов.

Ок. 476 г. — обнародование эдикта Эвриха.

484–507 гг. — Аларих II, последний король Тулузского королевства.

493–498 г. — завершающий этап расселения вестготов в Испании.

506 г. — церковный собор в г. Агде (юго-западная Галлия).

506 г. — провозглашение «Бревиария Алариха» («Римского закона вестготов»).

507 г. — битва при Вуйе (близ Пуатье). Гибель Алариха II. Падение Тулузского королевства.

507–568 г. — переходный период от падения Тулузского королевства до окончательного оформления Толедского королевства при Леовигильде.

531 г. — убийство короля Амалариха, последнего прямого потомка Балтов, в Нарбонне.

549 г. — Агила избирается королем в Севилье.

552 г. — высадка византийцев в Испании.

554 г. — мятеж Анатанагильда. Гибель Агилы в Мериде.

Ок. 551 г. — Иордан в Равенне создает исторический труд «О происхождении и деяниях гетов» («Гетика»).

568 — ок. 720 гг. — Толедское королевство вестготов.

Ок. 569 г. — начало царствования Леовигильда.

Ок. 520 — ок. 579 гг. — св. Мартин Думийский, «апостол свевов».

Ок. 558 г. — проповедь Мартина Думийского (Бракарского) в королевстве свевов.

Ок. 570–636 — Исидор Севильский.

578 г. — основание Реккополиса королем Леовигильдом.

Ок. 580 г. — Толедо окончательно становится официальной королевской резиденцией.

580 г. — Арианский собор в Толедо.

579–584 гг. — мятеж Герменегильда (Иоанна).

Ок. 584–585 гг. — падение королевства свевов, включение его территории в состав Толедского королевства.

586 г. — смерть Леовигильда. Начало правления Реккареда.

Ок. 587 г. — обращение короля Реккареда в кафолическую веру.

589 г. — III Толедский собор. Запрет арианства. Обращение вестготов в кафолическую веру.

Ок. 599 г. — смерть Леандра Севильского.

Ок. 599–636 гг. — Исидор — епископ Севильи.

Ок. 607–667 гг. — Ильдефонс Толедский.

615 г. — попытка принудительного крещения иудеев королем Сисебутом.

Между 620 и 621 гг. — основание г. Ологика королем Свинтилой. Взятие Карфагена.

Ранее 644 — после 690 гг. — Юлиан Толедский.

654 г. — провозглашение первой редакции «Книги приговоров» («Вестготской правды»).

657 г. — смерть Евгения II, выдающегося церковного деятеля и писателя.

672–673 гг. — мятеж Павла против короля Вамбы.

680-е гг. — поздняя редакция «Книги приговоров» («Вестготской правды»), осуществленная Эрвигием.

687–700 гг. — правление Эгики. Законы против иудеев и язычников.

28 апреля 711 г. — высадка Тарика. Начало мусульманского завоевания.

711–720/721 гг. — мусульманское завоевание Испании.

Приложение 2
Правители Вестготского королевства

Атаульф (411–415)
Сигерик (415)
Валлия (415–419)
Теодорих I (419–451)
Торисмунд (451–453)
Теодорих II (453–467)
Эврих (467–485)
Аларих II (485–506/7)
Гезалих (507–511)
Амаларих (507 (522) — 531) (здесь и далее: первая дата — получение статуса соправителя, вторая (в скобках) — начало самостоятельного правления)
Теода (Теуда, Тевдис) (531–548)
Тевдегизил (548–549)
Агила I (549–554)
Атанагильд (554–567)
Лиува I (568–573)
Леовигильд (568/569–586)
Реккаред I (586–601)
Лиува II (601–603)
Виттерих (603–610)
Гундемар (610–612)
Сисебут (612–620)
Реккаред II (620–621)
Свинтила (621–631)
Сисенанд (631–636)
Хинтила (636–640)
Тульга (640–641)

Хиндасвинт (641–652)
Рецесвинт (649 (652) — 672)
Вамба (672–680)
Эрвигий (680–687)
Эгика (687–700/701)
Витица (697/698 (701) — 709)
Родерик (Родриго) (710–711/713?)
Агила II (711–714)
Ардон (ок. 714 — ок. 720)

Приложение 3
Церковные соборы римской и вестготской Испании

А. Поместные соборы

589 г. — III Толедский собор
633 г. — IV Толедский собор
636 г. — V Толедский собор
638 г. — VI Толедский собор
646 г. — VII Толедский собор
653 г. — VIII Толедский собор
656 г. — X Толедский собор
681 г. — XII Толедский собор
683 г. — XIII Толедский собор
688 г. — XV Толедский собор
693 г. — XVI Толедский собор
694 г. — XVII Толедский собор

Б. Провинциальные соборы

Начало IV в. — Собор в Эльвире (Иллиберис) (ныне — Гранада)
380 г. — I Сарагосский собор

Между 397 и 400 гг. — I Толедский собор
516 г. — Таррагонский собор
517 г. — Жиронский собор
527 г. — II Толедский собор
540 г. — I Барселонский собор
546 г. — Льейдский собор
549 г. — Валенсийский собор
561 г. — I собор в Браге
572 г. — II собор в Браге
589 г. — Нарбоннский собор
590 г. — I Севильский собор
592 г. — II Сарагосский собор
597 г. — Толедский собор? (факт его созыва является дискуссионным)
598 г. — собор в Уэске
599 г. — II Барселонский собор
614 г. — собор в Эгаре
619 г. — II Севильский собор
655 г. — IX Толедский собор
666 г. — Меридский собор
675 г. — XI Толедский собор
675 г. — III собор в Браге
684 г. — XIV Толедский собор

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Основные издания письменных источников

Памятники права

Colección canónica Hispana. Vol. 4: Concilios galos. Concilios hispanos, primera parte /Por G. Martínez Díez, S.I., F. Rodríguez, S.I. Madrid: CSIC, Instituto Enrique Flórez, 1984.

Colección canónica Hispana. Vol. 5: Concilios hispanos, segunda parte /Por G. Martínez Díez, S.I., F. Rodríguez, S.I. Madrid: CSIC, Instituto Enrique Flórez, 1992.

Colección canónica Hispana. Vol. 6: Concilios hispanos, tercera parte /Por G. Martínez Díez, S.I., F. Rodríguez, S.I. Madrid: CSIC, Instituto Enrique Flórez, 2002.

Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por José Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona, Madrid: CSIC, Instituto Enrique Flórez, 1963.

Lex Romana Visigothorum / Ed. G. F. Hänel. Pamplona: Analecta ediciones y libros SL, 2006.

Liber Iudiciorum sive Lex Visigothorum // *Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer.* Hannoverae et Lipsiae, 1902. P. 467–469 (MGH: Legum Sectio I. T. 1). P. 33–456.

Santos Padres Españoles. T. 2: San Leandro. San Isidoro. San Fructuoso. Reglas monásticas de la España Visigoda / Ed. por J. Campos Ruiz; San Isidoro. Los tres libros de las «Sentencias» / Ed. por I. Roca Melia.. Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 1981.

Историография

Chronicarum quae dicuntur *Fredegarii Scholastici* libri IV. cum Continuationibus / Ed. B. Krusch. MGH: SRM. T. 2. Hannoverae, 1888. P. 1–193.

Chronicorum Caesaraugustanorum reliquiae // Monumenta Germaniae Historica. Ser. Auctores Anquissimmi. T. IX: Chronica minora. Vol. II. Berolini: Apud Weidmannos, 1894. P. 221–223.

Continuatio Byznatia Arabica A. DCCXLI. Continuatio Hispana A. DCCLIV // Monumenta Germaniae Historica. Ser. Auctores Anquissimmi. T. IX: Chronica minora. Vol. II. Berolini: Apud Weidmannos, 1894. P. 323–369.

Crónicas asturianas / Introducción y edición crítica de J. Gil Fernández. Traducción y notas de J. L. Moralejo. Estudio preliminar de J. L. Ruiz de la Peña. Oviedo: Universidad de Oviedo, 1985.

Gregorii episcopi Turonensis Libri Historiarum // MGH: SRM. T. 1. Hannoverae, 1951.

Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano / Ed. W. Levison. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1910. P. 486–535.

Histórias de los Godos, Vandalos y Suevos de *Isidoro de Sevilla*. Estudio, edición crítica y traducción / Ed. Cristobal Rodríguez Alonso. León, 1975.

Hydatii Lemici Chronicon // Monumenta Germaniae Historica. Ser. Auctores Anquissimmi. T. IX: Chronica minora. Vol. II. Berolini: Apud Weidmannos, 1894. P. 3–36.

Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Chronica Maiora // Monumenta Germaniae Historica. Ser. Auctores Anquissimmi. T. IX: Chronica minora. Vol. II. Berolini: Apud Weidmannos, 1894. P. 394–481.

Jordanis. De origine actibusque Getarum. (Getica) // MGH: AA. T. 5. Part. I. Berolini, 1961. P. 53–138.

Juan de Biclaro, obispo de Gerona: Su vida y su obra / Introd., texto crit., com. por J. Campos. Madrid: CSIC, Escuela de estudios medievales, 1960.

Las Historias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla / Estudio, edicion critica y traduccion por C. Rodríguez Alonso. León: Centro de Estudios e Investigación «San Isidoro», Archivo Histórico Diocesano, Caja de Ahorros y Monte de Piedad de León, 1975.

Laterculus regum Visigothorum // Monumenta Germaniae Historica. Ser. Auctores Anquissimmi. T. IX: Chronica minora. Vol. II. Berolini: Apud Weidmannos, 1894. P. 464–469.

Эпистолярные источники

Epistolario de San Braulio / Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla: Publicaciones de la Universidad de Sevilla, 1975.

Epistolae Wisigoticae // Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum tomus III: Merowingici et Karolini aevi, I. Berolini: Apud Weidmannos, 1892. P. 658–690.

Sidonius. Poems and Letters / Ed. by W. B. Anderson. Vol 1. London, Cambrige (Mass.): Harvard University Press, 1936.

Догматические и литургические сочинения

Hymnodia Gotica. Die Mozarabischen Hymnen des alt-spanischen Ritus / Aus handschriftlichen und gedruckten Quellen / hrs. von C. Blume. Leipzig: O. R. Reisland, 1897.

Antifonarium Mozarabicum de la Catedral de León, editado por PP. Benedictinos de Silos. León, 1928.

Isidori Hispalensis Sententiae / Cura et studio Pierre Cazier // Corpus Christianorum. Series Latina, 111. Turnhout: Brepols Publishers, 1998.

Isidorus Hispalensis. Liber numerorum (Le livre des nombres) / Ed., trad. et comm. par J.-Y. Guillaumin. Paris: Les Belles Lettres, 2005.

Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle / Ed. par D. M. Férotin. Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1904 (Monumenta Ecclesiae Liturgica, V).

Liturgia Mozarabica //Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. T. 85–86. Paris, 1862.

Martini Episcopi Bracarensis Opera Omnia / Ed. C. W. Barlow. New Haven: Yale University Press, 1950 (Papers and Monographs of the American Academy in Rome, XII).

San Ildefonso de Toledo. La virginidad perpetua de Santa María. El conocimiento del bautismo. El camino del desierto. Madrid: Biblioteca de autores cristianos, 1971 (Santos Padres Españoles, I).

Sancti Isidori episcopi Hispalensis De ecclesiasticis officiis. Turnholti: Typographi Brepols editores pontificii, 1989.

Ученая и дидактическая литература

Ars Juliani Toletani episcopi. Una gramática latina de la España visigoda / Ed. M. A. H. Maestre Yenes. Toledo: Publicaciones del Instituto Provincial de investigaciones y estudio toledanos, 1973.

Isidori Hispalensis epicopi Liber Differentiarum [II] / Cura et studio M. A. Andrés Sanz // Corpus Christianorum. Ser. Latina. T. CXI A. Tournhout: Brepols publishers, 2006.

Isidoro de Sevilla. De Differencias Libro. I / Introducción, edición crítica, traducción y notas por C. Codoñer. Paris: Les Belles Lettres, 1992.

Isidorus Hispalensis. Sententiae / Ed. P. Cazier. Turnhout: Brepols, 1998. (CCSL, 111).

La «Renotatio librorum domini Isidori» de Braulio de Zaragoza (+ 651) / Introducción, edición críti-

ca y traducción por Jose Carlos Martín. Logroño: Fundación San Millán de la Cogolla, 2002.

San Isidoro de Sevilla. Etimológias. Edición bilingüe preparada por J. Oroz Reta y M.-A. Marcos Casquero / 2 vols. Madrid: Biblioteca de autores cristianos, 1993.

Institutionum Disciplinae // *Sánchez Prieto A. B.* Las Institutionum Disciplinae: programa educativo para un noble godo // Ideales de formación en la historia de la educación / Coord. por J. Vergara Ciordia, F. Sánchez Barea, B. Comella Gutérrez. Madrid, 2011. P. 102–104.

Агиография

Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani / Ed. crit. por L. Vazquez de Parga. Madrid: CSIC. Instituto Jerónimo Zurita, 1943.

El «De viris illustribus» de Isidoro de Sevilla. Estudio y edición crítica por C. Codoñer Merino. Salamanca: CSIC. Instituto «Antonio de Nebrija». Colegio Trilingüe de la Universidad, 1964.

[Iuliani Vita S. Ildefonsi] // España Sagrada. T. 5. Madrid, 1859. P. 463–464.

Magni Ennodii Vita Epifani / Rec. F. Vogel // Monumenta Germaniae Historica. Ser. Auctores antiquissimi. T. VII. Berolini: Apud Weidmannos, 1885. P. 64–109.

Passionario Hispánico / Ed. A. Fabrega Grau. T. 1–2. Madrid, Barcelona: CSIC. Instituto Enrique Flórez, 1953, 1955.

Vita vel passio sancti Desiderii a Sisebuto rege composita // Miscellanea Wisigothica / Ed. I. Gil. Sevilla: Publicaciones de la Universidad de Sevilla, 1972. P. 51–68.

La Vida de S. Ildefonso, escrita por Cixila... // España Sagrada. T. 5. Madrid, 1785. P. 482–506.

La Vida de San Fructuoso de Braga. Estudio y edición crítica / Ed. por M. Díaz y Díaz. Braga: s. e., 1974.

Vitas Sanctorum partum Emertensium / Ed. A. Maya-Sánchez // Corpus Christianorum, Series Latina. Vol. 116. Turnholti: Brepols, 1992.

Латинская поэзия вестготского времени

Anecdota Wisigothica. I: Estudios y ediciones de textos literarios menores de época visigoda /Ed. por M. C. Díaz y Díaz. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1958.

Eugenii Toletani episcopi Carmina. Epistulae. Fragmenta / Rec. Fr. Vollmer // MGH: AA. T. 14. Berolini: Apud Weidmannos, 1905. P. 229–291.

Isidori Hispalensis Versus / Cura et studio J. M. Sánchez Martín // Corpus Christianorum. Ser. Latina. T. CXIII A. Turnhout: Brepols Publishers, 2000.

Recchia V. Sisebuto di Toledo: il «Carmen de Luna». Bari: Adriatica Editrice, 1971.

Díaz y Díaz, Manuel C. Valerio del Bierzo. Su persona. Su obra. León: Centro de estudios e investigación «San Isidoro». Caja España de inversiones. Archivo Histórico Diocesano, 2006. — 458 p.

Надписи

Inscriptiones Hispaniae Christianae / Ed. A. Hübner. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1871. — 120 S.

Inscriptiones Hispaniae Christianae. Supplementum / Ed. A. Hübner. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1900. — 162 S.

Ramírez Sadaba J. L., Mateos Cruz P. Catálogo de las inscripciones cristianas de Mérida. Mérida: Museo nacional de arte romana, 2000. — 322 p.

Real Academia de la Historia. Catálogo del Gabinete de Antigüedades. Epigrafía Hispánica / Por J. M. Abascal, H. Gimeno. Madrid: Real Academia de la Historia, 2000. — 390 p.

Velázquez Soriano I. Las pizarras visigodas. (Entre el latín y su disgregación. La lengua hablada en Hispania, siglos VI–VIII). Madrid: Real Academia Española, 2004. — 630 p.

Vives J. Inscripciones cristianas de la España romana y visigoda / 2-a ed. con un Suplemento. Barcelona: SCIC. Instituto Enrique Flórez, 1969. — 331 p. (Monumenta Hispaniae Sacra. Serie patristica. Vol. II)

II. Основные русские переводы источников по истории Испании позднеримского и вестготского времени

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. Кулаковского, А. Сонни. СПб.: Алетейя, 1996. — 576 с.

Ауров О. В. «Дисциплины для воспитания»: малоизвестный педагогический трактат эпохи раннего

Средневековья (латинский текст, перевод, комментарии) // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2013. №1 (28). С. 7–20.

Вестготская правда. (Книга приговоров). Lex Visigothorum (Liber Iudiciorum). М.: Изд-во университета им. Дмитрия Пожарского, 2012. — 942 с.

Григорий Турский. История франков / Пер. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. — 464 с.

Житие св. Ильдефонса / Пер. и комм. О. В. Аурова // Памятники средневековой латинской литературы. X–XI века /Отв. ред. М. Л. Гаспаров, М. С. Касьян; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2011. С. 269–274.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вст. ст., перевод, комм. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997. — 507 с.

Исидор Севильский. О природе вещей / Пер., комм. Т. Ю. Бородай // Социально-политическое развитие Пиренейского полуострова при феодализме / Под ред. Е. В. Гутнова. М.: АН СССР. Институт всеобщей истории, 1985. С. 137–155.

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В 20 книгах. Книги I–III: Семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006. — 352 с.

Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII / Пер. В. М. Тюленева. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009. — 544 с.

Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII века). Исследования и переводы / Под ред. О. В. Аурова и Е. С. Марей. М.: ИД «Дело», 2017. С. 267–341.

Хроника Альфонсо III (из цикла астурийских хроник конца IX в.) / Пер. и комм. О. В. Аурова // Памятники средневековой латинской литературы X–XI века / Отв. ред. М. Л. Гаспаров, М. С. Касьян; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2011. С. 248–269.

Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Издательство СПбГУ, 2006. — 361 с.

Mater Hispania. Христианство в Испании в I тысячелетии / сост. протоиерей Андрей Кордочкин. СПб.: Алетейя, 2018. — 608 с.

III. Избранная литература

Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.: Алетейя, 1999. — 318 с.

Волков А. А. Испано-мосарабский обряд: к вопросу о двух литургических традициях // Христианское чтение. 2017. №1. С. 75–86.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.: Ювента, 2003. — 656 с.

Захаров Г. Е. «…Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами»: Экклезиологическая проблематика в истории арианских споров. М.: ПСТГУ, 2014. — 190 с.

Клауде Д. История вестготов. СПб.: Евразия, 2002. — 288 с.

Корсунский А. Р. Готская Испания (Очерки социально-политической и экономической истории). М.: Издательство МГУ, 1969. — 326 с.

Корсунский А. Р., *Гюнтер Р.* Падение Западной Римской империи и образование германских королевств. М.: Издательство МГУ, 1984. — 256 с.

Марей Е. С. Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. — 280 с.

Пискорский В. К. История Испании и Португалии / 2-е доп. изд. СПб.: Акц. о-во Брокгауз-Ефрон, 1909. — 279 с.

Скардильи П. Готы. Язык и культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2012. — 388 с.

Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб.: ИД Ювента, 2003. — 286 с.

Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего Средневековья: Конец V — середина VII века / 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 320 с.

Циркин Ю. Б. Испания от античности к Средневековью. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. — 462 с.

Циркин Ю. Б. Древняя Испания. М.: РОССПЭН, 2000.

Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 576 с.

Andrés Sanz Mª. A., *Codoñer C.*, *Iranzo Abellán S.*, *Martín J. C.*, *Panagua D.* La Hispania Visigótica y Mozárabe. Dos épocas en su literatura. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2010.

Arce J. Esperando a los árabes. Los visigodos en Hispania (507–711). Madrid: Marcial Pons Historia, 2011. — 340 p.

Arce Martínez J. Bárbaros y romanos en España, 400–507. Madrid: Marcial Pons, 2007.

Ayala Martínez C. Sacerdocio y Reino en la España Altomedieval. Iglesia y poder político en el Occidente peninsular, siglos VII–XII. Madrid: Sílex, 2008. — 482 p.

Baños Vallejo F. Las vidas de santos en la literatura medieval española. Madrid: Ediciones de Labirinto, 2003.

Bodelón S. Literatura latina de la Edad Media. Madrid: Ediciones Akal, 1989.

Cazier P. Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. Paris: Ed. Beauchesne, 1994. — 329 p.

Claude D. Adel, Kirche und Königtum im Westgotenreich. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1971. — 214 S.

Collins R. Early Medieval Spain. Unity in Diversity, 400–1000. New York: Macmillan, 1983. — 317 p.

Collins R. La conquista árabe, 710–797. Barcelona: Editorial Crítica, 1991.

Collins R. La España visigoda, 409–711. Barcelona: Crítica, 2005. — 284 p.

Díaz y Díaz M. De Isidoro al siglo XI. Ocho estudios sobre la vida literaria peninsular. Barcelona: Albir, 1976. — 320 p.

Díaz y Díaz M. Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles. Aldershot: Variorum, 1992. — 292 p.

Diesner H.-J. Isidor von Sevilla und das westgotische Spanien. Trier: Spee, 1978. — 127 S.

Domínguez del Val U. Historia de la antigua literatura hispano-cristiana. T. 3: San Isidoro de Sevilla. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998.

Domínguez del Val U. Historia de la antigua literatura hispano-cristiana. T. 4: Ciclo o periodo isidoriano. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1998.

Domínguez del Val U. Historia de la antigua literatura hispano-cristiana. T. 5: Siglo VIII. Madrid: Fundación Universitaria Española, 2002.

Fernández Guerra A., *Hinojosa E.* Historia desde la invasión de los pueblos germánicos hasta la ruina de la Monarquía visigoda // Historia general de España T. 1–2. Madrid: El Progreso Editorial, 1891, 1893. — 480 + 460 p.

Fontaine J. Isidore de Séville et la cultura classique dans l'Espagne wisigothique. Paris: Études Augustiniennes, 1983. 3 vols.

Fontaine J. Isidore de Séville. Genèse et originalité de la culture hispanique au temps des Wisigoths. Turnhout: Brepols, 2000. — 489 p.

García Moreno L. A. Historia de España visigoda. Madrid: Catedra. Historia Mayor, 1989. — 392 p.

García Moreno L. A. España 702-719. La conquista musulmana. Sevilla: Universidad de Sevilla. Secretariado de publicaciones, 2014. — 545 p.

García Moreno L. A. España, siglo V. La Monarquía goda Balta y la Diócesis de las Españas. Madrid: Real Academia de la Historia, 2017. — 254 p.

García Moreno L. A. La prosopografía del reino visigodo de Toledo. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1974. — 248 p.

García Rodríguez C. El culto de los Santos en la España Romana y Visigoda. Madrid: CSIC, Instituto Enrique Florez, 1966.

Hillgarth J. N. The Visigoths in History and Legend. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 2009. — 239 p.

Historia de la Iglesia en España. Vol. 1. La Iglesia de la España romana y visigoda (siglos I–VIII) / Dir. por R. García Villoslada. Madrid: Edica, 1979. — 759 p.

Jiménez Gárnica A. M. Orígenes y desarrollo del Reino Visigodo de Tolosa (a. 418–507). Valladolid: Universidad de Valladolid, Secretaría de publicaciones, 1983.

King P. D. Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. — 318 p.

Kulikovski M. Hispania in Late Antiquity: Current Perspectives. Leiden: Brill Academic Publishers, 2005.

Kulikowski M. Late Roman Spain and its Cities. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004. — 490 p.

Martínez Díaz G. El patrimonio eclesiástico en la España visigoda: estudio histórico-jurídico. Santander: Universidad Pontificia de Comillas, 1959. — 200 p.

Mellado Rodriguez J. Lexico de los concilios visigoticos de Toledo. T. 1–2. Córdoba: Servicio de publicaciones de la Universidad de Cordoba, 1990.

Orlandis J. Época visigoda. Madrid: Gredos, 1987. — 290 p.

Orlandis J., *Ramos-Lissón D.* Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona: Ediciones de la Universidad de Navarra, 1986. — 530 p.

Pérez de Urbel J. San Isidoro de Sevilla. Su vida, su obra y su tiempo / 3-a. ed. León: Universidad de León, Secretariado de Publicaciones, 1995. — 284 p.

Pérez Pujol E. História de las instituciones sociales de la España goda. Vols. 2–4. Valencia: Establecimiento tipográfico de F. Vives Mora, 1896. — 320 p. + 584 p. + 568 p.

Reinhart W. Historia general del Reino Hispánico de los suevos. Madrid: s. e., 1952.

Reydellet M. La royauté dans la littérature latine de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville. Paris: École Française de Rome, 1981. — 674 p.

Sánchez-Albornoz C. En torno a los origenes del feudalismo. Libro 1. T. 1: Fideles y gardingos en la monarquia visigoda. Raices del vasallaje y del beneficio hispanos / 2-a ed. Buenos Aires: Editorial universitaria de Buenos Aires, 1974. — 204 p.

Sánchez-Albornoz C. Ruina y extinción del municipio romano en España e instituciones que lo reemplazan // Sánchez-Albornoz C. Estudios Visigodos. Roma: Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1971. P. 9–147.

Sanz Serrano R. Historia de los godos. Una epopeya histórica de Escandinavia a Toledo. Madrid: La esfera de los libros, 2009. — 651 p.

Sejourné P. Le dernier père de l'èglise. Saint Isidore de Séville. Son rôle dans l' histoire du droit canonique. Paris: Beauchesne, 1929. — 535 p.

Teillet S. Des Goths à la nation gothique: Les origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. Paris: Les Belles Lettres, 1984. — 687 p.

Thompson E. A. Los godos en España. Madrid: Alianza Editorial, 2007. — 471 p.

Ureña y Smenjaud R. La legislación gótico-hispana (Leges Antiquiores-Liber Iudiciorum). Estudio

crítico / Ed. de C. Petit. Pamplona: Urgoiti Editores S. L., 2003.

Velázquez Soriano I. La literatura hagiográfica: presupuestos básicos y aproximación a sus manifestaciones en la Hispania visigoda. Burgos: Fundación Instituto Castellano y Leonés de la lengua, 2007. — 349 p.

Velázquez Soriano I. Latine dicitur, vulgo vocant. Aspectos de la lengua escrita y hablada en las obras gramaticales de Isidoro de Sevilla. Logroño: Fundación San Millán de la Cogolla, 2003. — 631 p.

Wood J. The Politics of Identity in Visigothic Spain. Religion and Power in the Histories of Isidore of Seville. Leiden, Boston: Brill, 2012. — 275 p.

Ziegler A. K. Church and State in Visigothic Spain. Washington: The Catholic University of America, 1930. — 221 p.

IV. Основные библиографические справочники

Ferreiro A. The Visigohts: Studies in Culture and Society. Leiden: Brill, 1999. — 332 p.

Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Iberia (A Supplemental Bibliography, 1984–2003). Leiden: E. J. Brill, 2006. — 890 p.

Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Iberia (Update): A Supplemental Bibliography, 2013–2015. Leiden: E. J. Brill, 2017. — 303 p.

Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Iberia (Update): A Supplemental Bibliography, 2010–2012. Leiden: E. J. Brill, 2014. — 365 p.

Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Iberia (Update): A Supplemental Bibliography, 2007–2009. Leiden: E. J. Brill, 2011. — 448 p.

Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Iberia (Update): A Supplemental Bibliography, 2004–2006. Leiden: E. J. Brill, 2008. — 308 p.

Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Spain: A. D. 418–711. Leiden: Brill, 1988. — 822 p.

СОДЕРЖАНИЕ

В стране Исидора Севильского (вместо предисловия) 5

Глава 1

Накануне: римская предыстория вестготской Испании. 11

Глава 2

Расселение варваров в испанских провинциях Западной Римской империи в V — начале VI в. 27

Глава 3

Романо-варварские королевства на территории Испании до конца VI в. 38

Глава 4

Общество и государство вестготской Испании в конце VI — начале VIII в. 83

Глава 5

Культура вестготской Испании 144

Гибель вестготской Испании (вместо заключения) 195

ПРИЛОЖЕНИЯ 199

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 206

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Ауров Олег Валентинович

ИСПАНИЯ В ЭПОХУ ВЕСТГОТОВ

Краткая история

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 01.06.25
Формат 10,0×18,0 см
Гарнитура PT Serif

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: https://eurasiabooks.com/
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: https://www.intermediator.ru
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Вестготская эпоха (начало V – начало VIII вв.) – время, когда на руинах испанских и галльских провинций Рима сложилось новое государство – Испания, короли которой со второй трети VI в. взяли курс на создание новой империи, своеобразной «западной Византии». Вестготская Испания – это последнее античное и первое средневековое государство, в котором сосуществовали античная образованность и христианское сознание, короли, возложившие на себя знаки императорского достоинства и ставшие внешне похожими на византийских василевсов, и влиятельный христианский епископат, умирающие муниципальные курии и набирающие силу церковные соборы. "Царский град" Толедо уступал своим великолепием лишь Константинополю. Но жестокие усобицы ослабляли царскую власть в пользу набиравшей могущество светской и духовной знати. В начале VIII столетия именно знать почти без боя сдала Испанию немногочисленному берберскому войску. Это был конец блистательной эпохи.